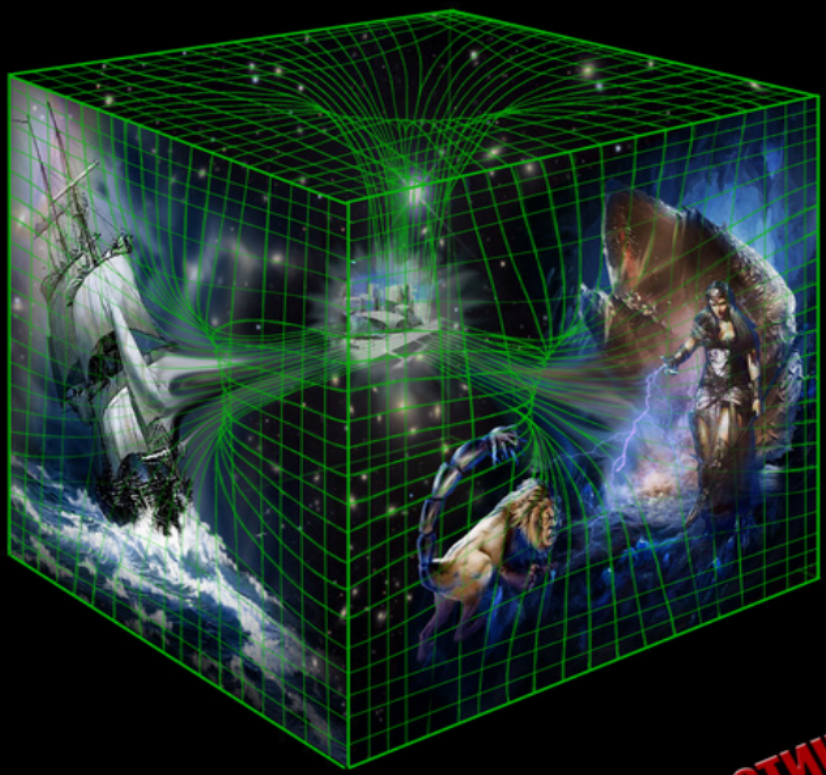
ВИТАЛИЙ ВАВИКИН

КвазиРазмерность

КНИГА ПЯТАЯ



фантастика

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Обрушив самую популярную игровую площадку Размерности, два брата отправляются в мир Подпространства в надежде там повторить свое достижение. Но враги, которыми Арк-Ми и Прай-Ми обзавелись на рухнувшей игровой площадке, собираются последовать за ними в Квазар и помешать воплотить в жизнь грандиозные планы.

- Виталий Вавикин
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая

Виталий Вавикин
КвазаРазмерность
Книга пятая

Глава первая

У братьев не было сомнений, продолжать играть или нет. Вопрос стоял в выборе персонажа. Арк-Ми, как обычно, говорил, что нужно все обдумать, учесть нюансы, а Прай-Ми смеялся и напоминал о множестве раз, когда главной составляющей успеха был случай.

– Знаешь, как раньше говорили: делай все, что в твоих силах, а остальное предоставь богу, – напомнил он брату.

– Хорошее высказывание, – согласился Арк-Ми. – Думаю, тебе стоит взять его на заметку.

– Не мне, а тебе, – рассмеялся Прай-Ми. – Потому что это ты постоянно играешь в бога, пытаясь учесть каждую деталь.

Этот разговор проходил в терминале переходов игрового проекта «Фивы», куда пришли братья, оставив за дверьми толпу фанатов, рьяно пытавшихся выяснить, собираются ли братья отвечать на брошенный им охотниками за наживой вызов и кто виновен в нейронных сбоях, появившихся сразу, как только Прай-Ми вернулся с игровой площадки «Голод». С охотниками за наживой было все просто – они зарабатывали на игровых площадках и, потерпев неудачу в «Голоде», решили отомстить обидчикам. А вот что касается нейронного сбоя, в результате которого жители окруженных льдами жилых комплексов стали слышать странный гул, – здесь дело обстояло чуть сложнее.

– Ты уверен, что мальчишка не врет? – спросил Прай-Ми.

– Зачем ему делать это? – пожал плечами брат.

– Не знаю, – поморщился Прай-Ми, которому Джаво не понравился с первого взгляда. – Согласен, он играл с Саломеей, но…

– Тебе просто не нравится, что он похож на тебя, признайся.

– Не похож он на меня… Разве только немного, да и то… – Прай-Ми увидел улыбку на губах брата и выругался на сленге коренных жителей Размерности.

– Ого! – присвистнул Арк-Ми. – Когда это коренной житель Квазара освоил брань материального мира?

– Я быстро учусь.

Они обменялись примирительными взглядами. История Джаво относительно природы нейронного сбоя действительно выглядела крайне неправдоподобно, но, наверное, именно поэтому заслуживала доверия. К тому же в рассказе мальчишки фигурировало зарекомендовавшее себя в решении чужих проблем агентство «Ксанет», которое при удачном стечении обстоятельств в скором времени могло приблизиться к такому гранду

в подобной отрасли, как агентство «Энеида». К последним за помощью обращалась даже Всемирная иерархия, когда нужно было решить щекотливые вопросы, особенно если речь шла о проблемах в стремящемся к независимости мире Подпространства, где власть клириков была, мягко говоря, условной.

– Думаю, нам повезло, что Саломея смогла завязать дружбу с этим мальчишкой, – сказал Арк-Ми. – Он помог ей значительно продвинуться на игровой площадке, а сейчас помогает найти ее дочь. Конечно, нам повезло, что его отец богач, но…

– Мне интересно, – прервал брата Прай-Ми, – Демир просто идет у сына на поводу или преследует какую-то цель, оплачивая услуги агентства «Ксанет», которое занимается поисками Ариши?

– Мальчишка и его отец могли просто проникнуться судьбой девочки. Ты не думал об этом? Джаво и Ариша – нейропаты. Эта общая беда объединяет их.

– Ну, насколько я понял, мальчишка не считает нейропатию бедой. Помнишь, что он рассказывал о незаконных разработках Энрофы, позволяющих нейропатам получить непосредственный доступ к системному коду? Не знаю, понимает Джаво или нет, но подобное может кардинально изменить двухуровневую реальность КвазаРазмерности.

– Сомневаюсь, что все обстоит именно так. – Арк-Ми напомнил о разговоре с отцом Джаво. – Не забывай, что он недвусмысленно дал понять, что не относится серьезно к подобным разработкам.

– Никогда не доверяй дельцам.

Наблюдавшая за братьями девушка, сотрудница игрового терминала, потеряла терпение и решилась подойти.

«Еще один фанат», – безрадостно подумал Прай-Ми, когда девушка заговорила о легендарном обрушении игровой площадки «Голод». Она упомянула о защите лагеря небожителей и о новой стратегии, разработанной во время игры братьями, затем понизила голос и заметила, что, несмотря на все старания, армия небожителей все равно пала.

– Вам не кажется это странным? – осторожно спросила она.

– Странным? – братья переглянулись. – Почему?

– Вы проиграли, – худые плечи девушки вздрогнули. – Армия небожителей была разбита. Повстанцы одержали победу, пусть и ценой собственных жизней. Они герои, совершившие то, чего не удавалось никому прежде, но аналитики и большинство игроманов возносят до небес вас. Почему? Думаю, было бы более справедливо забрать корону героев у вас и поместить на головы Сета и Ра, возглавлявших армию повстанцев. Вы не согласны?

– Да я только об этом всем и говорю! – в сердцах заявил Прай-Ми. – Мы не имеем никакого отношения к обрушению «Голода». Это была случайность.

– Не случайность, а заслуга предводителей армии бунтующих, – поправила девушка, и взгляд ее стал колким.

– О! – улыбнулся Прай-Ми. – Фанатка охотников за наживой?

– Что в этом плохого? – прищурилась девушка. – Такие как они оживляют игровой процесс.

– Не хочу тебя разочаровывать, но Сет и Ра просто пытаются заработать. То, что с появлением охотников за наживой игрушка становится интересней, – заслуга разработчиков, грамотно создавших призовые фонды.

– Говоришь так, словно сам не преследовал выгоду в играх.

– Вообще-то я отправился в «Голод», чтобы спасти брата, который имел глупость заложить свое тело в незаконном терминале, надеясь, что сможет заработать и откупиться, – напомнил Прай-Ми.

– Вот как? – прищурилась девушка. – А независимые эксперты считают, что обрушение «Голода» было спланировано вами, чтобы повысить рейтинги собственного проекта.

– Это не так.

– Разве вы не являетесь создателем игровой площадки «Мекка», готовящейся к официальному запуску?

– С «Меккой» все сложно, – отмахнулся Прай-Ми, не желая говорить с посторонним человеком о проекте, которого лишился по собственной глупости. Послушай он брата, то не было бы сейчас ни долгов, ни беготни по игровым площадкам, а так… – Я был дураком – и хватит на этом объяснений, – сказал Прай-Ми, обращаясь не столько к девушке, сколько пытаясь таким образом извиниться перед Арк-Ми. – А что касается обрушения «Голода», – он заглянул девушке в глаза, – то здесь вы абсолютно правы – без охотников за наживой ничего подобного никогда не случилось бы. Можете выйти и сказать об этом фанатам. Пусть пристают к Зевсу и Ра, а нас оставят в покое. У меня с братом и без них проблем хватает.

– Думаю, когда Зевс и Ра разобьют вас в «Фивах», люди сами поймут, что ошиблись, и справедливость восторжествует, – девушка заговорщически подмигнула. – Только между нами, – прошептала она, подавшись к Прай-Ми так, что он почувствовал ее дыхание. – Верные фанаты Зевса и Ра уже приобрели им универсальные ключи игроков, так что, как только вы отправитесь в «Фивы», они, зная, каких персонажей вы выбрали, последуют за вами.

– А вам не кажется, что это не совсем честно? – вмешался

в разговор Арк-Ми, всерьез обдумывая возможность подать официальную жалобу. – Выбор игровых персонажей конфиденциален, поэтому…

– Боитесь, что не справитесь? – оживилась девушка.

– Справимся, – пообещал Прай-Ми, заставив брата вытаращить глаза. – Просто не хотелось разочаровывать фанатов охотников за наживой, низложив их героев в начале игры.

– Вот как? – опешила девушка.

– Ничего личного, – примирительно улыбнулся Прай-Ми и направился к игровому терминалу.

– Ты что делаешь? – зашипел Арк-Ми на ухо брату.

– А ты думаешь, лучше подать на эту чокнутую жалобу? Брось. С такими как она нужно дружить, а то потом проблем не оберешься.

– Ты дразнил ее!

– И поверь мне, это именно то, чего она хотела.

Они забрались в капсулы перехода.

– Мы еще не закончили, – пообещал Арк-Ми.

– Продолжим на игровой площадке, – отмахнулся Прай-Ми, закрывая крышку капсулы.

Система переходов была автоматизирована, но в официальных терминалах всегда было слишком людно. Рабочий персонал и наблюдатели сновали повсюду, создавая иллюзию занятости, хотя в действительности просто создавали толчею. Владельцы официальных терминалов не раз подавали запрос в Институт всемирной иерархии, прося пересмотреть количество обслуживающего персонала, но клирики отказывались идти на компромисс, заявляя, что безопасность человеческой жизни превыше потраченных на обслуживание и зарплату персонала единиц Влияния. Подобное заявление выглядело особенно смешным, если учитывать, что наблюдатели в официальных терминалах не имели никакого отношения к безопасности пользователей, работая исключительно с хранителями КвазаРазмерности.

Наблюдатели были призваны контролировать трафик сознаний, не позволяя адептам террористической организации «Мункара и Накира» просочиться в ряды обслуживающего персонала терминалов, – бесполезная мера, учитывая, что любой житель КвазаРазмерности всегда мог воспользоваться для перехода незаконным терминалом, да и организация «Мункара и Накира» имела статус террористической только со слов клириков Всемирной иерархии, обвинивших адептов в трагедии, произошедшей несколько поколений назад в жилом комплексе Isistius labialis. В эту историю верили в основном

жители Размерности. Что касается второго уровня реальности, то для коренных представителей Квазара «Мункара и Накира» была авторитетом таким же, как Всемирная иерархия, а если говорить об ученых созданного в Подпространстве мира, то они вообще считали клириков злом, предпочитая вести переговоры исключительно с адептами. Правда, иногда подобная система давала сбой и даже акеми, алхимики Квазара, не могли обратиться за помощью к представителям «Мункара и Накира». Нечто подобное случилось с братьями, после того как отец ввязался в неудачную аферу, задолжав адептам космическую сумму единиц Влияния… Хотя здесь тоже было все запутано.

«Проблемы всегда были и будут, – думал Прай-Ми, готовясь к переходу. – И чем больше ты на себя берешь, тем больше проблем. Так что нужно либо научиться решать их по мере поступления, либо забиться в угол и не высовываться».

Он закрыл глаза, стараясь не думать о недавнем разговоре с фанаткой охотников за наживой. Не то чтобы его взволновал сам разговор, но упоминание о собственном игровом проекте разбередило старые раны, напомнив, что «Мекка», проект, над которым Прай-Ми работал больше половины жизни, безвозвратно потерян. Конечно, официально Прай-Ми все еще оставался главным разработчиком, но фактически права на «Мекку» давно перешли к сторонней организации, созданной руководителями «Голода» и «Фив». Если они действительно планировали слить старые площадки, переключившись на «Мекку», завлекая молодое поколение игроманов, то можно было предположить, что следом за обрушением «Голода» могут рухнуть и «Фивы». Игровые площадки с их системами бонусов и личными счетами игроков – это считай что финансовая пирамида, колосс на глиняных ногах, если смотреть на это исключительно с экономической точки зрения.

«Решаем проблемы по мере их поступления», – напомнил себе Прай-Ми, получая по нейронной сети отчет автоматического медицинского помощника о состоянии тела. По второму каналу транслировалось предупреждение о неизбежном старении оставляемого в капсуле терминала тела. Третий нейронный канал, нагружая интегрированный модуль, гарантировал длительную сохранность биологической оболочки, наблюдение и лечение, под конец советуя пользоваться исключительно легальными терминалами, одобренными Институтом всемирной иерархии.

«Как только компенсатор резонансов будет включен и ваше сознание изменит колебания линейности, Терминал перестанет нести ответственность за что-либо, кроме сохранности вашего

тела», – заявил напоследок автоматический нейронный помощник.

Капсула показалась вдруг невыносимо тесной. Чувства обострились. Интегрированные жидкие чипы переключились в режим отторжения энергии сознания. Чувство немоты вспыхнуло и погасло. Последнее, что стало осознанной мыслью Прай-Ми, – образ девушки из игрового терминала. Затем система сбросила восприятия линейного времени, интегрируя извлеченные ядра сознания в игровую точку сборки энергетического образа выбранного персонажа.

Прай-Ми очнулся, осознав себя телебом – представителем дикого народа Далеких земель игровой площадки «Фивы». Информационные протоколы, взаимодействуя с ядрами сознания, сообщили, что он находится в долине Махайра – нейтральная территория, где игроки организовали огромный рынок. Разработчики не позволяли игрокам выбрать, за какое племя они будут выступать – как говорили аналитики, первое и последнее вмешательство систем в жизни Далеких земель. В остальном за все отвечали непосредственно игроки.

Перед тем как отправиться в игровой терминал, братья больше всего боялись, что адаптивные алгоритмы превратят их в представителей племени ашдот – грязных, пресмыкающихся жуликов и мелких карманников, промышляющих в долине Махайра. Они питались отбросами и спали на окраинах рынков, где другие игроки устраивали свалки и отхожие места. Ашдоты не умели пользоваться пращей – эксклюзивным оружием телебов, но могли восстанавливать здоровье, находясь на территории свалок, и никогда не испытывали голода, способные питаться всем, что попадется под руку. Их считали коренными жителями долины Махайра так же, как представителей племени гат, но даже последние на дух не выносили собратьев.

«Пожалуйста, пусть я не буду ашдотом», – молился про себя Прай-Ми, скрестив, словно ребенок, на удачу пальцы. Сильно зажмурившись, он настороженно принюхивался к запаху собственного тела. Игровая точка сборки полностью сформировалась, позволяя почувствовать себя частью нового мира. Еще со времен работы в совете разработчиков «Фив» Прай-Ми знал, что от представителей племени ашдот, по замыслу создателей, исходит такая вонь, что начинает резать глаза. Сейчас, кажется, вони не было. Хотя, находясь на рынке, сложно было определить – сотни запахов смешивались, путая схемы восприятия.

Прай-Ми открыл глаза и осмотрелся. Судя по татуировкам, он принадлежал к племени лигурийцев – древним народам

долины Ксифос, где игроки Далеких земель добывали руду для оружия. Качество руды оставляло желать лучшего, но за скудные месторождения постоянно шли войны с другими племенами. Особенно наседали экронцы из долины Цестус – эта информация была добавлена в ядра воспоминаний и доступна для изучения в любой момент. Впрочем, информационные протоколы предупреждали, что оружие, изготовляемое из местной руды, настолько низкого качества, что новичок практически не сможет нанести вред противнику рубящим ударом. Нужно либо развивать силу, либо приобретать оружие перекупщиков из земель Аида, расположенных за Голиафскими горами и охраняемых горным народом.

«Ладно, быть лигурийцем не так уж и плохо, – решил Прай-Ми, надеясь, что брат окажется в одном с ним племени. – Хотя, будь брат ашдотом, то из этого тоже можно было бы извлечь выгоду», – мелькнула в голове мысль. Арк-Ми мог бы воровать оружие, продукты. В конце концов, им нужно с чего-то начинать, а как привлечь на свою сторону других игроков, если не обещаниями удовлетворить их запросы? Одни мечтают о славе, другие о приключениях, третьи о богатстве, но ни одно из желаний неосуществимо без необходимой амуниции и снабжения. Особенно когда речь идет о маленькой армии, собрать которую надеялся Прай-Ми.

– Эй, ты новенький, да? – прицепился к нему низкорослый, коренастый торговец, предлагая купить ворованный клинок воинов армии Тидея.

– А ведь и правда клинок из Аида, – удивился Прай-Ми.

– Разбираешься в оружии? – прищурился вор-торговец.

– Немного, – Прай-Ми взял клинок, желая убедиться, что это не подделка. – Знаешь, где достать еще? – спросил он, стараясь не обращать внимания на вонь, исходившую от представителя племени ашдот.

– Зачем тебе?

– Хочу собрать армию и перебраться через Голиафские горы.

Раздавшийся смех вора-торговца больше напоминал собачий лай.

– Давно ты покидал «Фивы»? – спросил Прай-Ми, ничуть не обидевшись.

– При чем здесь это? – продолжая смеяться, спросил вор-торговец.

– Слышал об обрушении игровой площадки «Голод»?

– Сплетни новичков!

– Тебе видней, – улыбнулся Прай-Ми, пытаясь отыскать необходимые ингредиенты, чтобы произвести на нового

знакомого впечатление, дублировав меч воинов Тидея. – Не знаешь, где здесь стоят торговые повозки племен из долины Цестус?

– Зачем тебе?

– Нужна пыль тех земель.

– Спятил? Сначала заявляешь, что рухнул «Голод», теперь…

– Тебе сложно? – прервал его на полуслове Прай-Ми.

Вор-торговец сдался и указал на ближайшую повозку:

– Вот торгаши из долины Цестус.

– За идиота меня держишь? – беззлобно спросил Прай-Ми. – Экронцы отличаются от других племен так же, как кромны от телебов.

Вор-торговец помялся и отвел новичка в соседний сектор, где находились спекулянты из долины Цестус, перепродававшие контрабандный товар из Аида. Не обращая внимания на насмешки торговцев, Прай-Ми собрал оставшуюся на повозках пыль, приготовил из шести ингредиентов несложную смесь, способную дублировать любой предмет.

– Позволь еще раз взглянуть на клинок, который ты продаешь, – попросил Прай-Ми.

Вор-торговец не смог отказать, рассчитывая, что сейчас повеселится над новичком, но вместо этого не прошло и минуты, как Прай-Ми, смазав клинок приготовленным на скорую руку зельем, неловко взмахнул им, рассекая воображаемого врага, и не успел хозяин клинка понять, что происходит, как в руках новичка появилась копия меча. Причем отличить ее от настоящей не представлялось возможным.

– Забирай оба, – сказал Прай-Ми. – В любом случае иллюзия действует до ежедневной перезагрузки систем.

– Прикольно, – вор-торговец крутил два клинка в руках, тщетно пытаясь найти отличия. – Нужно продать копию, пока есть время!

– А как ты отличишь, какой настоящий, а какой копия? – снисходительно улыбнулся Прай-Ми.

Вор-торговец озадачился.

– Я тоже не знаю, где копия, – сказал Прай-Ми, предугадав ход мыслей ашдота. – Это тестовая технология, и я, если честно, не был уверен, что процедура сработает. Разработчики постоянно что-то меняют – начинают одни проекты и заворачивают другие.

– Никогда не слышал, чтобы можно было сделать нечто подобное, – признался ашдот, продолжая изучать пару клинков.

– Это работает только с иноземным товаром. На совете разработчиков мы изучали растущий товарооборот между Далекими землями и Аидом. Подобное зелье рассматривалось

как возможность привлечь дополнительных игроков.

– Ты входил в круг разработчиков «Фив»? – опешил вор-торговец.

– Было дело, – нарочито небрежно ответил Прай-Ми.

– Ого! – ашдот заговорщически огляделся. – И много… – он хитро прищурился. – И много ты знаешь подобных штук? – он показал раздвоившиеся клинки.

– Достаточно, – Прай-Ми выдержал его пристальный взгляд. – Привел бы тебе в пример обрушение площадки «Голод», к которому приложили руку мы с братом, да ты, кажется, не веришь, что «Голод» рухнул.

– Хочешь сказать, что ты имел отношение и к разработчикам «Голода»?

– Нет, но там работала девушка, которую мы наняли с братом, когда готовились к запуску игровой площадки «Мекка».

– «Мекка»? – вор-торговец окончательно запутался.

– Только не говори, что ничего не слышал об этом проекте.

– Конечно, слышал! – Ашдот сбивчиво попытался объяснить, что, до того как купить ключ игрока телеба, планировал принять участие в первом запуске нашумевшей «Мекки». – Но нужно было ждать, да и точных сроков не называлось, поэтому я решил, что успею поиграть здесь, а потом, если Далекие земли не заинтересуют меня, приобрету ключ игрока «Мекки».

Вор-торговец смутился и спешно назвал свое имя:

– Тронт. И не спрашивай, что оно означает, – я понятия не имею.

– Мне, если честно, плевать, что означает то или иное имя, – пожал плечами Прай-Ми, решив не представляться, посчитав, что новый знакомый знает имена разработчиков «Мекки».

Тронт не знал, но признался в этом лишь час спустя в таверне, куда они пришли с Прай-Ми.

– Извини, – смутился ашдот. – Я ведь простой игроман. Меня интересует процесс, а не те, кто его создал.

– Не извиняйся. Таким и должен быть подход, когда речь идет о коммерческих проектах. Это массовый продукт, разработчики которого получают в качестве дивидендов единицы Влияния, а не аплодисменты и восторженные отзывы.

– Если не считать бесплатных демо-версий, запущенных в рекламных целях, то не видел ни одной достойной некоммерческой игровой площадки, – пожал плечами Тронт. – Если проект успешен, то его почти сразу либо переводят в коммерческий сектор, либо заваливают рекламой, чтобы найти необходимые средства для аренды игровых территорий и расширения площадки. – Ашдот покосился на Прай-Ми

и довольно улыбнулся, увидев, что тот согласно кивает.

– Качественный продукт невозможно создать на одном энтузиазме. Хотя когда мне было лет пятнадцать и я только планировал, что создам «Мекку», то думал иначе. Отец называл меня идиотом, а я верил, что при наличии желания можно горы свернуть.

– Но несмотря ни на что ты все-таки запустил «Мекку».

– Этот проект хотели прибрать к рукам еще руководители «Фив», когда я и мой брат входили в первый круг совета разработчиков. Поэтому нам пришлось уволиться и привлечь независимых инвесторов. Какое-то время дела шли в гору, но потом, когда аналитики заговорили о том, что «Мекка» может не только стать конкурентом современных грандов, но и потеснить их в силу своих революционных решений двухуровневых переходов и совмещения мира энергии и материи, то у нас начались проблемы. Думаю, руководители «Голода» и «Фив» создали независимую финансовую компанию, которая выкупила основные активы «Мекки», получив контроль над проектом.

– Так спонсоры оказались липой?

– Вначале нет, но потом, когда на них начали давить, разбежались кто куда… – Прай-Ми по-детски шмыгнул носом. – В общем, долгая и запутанная история. Новые хозяева «Мекки» вышибли из проекта моего брата, а меня из создателя превратили в главу инженерного отдела.

– Хорошо, еще так.

– Хорошо?! А я говорил тебе, что где-то в процессе всей этой катавасии на меня, брата и девушку, некогда работавшую инженером в «Голоде», повесили огромный долг, расплатиться по которому нереально, даже если продать все принадлежащие нам активы «Мекки».

– Не понял, при чем тут девушка? Она тоже принимала участие в разработке «Мекки»?

– Нет. Девушка стала случайной жертвой. У нее были свои проблемы, связанные с социальным статусом и опекой над ребенком, которую надеялся получить ее бывший супруг. Он был хранителем, а у них очень высокий социальный статус. Он посодействовал, чтобы ее уволили из «Голода». Так она оказалась у нас, надеясь, что высокая должность пусть и в молодом проекте сможет убедить судей оставить с ней дочь, но вместо этого попала под взрывную волну, связанную с борьбой за «Мекку». Самое мерзкое, что должны мы адептам «Мункара и Накира», а приспешники Малика, сам понимаешь, не особенно церемонятся с должниками… В общем, пока я цеплялся за пустые

надежды исправить ситуацию, оставаясь в команде «Мекки», мой брат и Саломея решили заработать на игровых площадках. Арк-Ми вылетел почти сразу, а Саломея закрепилась в «Фивах». Сейчас она пытается выполнить квест по оживлению древнего бога, способного возглавить четвертую армию Аида. Представь, как начнет лихорадить игровую площадку, когда это случится. Не знаю, сможет ли армия каньона Ветров во главе с Иакхом разбить армии Тидея, проповедников боли и Ареса, но здесь главное – хаос и перенастройка основных адаптивных алгоритмов, управляющих игровым процессом. Если в этот смутный период удастся провести армию телебов, то игровые системы выйдут из-под контроля, и над «Фивами» нависнет возможность обрушения.

– Как это случилось с «Голодом»? – оживился Тронт.

– Именно.

– Но как, я не понимаю, ты оказался в «Голоде», если вы решили заработать в «Фивах»?

– Не мы, а мой брат и Саломея. После того, как Арк-Ми вылетел из проекта, у него не было денег, чтобы приобрести заново ключ игрока «Фив», поэтому он отправился в незаконный игровой терминал «Голода» и заложил тело, надеясь, что сможет немного заработать, – Прай-Ми ухмыльнулся. – Заработать, как понимаешь, не получилось, а мне пришлось отправляться в «Голод», чтобы спасти его. Там как раз начинались бунты и… В общем, все закрутилось. Мы познакомились с небожителями и оказались в их лагере, когда бунтующие начали захватывать один ярус за другим. К тому времени мы успели немного заработать, и нужно было продержаться несколько дней, чтобы система перевела полученные баллы в единицы Влияния и мы смогли рассчитаться с незаконными игровыми терминалами «Голода», где были заложены наши тела… В общем, смерть для нас означала потерю заложенных тел, поэтому мы стали сражаться за небожителей, пытаясь отсрочить неизбежный конец.

– А сейчас вы пришли сюда и надеетесь собрать армию телебов, чтобы с помощью Саломеи обрушить «Фивы»? – уточнил Тронт.

– Только не говори, что ты консерватор и против подобного, – скривился Прай-Ми.

– Кто консерватор? Я?! – ашдот рассмеялся и сказал, что если история Прай-Ми правдива хотя бы на десять процентов, то он готов присоединиться к авантюре.

– Отлично, – кивнул Прай-Ми. – Одного солдата я нанял. Осталась еще пара тысяч…

Глава вторая

Выпущенный из пращи камень пробил кромну лоб и повредил мозг. Двуногое животное вздыбилось, сбрасывая всадника. Арк-Ми всплеснул руками, пытаясь удержать равновесие. Игра началась с центра небольшого локального конфликта вблизи Голиафских гор. Бой шел между торговцами и ворами – понимание этого было заложено в информационные протоколы игровой точки сборки. Вот только в первые мгновения Арк-Ми не мог понять, за кого он воюет. Да и воевать, после того как его придавил убитый кромн, стало невозможно. Туша тяжелого животного упала на ноги, сломав кости. У телебов был высокий болевой порог, так что Арк-Ми не особенно страдал, но сам факт столь неудачного начала повергал в уныние.

В прошлый раз он планировал играть в паре с Саломеей, но подвел ее, вылетев с площадки в первый игровой день. Теперь же он не продержался на площадке и пары минут, сломав ноги! Словно адаптивные алгоритмы все-таки решили поставить палки в колеса и не позволить игрокам добиться поставленной цели. Пусть разработчики «Фив» и заверяли, что локация «Далекие земли» абсолютно не контролируется системой, но…

Арк-Ми поднял голову, изучая полученные повреждения. Левая нога болела и была неестественно вывернута, из правой торчала белая кость, разорвавшая смуглую кожу.

– Ну прекрасно! – вспылил Арк-Ми, собираясь выругаться, но промолчал, увидев прокатившуюся рядом отрубленную голову.

Кромн с обезглавленным всадником завертелся на месте, едва не растоптав Арк-Ми. Затем мертвый наездник свалился на землю, и кромн ускакал прочь. Появившиеся из земли корни утащили мертвеца, оставив небольшой могильный холмик и несколько фиолетовых алозий – могильных цветов. Арк-Ми смотрел на них, вспоминая историю Джаво о том, как они играли в Аиде с Саломеей. Там, кажется, алозии были частью ритуала поедания других цветов, способных исцелять раны и восстанавливать силы. Арк-Ми попытался вспомнить доступна ли подобная функция в Далеких землях. Кажется, да, но… Он огляделся, пытаясь отыскать взглядом аворов – второй и самый главный ингредиент ритуала.

Звон клинков начал стихать. Нападавшие отступали, и слышались радостные вопли защитников каравана.

– Кажется, там выживший! – крикнул один из телебов.

Приближался момент истины. Сейчас они либо добьют Арк-Ми как одного из противников, либо… Перед лицом мелькнули

копыта двуногого кромна. Жилистый телеб спешился и склонился над Арк-Ми.

– Здесь новенький! – закричал он. – Кажется, наш.

На помощь подоспела еще пара телебов. Вместе они сбросили с Арк-Ми тяжелого кромна.

– Серьезные раны, – сказал один из них.

– Давайте отнесем его на повозку, там есть место, – предложил второй.

Сильные руки подхватили Арк-Ми. В повозку были впряжены три кромна. На боку одного из них Арк-Ми разглядел клеймо племени экрон – эта информация была почерпнута из информационных протоколов, интегрированных в игровую точку сборки. Экрон было сильным племенем в Далеких землях, но их клеймо на одном из кромнов еще ни о чем не говорило. Кромна могли украсть, выменять или получить в качестве трофея после убийства его хозяина.

Когда Арк-Ми уложили на повозку, он попытался изучить татуировки на своем теле, способные помочь ему разобраться, кто он. «Одно уже хорошо – я не среди чужаков», – думал он, вспоминая, как в прошлый раз, его едва не продали в рабство. Если удача останется на его стороне, то, возможно, удастся зализать раны и восстановиться.

– Эй, какого черта я должен возиться с этим куском мяса? – услышал Арк-Ми недовольный голос торговца. – Лишний вес – это дополнительный корм для кромнов. Кто заплатит?

– Да брось ты, – сказал тот, что первым заметил Арк-Ми. – Он ведь новичок. Дай ему шанс. Так начать игру – хуже не придумаешь.

– Ладно, но только до Голиафских гор. Дальше каждый сам по себе. Он либо присоединится к нам и станет защищать товар, либо пойдет своей дорогой, – сдался торговец.

– Помоги ему исцелить переломы и получишь нового охранника взамен погибших, – посоветовали телебы из племени экрон.

Сам торговец принадлежал к племени гат. Он наотрез отказался прикасаться к раненому, но не прошло и часа, как прислал к нему молодую девушку. Она возилась с мазями и постоянно нашептывала под нос какие-то заклинания. Арк-Ми не знал, что конкретно она делает, но слабость отступала. Несколько раз он пытался заговорить с девушкой, но она даже не поднимала на него глаз.

– Отстань ты от нее, – посоветовал телеб по имени Мит из группы экронцев, охранявших повозку. – Это рабыня купца. Она вызвалась служить ему до конца сезона, за это он передаст ей

право на небольшой земельный участок.

Арк-Ми кивнул и в следующий раз, когда появилась девушка, первым отвел глаза, притворившись, что изучает далекие Голиафские горы.

– А ты сообразительный, – похвалил его купец.

– Мне просто не нужны проблемы, – сказал Арк-Ми.

– А работа? – решил не ходить вокруг да около купец. – Я понимаю, что ты новичок. Но по дороге в Голиафские горы мы потеряли уже троих, а новых телебов, готовых служить верой и правдой, найти в этих землях непросто, так что… – он тяжело вздохнул и демонстративно всплеснул руками. – Мы вылечим тебя. От убитых остались доспехи и оружие. Сможешь взять их себе. Взамен мне нужно твое слово, что ты останешься с нами до конца путешествия. Как тебе такое предложение?

– Звучит неплохо, – согласился Арк-Ми, осторожно уточнив сроки и цели путешествия.

– Ничего серьезного! – отмахнулся купец. – Доберемся до Голиафских гор, встретимся с торгашами из Аида, которых приводят в эту локацию представители горного народа, заключим пару сделок и вернемся на рынки Махайры сбывать товар.

– На словах звучит так, что проще не бывает.

– Добавь пару сражений, и слова перестанут расходиться с делом, – вмешался в разговор Мит.

– Думаю, меня все устраивает, – пожал плечами Арк-Ми, невольно покосившись на девушку, снова начавшую читать заклинания над его искалеченными ногами.

– Еще бы его не устраивало! – рассмеялся Мит, пришпорил кромна и ускакал далеко вперед, оставляя позади себя облако пыли.

К вечеру они добрались до Голиафских гор. За это время Арк-Ми стал свидетелем схватки с грабителями, в которой он не мог принять участия, и узнал имя заботившейся о нем девушке, услышав, как купец обращается к ней, приказывая спрятаться за повозкой.

– Никто не причинит тебе вреда, Агва, – сказал он, – но от случайного камня из пращи или арбалетного болта благочестивые нравы местных племен не смогут защитить.

– Вот уж не думал, что у телебов благочестивые нравы, – сказал Арк-Ми.

Он не мог передвигаться, поэтому остался на повозке, надеясь, что не станет случайной жертвой сражения.

– Считаешь, что в Аиде лучше? – спросил купец.

– Когда-то я входил в первый круг совета разработчиков «Фив», так что, поверьте мне, знаю, что говорю, – сказал Арк-Ми.

– Совет разработчиков? – купец нахмурился. – И что же ты знаешь о Далеких землях?

– Здесь нет имитаций и адаптивные алгоритмы не контролируют процесс, поэтому земли охвачены хаосом.

– Гм! Ну точно – один из разработчиков.

– Я не прав?

– Ты слеп, впрочем, как и большинство аналитиков, болтающих об анархии и хаосе в Далеких землях. Мир привык, что за него решает горстка избранных. Неважно, кто это: клирики Всемирной иерархии или адепты «Мункара и Накира», – человеческому стаду нужен пастух. Эти видения устройства мира перенесены и на игровые площадки – небожители в «Голоде», Сфинкс в «Фивах». У нас ничего подобного нет. Мы автономны и независимы. У нас нет правящей элиты. Каждый принимает участие в судьбе мира. Поэтому, полагаю, спрос на ключи телебов продолжает расти. Люди устали от постоянного контроля, а Далекие земли обещают желанный глоток свободы. Хотя если ты из тех, кто не видит разницы между свободой и анархией, то тебе, пожалуй, будет лучше сразу покинуть эту локацию.

Арк-Ми хотел поспорить, но нападавшие телебы потеснили защитников к повозке, и за боем стало следить интересней, чем пререкаться с купцом.

На этот раз никто не погиб – и защитники, и нападавшие отделались легкими ранениями. Последние отступили, но еще долго шли за повозкой, правда напасть снова не решились.

Вечером, когда до Голиафских гор оставалось рукой подать, купец сам подсел к Арк-Ми и вернулся к прерванному разговору. Агва держалась обособленно, но когда разговор зашел об обрушении «Голода», заметно оживилась, признавшись, что когда была совсем маленькой, отец часто рассказывал ей, как в молодости играл на этой площадке.

– Да, на «Голоде» и «Фивах» выросло не одно поколение, – согласился купец, развивая тему недавнего обрушения одной из прославленных игровых площадок. К заявлению Арк-Ми о том, что он входил в первый круг разработчиков «Фив», купец относился скептически, но все-таки спросил, не ожидает ли судьба «Голода» построенную в Подпространстве площадку.

– Понятия не имею, – признался Арк-Ми. – Нас с братом давно вышибли из проекта.

Громыхнувший смех заставил его смутиться.

– Ты первый, кто пытается притворяться бывшим разработчиком! – хлопнул его по плечу купец. – Я встречал уже пару дюжин заявляющих, что принимали участие в обрушении «Голода», но чтобы выдавать себя за разработчика… Ты еще

скажи, что ты и твой брат придумали «Мекку»!

– Вообще-то так оно и есть, – окончательно смутился Арк-Ми, заставив рассмеяться всех, включая несловоохотливую Агву.

– Ты, конечно, можешь обижаться, – примирительно сказал ему Мит. – Но, несмотря на то, что большинство из нас привирает о своей реальной жизни, так нагло, как ты, не врал еще никто.

– Думаю, нет смысла говорить, что мы с братом приняли участие в обрушении «Голода»? – скептически скривился Арк-Ми, нарвавшись на новую порцию смеха.

– Не слишком ли много для двоих? – гоготал купец, хватаясь за живот, пока один из телебов, нанятых для охраны, не заметил, что слышал нечто подобное.

Его звали Тим, и он был новичком, недавно покинувшим Размерность.

– Говорят, братья собираются обрушить следом за «Голодом» и «Фивы», – добавил он, заставив всех перестать смеяться, растерянно уставившись на Арк-Ми.

Нет, никто из них не верил в его историю, но он недавно прибыл из Размерности и, следовательно, мог подтвердить или опровергнуть слова Тима. Арк-Ми предпочел отмолчаться, отчего в стане торговца вспыхнули жаркие споры, едва не закончившиеся дракой, не появись на границе лагеря представитель горного народа.

Он был высоким и широкоплечим. Длинная борода заплетена в косички, а тело покрыто татуировками. Несмотря на размеры, передвигался он легко и бесшумно. Никто не заметил его, если не считать кромнов, начавших фыркать и бить копытами, почуяв чужака.

– Засада! – взревел Тарос, хватаясь за оружие, но голиафец примирительно поднял руки и предложил свои услуги в качестве гида, способного провести по тайным тропам на другую сторону гор, где купец сможет выгодно торговать, минуя контрабандистов Аида.

– Я могу провести вас вместе с телегой, – предложил голиафец.

– Чушь! – скривился Тарос, снова хватаясь за оружие.

– Подожди, – остановил его купец.

Он велел голиафцу подойти поближе к кострам, чтобы можно было видеть его лицо, а когда чужак попытался отказаться, нетерпеливо напомнил, что всегда может приказать Таросу и другим телебам разоружить незваного гостя.

– Осмелюсь не согласиться, – сказал голиафец, отступая в полумрак. – Горный народ – один из самых сильных на всей игровой площадке. Как ты думаешь, сколько твоих людей я смогу

убить, прежде чем они достанут меня? К тому же какая тебе польза от мертвого голиафца?

– И то верно, – согласился купец, обратившись к Агве, спрашивая, может ли она сотворить заклинание, способное пленить представителя горного народа.

– Никогда не пробовала ничего подобного, – призналась девушка.

Голиафец не успел понять, что происходит, когда искрящийся порошок, который Агва сдула со своей ладони, окутал его, лишая способности двигаться. Магические путы связали могучие руки и затянулись петлей на щиколотках. Голиафец взревел, пытаясь освободиться, но путы оказались достаточно крепкими, чтобы сдержать его. По крайней мере, в первые секунды. Потом веревки заискрились и начали трещать.

– Обезоружьте его, пока он не освободился, – заорал купец.

Находившийся ближе всех к голиафцу телеб бросился исполнять приказание. Магические путы лопнули, и представитель горного народа ударил нападавшего кулаком в лоб. Ноги телеба подогнулись. Он пошатнулся и замертво упал лицом вниз. В пламени костра сверкнули готовые к бою кинжалы других телебов. Тим взялся за пращу.

– У меня нет оружия, идиоты, – гортанно произнес голиафец, демонстрируя мускулистые руки. – Мое оружие – это мое тело. – Он помялся и добавил, что не держит на купца зла за попытку атаки. – Телебы глупы и нетерпеливы. Это заложено в вашу точку сборки, так что… – голиафец пожал могучими плечами и добавил, что его предложение все еще в силе. – Но если вы не хотите, то я найду других торговцев, готовых рискнуть и пробраться в земли Аида.

– Подожди, – поднял руку купец. – Ответь: какая выгода от этого перехода тебе?

– У горного народа есть свои рынки.

– И что ты хочешь получить от нас? Золото? Оружие? Волшебные зелья?

– У горного народа другие ценности, – протянул голиафец. – Мы привязаны к нашему дому, а так хочется иногда посмотреть, что происходит за пределами Далеких земель, принять участие в баталиях…

– И какой магический предмет для этого нужен? – спросил купец, после того как, обменявшись взглядами с Агве, понял, что у нее нет ответа.

– Амулет ин-незов, – не задумываясь выпалил голиафец.

– Ты знаешь, что это? – обратился купец к Агве.

Она покачала головой.

– Ведьмы Далеких земель не должны знать то, что касается Аида, – расплылся в широкой улыбке голиафец.

– Так ты хочешь, чтобы мы достали для тебя артефакт, которого нет в землях телебов? – догадался купец, увидел, как новый знакомый кивнул, и выругался, понимая, что одно дело – торговать с представителями Аида и совсем другое – странствовать по территориям, где тебе не место.

– Амулет ин-незов – это такая же редкость, как агальмы первородных богов, но, в отличие от агальм, на амулеты ин-незов отсутствует спрос, потому что об их способностях почти ничего не известно. Недавно один из контрабандистов Аида продал нам карту, которая показывает, где находились от начала создания амулеты. Полагаю, многие из них все еще остаются там.

– Полагаешь? – презрительно скривился купец, обдумывая возможность обмануть представителя горного народа. – Давай так: ты начертишь для нас карту тайных проходов в Голиафских горах, а мы сделаем все, чтобы принести тебе из Аида амулет ин-незов.

– Держишь меня за дурака? – улыбнулся голиафец.

– Стоило попытаться, – пожал плечами купец.

– Телебы пересекали Голиафские горы и до того, как вы открыли для нас свои тайные тоннели, – вмешался в разговор Тарос, указывая на далекие заснеженные вершины.

– Но ни о какой торговле тогда речи не шло, – сказал представитель горного народа. – Через горные хребты невозможно провести кромна, я уже не говорю о груженой повозке.

– Что верно, то верно, – согласился купец.

Его переговоры с голиафцем продолжались до конца игрового дня, после чего представитель горного народа отправился в комнату личных достижений, а для телебов, лишенных подобной опции, просто наступила тьма, позволяющая игровым системам произвести перезагрузку и сброс накопившихся за день ошибок.

– Если ты действительно входил в первый круг разработчиков «Фив», объясни, почему у телебов не предусмотрена возможность посещения комнаты личных достижений? – спросил утром Тим, подсаживаясь за завтраком к Арк-Ми, раны которого почти затянулись.

– Никто не думал, что Далекие земли станут популярными, – пожал плечами Арк-Ми, ожидая новых издевок касательно его заявлений о том, кто он. – Это ведь, если честно, даже не проект. Разработчики никогда не делали ставку на Далекие земли. Планировалось, что «Фивы» будут ограничены Голиафскими

горами.

– Как легенда об Эдеме?

– Именно.

– Но Эдем сделали.

– Это случилось уже после того, как мы с братом покинули проект.

– И чем конкретно вы занимались, когда были разработчиками «Фив»?

– Чем? – Арк-Ми покосился на Тима, но тот, казалось, и не думал о том, чтобы издеваться над новеньким или снова поднимать его на смех. – Ты слышал об аворах из игровой локации Аида?

– Твоя идея?

– Моего брата.

– Многие считают создание говорящих цветов одной из самых лучших идей за последнее десятилетие. Сложно поверить, что создатель аворов покинул «Фивы». И еще сложнее – что ты его брат.

– Тогда о том, что Прай-Ми придумал незадолго до увольнения каньон Ветров, и говорить не стоит? – хмуро улыбнулся Арк-Ми.

– Звучит совсем нереально.

– Он подал идею. Остальное реализовали другие разработчики. – Арк-Ми помялся и решил рассказать, что сейчас Саломея пытается оживить древнего бога и получить с его помощью контроль над четвертой армией Аида.

– Кто такая Саломея?

– Девушка, которая некогда работала нейронным инженером в «Голоде». После увольнения мы наняли ее на работу в «Мекку», а потом втянули в крайне неприятную историю и… В общем, долго рассказывать, – отмахнулся Арк-Ми.

Тим согласно кивнул. Следующие несколько часов, пока купец и Тарос обсуждали с голиафцем детали предстоящего путешествия в Аид, Тим приглядывался к Арк-Ми, затем подошел, когда Агва колдовала над его почти исцелившимися ногами, и спросил:

– Если все действительно так, как ты говоришь, почему тогда сейчас ты с нами, а не в Размерности – работаешь над «Меккой»? Только не говори, что это еще одна долгая история.

– Это еще одна долгая история, – устало ухмыльнулся Арк-Ми.

Читавшая заклинания исцеления Агва подняла глаза и встретилась с ним взглядом.

– Ты очень странный, Арк-Ми, – сказала она. – Я ничего

не знаю о «Мекке» и обрушении «Голода», но и без этого твои истории кажутся настолько неправдоподобными, что в них хочется поверить, потому что так нагло и глупо мало кто врет. – Девушка неожиданно улыбнулась. – Гамбино собирается в Аид. Думаю, он не будет возражать, если ты попросишься с нами.

– Не думаю, что у меня есть время выполнять квесты, – вздохнул Арк-Ми, признавшись, что они с братом планируют собрать армию телебов, переправить ее в Аид и захватить с помощью Саломеи и древнего бога, которого она оживит, и дворец Сфинкс.

– И какой у тебя план? – спросила Агва.

– Пока никакого, – сказал Арк-Ми, покосившись на свои ноги. – Кто же знал, что меня в первые минуты придавит кромн.

– Бывает и хуже. К тому же ты почти исцелился. Так что если у тебя нет плана, то, думаю, начинать собирать армию можешь с того, что попробуешь стать лидером в нашем маленьком караване, – девушка улыбнулась и покосилась на Тима, который расплылся в широкой улыбке.

– А как же мои раны? – спросил Арк-Ми. – Думаешь, они исцелятся, позволив мне отправиться с вами?

– Конечно. Это же игра. Здесь все быстрее и проще, чем в жизни, – Агва протянула руку, предлагая помочь подняться. – Давай, попробуй прямо сейчас.

Когда купец по имени Гамбино закончил переговоры, Арк-Ми стоял на ногах, а Тим подбирал ему доспехи и оружие, оставшееся от убитых воинов.

– Молодец, – похвалил купец Агву и сообщил, что через час они отправляются в опасное путешествие в Аид.

– Арк-Ми хотел бы пойти с нами, – осторожно сказала девушка.

Купец осведомился о его ранах.

– Как и не бывало, – немного приврала Агва.

– Тогда не вижу причин, чтобы не взять его в команду, – принял решение купец.

Спустя час они поднялись к тайным пещерам Голиафских гор, которые были невидимы, пока представитель горного народа по имени Ламбро, заключивший с купцом договор, не прочитал заклинание. Громадный валун утратил плотность, открывая проход. Груженную товаром повозку пришлось модернизировать, а запряженному кромну завязать глаза, потому что иначе животное отказывалось идти в узкие пещеры.

– И не вздумайте обнажать оружие, когда окажетесь внутри, – предупредил Ламбро, обращаясь к Арк-Ми, который не без интереса изучал свой новый клинок.

Неудачное начало обернулось доставшейся без особых трудов добротной амуницией и вооружением. Не сломай он ноги, пришлось бы выполнить не одно задание, чтобы заработать то, что появилось сейчас. Особенно удачным приобретением казались клинок и праща. Разработчики заблокировали телебам доступ не только к комнате личных достижений, но и к возможности наблюдать за точным процентом развития персонажа и улучшения оружия. Узнать реальную мощь клинка или крепость брони можно было лишь в бою. Такой же подход был и к развитию персонажа. Подобная особенность сводила к минимуму интерес к найденному оружию, если, конечно, новый хозяин не был знаком с предыдущим, как в случае с клинками и амуницией, которые Тим передал Арк-Ми.

– Можно было, конечно, попробовать все это продать, но раз уж ты с нами, то… Забирай, – махнул рукой купец. – Некогда уже искать новых воинов, а ты… Может, погибнешь, пока мы ищем амулет ин-незов, и оружие вернется мне, а если нет… – он снова махнул рукой, услышал смех Тима и рассмеялся вместе с ним.

Поход начался под недовольное фырканье кромнов. Модернизированная повозка едва протискивалась по узким тоннелям, иногда застревая между громадными валунами, которые проводник-голиафец каким-то чудом умудрялся сдвигать.

– У каждой расы свои плюсы и минусы, – сказал он, когда Тарос спросил его об этом. – Телебы никогда не промахиваются, метая камни из пращи, голиафцы обладают огромной силой. Вот только покинуть эти горы мы не можем.

Ламбро налег на очередной гигантский валун, сдвигая его, чтобы освободить повозку. Путешествие только началось и, судя по количеству остановок, обещало занять не один день. Какое-то время за спиной маячил пятачок света, оставшегося позади входа в тайные пещеры, затем голиафец зажег пару факелов, передав их идущему во главе колонны Таросу и замыкающему телебу по имени Ковен.

– Мы видим в темноте, – сказал он, – а вот вы без света шею себе здесь свернете.

Не прошло и минуты, как его слова подтвердились – тоннель резко свернул, огибая пропасть, в которую непременно бы угодил Тарос, не будь у него факела. Не успели телебы накинуться на Ламбро, обвиняя в том, что он хотел завести их в ловушку, как из скрытого полумраком тоннеля выскочила гигантская крыса и, запрыгнув на повозку, набросилась на Агву. Девушка вскрикнула от неожиданности, но тут же собралась и начала спешно читать защитные заклинания.

Прежде чем на помощь подоспели Тим и Тарос, на теле крысы появился десяток глубоких ран, нанесенных кем-то незримым так, чтобы удобней было снять с животного шкуру. Почувствовав, что выбрала себе жертву не по зубам, крыса запищала и начала извиваться, пытаясь спрыгнуть с повозки. Отчасти ей это удалось, вернее какой-то ее части, – окровавленное туловище шлепнулось на пол тоннеля, а шкура осталась лежать на повозке. Крыса еще была жива, поэтому Агва попросила Тароса добить ее. Тим хотел сбросить снятую с гигантского грызуна шкуру, но молодая колдунья пожелала оставить ее на повозке, пообещав, что если все пойдет как надо, то к вечеру она сможет набить чучело крысы и оживить его, заставив следовать впереди колонны, отпугивая других грызунов.

– Замечательная идея, – похвалил Тарос, однако когда чучело было готово, так и не смог привыкнуть к нему. Особенно напрягали кровавые следы, которые оставляла идущая впереди воскресшая крыса. Но неприязнь прошла, когда чучело грызуна спасло путешественников от нападения стаи горных волков.

Крупные, практически в человеческий рост, они миновали перекрестие тоннелей в такой близости, что если бы не защитный порошок, примененный Ламбро, чтобы сбить местных хищников со следа, то обязательно учуяли бы добычу. Особенно запомнились большие волчьи глаза, сияющие желтизной, словно светились изнутри.

– Это было близко, – выдохнул Тарос.

Он возглавлял колонну, поэтому и погиб бы одним из первых.

– Сколько еще сюрпризов нас ждет в горах? – спросил купец голиафца.

– Мы миновали треть пути, – уклонился от ответа Ламбро.

– Я задал вопрос! – взревел Гамбино, выхватил кинжал и приставил к брюху голиафца. – Может быть, до твоего горла мне и не дотянуться, дылда, но, поверь мне, кишки тебе выпустить я сумею!

– Телебы! – сокрушенно вздохнул Ламбро и указал в сторону уходившего вбок узкого высокого тоннеля, в конце которого виднелся свет. – Если ты умеришь свой пыл и дурные манеры, то там вы сможете разбить лагерь. Только не забудьте выставить часовых. Незадолго до перезагрузки здесь бродит много голодных хищников.

Голиафец поклонился и исчез.

– Куда он делся, черт возьми? – растерялся купец.

– У голиафцев модернизированная комната личных достижений, – подал голос Арк-Ми. – Главные разработчики решили, что раз у телебов нет доступа к КЛД, то это нужно

компенсировать за счет горного народа. Так что вместо активации функции пропуска ненужных сюжетных линий голиафцы могут просто завершать игровой день, покидая площадку до следующей загрузки систем.

– Не слышал ничего подобного, – поморщился купец.

Арк-Ми пожал плечами и предпочел не продолжать, хотя рассказать было о чем.

– Я могу тебя выслушать, – сказала Агва, когда они вышли к водопадам, люминесцирующим всеми цветами радуги.

Место для стоянки было хорошее, если не учитывать, что враг может подкрасться со стороны падающей откуда-то сверху светящейся воды. Грохот никого не волновал – когда начнется вторая половина игрового дня, системы просто отрубят их восприятия и линейные протоколы времени. Так что ночь промчится незаметно.

– Не знаю, как вы, а лично я не доверяю голиафцу, – сказал телеб по имени Гедер.

Он был самым слабым и держался возле повозки, как купец, Агва и Арк-Ми.

– Голиафцу никто не доверяет, – согласился Тарос и предложил бросить жребий, чтобы определить, кому стоять в дозоре, пока другие будут разбивать лагерь.

Короткую соломинку вытащил Ковен и, то ли от вредности, то ли просто не желая караулить в одиночестве, сказал, что за водопадом тоже нужно приглядывать.

– А может, мне еще назначить человека, который будет приглядывать за тобой? – воззрился на него Тарос, готовый задать молодому телебу взбучку за отсутствие субординации. – Никто не станет тратить свое время, чтобы успокоить твои страхи!

Лидер охраны купца двинулся на Ковена.

– Все нормально, – вмешался Арк-Ми, надеясь, что никого не оскорбит подобным поступком. – Я подежурю вместе с ним.

– Ты? – Тарос окинул его тяжелым взглядом и презрительно хмыкнул. – Подумать только, мы вверяем свою судьбу калеке и неопытному юнцу, который не умеет выполнять приказы.

Он сплюнул себе под ноги и, обернувшись, долго смотрел на водопад, пытаясь различить скрытые за слоями воды, переливающимися разными цветами, скрытые тоннели, через которые мог прийти враг.

– Хотя, может быть, Ковен и прав, – нехотя признался Тарос. – Черт его знает, что на уме у голиафцев. – Он зевнул, широко раскрывая рот. – Ладно, если утром проснемся, то значит желторотик ошибся, а мы, дураки, ему поверили, а если поймем, что вылетели из игры… – Тарос покосился на Арк-Ми и велел

не спускать глаз с водопадов. – Кажется, Ковен заразил меня опасениями, – проворчал он. – Если так дальше пойдет, то через пару дней начну бояться собственной тени. Будь неладен этот желторотик!

Глава третья

6971 год. Жилой комплекс Galeus longirostris.

Анакс не знала истинных причин нейронного сбоя, но призрачный гул, не прекращавшийся круглые сутки, начинал действовать на нервы. Всемирная иерархия обещала все исправить, но прошло уже больше двух недель с момента, как Прай-Ми покинул игровую площадку «Голод» (именно в тот день и появился гул), а обещания клириков так и оставались обещаниями.

Некоторые не особенно умные фанаты поговаривали, что Прай-Ми причастен к появлению вызванного сбоем гула, но Анакс не верила слухам. Подобное было слишком даже для него. Хотя после обрушения «Голода» многие верили, что создателю игрового проекта «Мекка» по силам и не такое. Да и бывшие ветераны рухнувшего проекта, которые сражались с Прай-Ми плечом к плечу, все еще собирались вечерами в салунах и обсуждали детали сражений. Он не был хорошим бойцом, не был лидером, но без него… Без него падение «Голода» не было бы таким грандиозным. Ветераны сравнивали его присутствие на игровой площадке с работой интегрированных людям жидких чипов – никто не задумывается о том, как они взаимодействуют с современными нейронными сетями, но стоит чипу отказать, и мир тут же встает с ног на голову, теряя красочность и мобильность.

Покинув игровую площадку «Голод», лидеры небожителей, рядом с которыми сражался Прай-Ми, ежедневно собирались вместе и подключались к нейронным новостным каналам с игровых площадок, чтобы проследить за судьбой создателя «Мекки». Ему нужно было продержаться, пока система не перечислит на личный счет заработанные в игре кредиты, переведя в единицы Влияния. На фанатов, мечтавших отыскать незаконный терминал, где Прай-Ми заложил свое тело в обмен на ключ игрока, ветераны не обращали внимания.

Кьюмак и Тур, предпочитавшие сохранить игровые ники, строили планы касательно нового игрового проекта, где следует принять участие, так как «Голод» рухнул и, скорее всего, еще долго не оправится от случившегося. Вариантов рассматривалось множество, но, кажется, решение было принято давно – они присоединятся к детищу Прай-Ми под названием «Мекка». Старт площадки намечался в ближайшие сроки, так что Тур и Кьюмак неофициально агитировали других ветеранов принять участие в этом игровом проекте.

Пытался Кьюмак подкатить с подобным предложением и к Анакс, но она решительно отказалась, признавшись, что заключила с братьями договор и должна следовать оговоренному плану.

– И что за план? Захватить Всемирную иерархию? – пошутил Кьюмак.

– Помочь братьям сорвать банк в «Фивах», – не стала скрывать Анакс.

– Вот как, – растерялся бывший лидер небожителей «Голода». – И зачем Прай-Ми единицы Влияния? Разве его «Мекка» не на плаву?

– «Мекка» давно не принадлежит ему… – Анакс замолчала, заметив направлявшегося за их столик ветерана по имени Тур.

Когда-то давно он и сам был разработчиком, входившим в первые круги инженеров «Голода». Правда, времена те давно прошли, его отправили на пенсию, но… Анакс и Кьюмак молчали как рыбы, усиливая затягивающуюся неловкую паузу.

– Что не так? – спросил престарелый игроман, заглядывая Анакс в глаза.

Его авторитет на игровой площадке был огромен, и людям, прожившим в «Голоде» не один год, было сложно отбросить ценности «Голода» и начать жить по законам КвазаРазмерности, где Тур был всего лишь дряхлым стариком, которому для полной радости не хватало разве что медицинского экзоскелета или нейронного корсета, чтобы позволить ему передвигаться не так медленно.

– Да ну к черту! – сдалась Анакс, понимая, что вряд ли старые друзья могут навредить братьям. Они скорее помогут, чем попытаются вставить палки в колеса.

К тому же в Размерности исполнить задуманное Прай-Ми окажется намного сложнее. Это в «Голоде» Анакс была представителем банды «Двухголовых драконов», носила с собой целый арсенал оружия и установила в длинные волосы игрового клона нанолезвия, способные разрубить боевого синергика надвое – последнее все еще транслировали по нейронным игровым каналам, обещая превратить в классику, – а здесь, в Размерности, она была обычной девушкой, у которой нет ничего, кроме внушительного личного счета. Хотя заработанных на игровой площадке единиц Влияния не хватит надолго. Да и в мире Прай-Ми подобные суммы выглядят скорее не внушительными, а смехотворными.

– Братья хотят сорвать в «Фивах» крупный куш, и для этого им нужна моя помощь, – призналась Анакс, решив, что Тур станет последним другом, которому она доверит эту тайну.

– Братья? – нахмурился ветеран. – Ты имеешь в виду наших братьев?

– Арк-Ми и Прай-Ми.

– О! – глаза старика блеснули оживлением. – И зачем им единицы Влияния, если не секрет? Насколько я понимаю, призовой фонд «Фив» – это внушительная сумма, даже по меркам того мира, где крутятся братья. В чем их проблема? Недостаточно средств для стартового запуска «Мекки»?

– Забудь о «Мекке», они давно потеряли ее.

– О!

– Вот тебе и «о»! – Анакс примирительно улыбнулась. – Прай-Ми думает, что руководители «Голода» и «Фив» объединились, решив прибрать к рукам его проект. Пер-Либан, глава «Фив», пытался заполучить разработки «Мекки», когда братья работали на него. Конечно, сейчас все держится в тайне, но «Голод» и «Фивы» загибаются. Прай-Ми уверен, что ни Пер-Либан, ни Елим, глава «Голода», не собираются в ближайшее время открывать карты, предпочитая держаться в тени. Грязную работу за них выполняют помощники. Шамс со стороны «Фив» и карлик по имени Думах со стороны «Голода». Они создали подставной финансовый отдел, выкупивший активы «Мекки» после того, как молодой проект увяз в фиктивных судебных тяжбах и долгах, появившихся в результате ряда афер, в которые был втянут отец братьев.

– Они сами тебе об этом сказали? – недоверчиво спросил Тур.

– Когда я встретилась с ними, они были в беде по самые уши. Так что особенно выбирать союзников им не приходилось. И не забывай, что в тот момент начались бунты, а их тела были заложены в незаконных игровых терминалах, и один неверный шаг, а сюда же входит и промедление, был смерти подобен.

– И что, они пустились во все тяжкие, чтобы вернуть «Мекку»?

– «Мекку» не вернуть. Глава фиктивного финансового отдела по имени Адриил, за спиной которого стоят Шамс и Думах, вцепились в проект так сильно, что проще начать что-то новое… – Анакс смущенно пожала плечами. – Так, по крайней мере, сказал мне Прай-Ми.

– А что думает об этом его брат?

– Арк-Ми прагматик, но он поддержит брата во всем, – вмешался в разговор Кьюмак. – Не стану спорить, что иногда Прай-Ми хочется убить, – он вспомнил, как в игре тот обрушил защитные системы его штаб-квартиры на верхних ярусах небожителей. – Но если привыкнуть к нему, принять некоторые закидоны как неизбежное зло, то поймешь, что он клевый малый.

– Помнится мне, когда он вырубил нейронные генераторы,

чтобы обойти твои охранные системы, разрушив твой штаб, ты хотел его пристрелить, – подметил Тур.

– Я же говорю, к нему нужно привыкнуть, – примирительно улыбнулся Кьюмак, возвращаясь к прежней теме разговора. – Так значит, Прай-Ми задумал новый проект?

– Для этого мы обокрали архив «Голода», – сказала Анакс. – Ему нужны были данные о космических программах, чтобы использовать их в новых разработках. Сам понимаешь, клирики никогда не позволят изучать официальный архив, поэтому пришлось взламывать оставленный в Isistius labialis старый архив. Братья говорят, что при должном уровне кодирования перевести старые проекты в современный нейронный интерфейс не составит труда. Хотя Прай-Ми уверяет, что может спокойно работать с данными и в том виде, в каком мы их похитили, переправив по каналу Мейза в Размерность. Сейчас они хранятся у скандального монополиста по имени Лок-Кли. Конечно, братья не могут забрать их, пока не рассчитаются с фиктивными долгами, но после… – Анакс закатила глаза. – Арк-Ми говорит, что брат никогда не делает ничего наполовину: он либо полностью проваливает задуманное, либо создает шедевр.

– Ну, если смотреть на «Мекку», то доля смысла есть в этих словах, – согласился Тур. – Игра еще не запущена, а уже наделала столько шума, что Прай-Ми авансом назван разработчиком десятилетия.

– А куча фанатов, которые прохода ему не давали по возвращении из «Голода»? – напомнил Кьюмак, не скрывая, что немного завидует. – Мы ведь сражались там все вместе, а лавры достались ему.

– Не забывай, что он создатель «Мекки», в рекламу которой вложено столько, что можно было построить во льдах еще один жилой комплекс, – напомнила Анакс.

– Она права, – согласился Тур. – Мне хоть и стерли часть воспоминаний касательно коммерческих секретов, перед тем как я покинул проект «Голод», но то, что тут осталось, – он постучал указательным пальцем по голове, – говорит мне, что разработчикам выгодно раскручивать имя Прай-Ми. Конечно, если братья правы и за новыми хозяевами «Мекки» действительно стоят Елим и Пер-Либан.

– Тебя послушать, так и обрушение «Голода» было частью этого плана, – ухмыльнулся Кьюмак. Увидел, как Тур пожал плечами, и растерянно вытаращил глаза. – Да брось!

– Может быть, идея пришла в процессе бунтов, когда система начала терять контроль над повстанцами. Не забывай, что обрушение на руку разработчикам. Многие, как, например,

Анакс, имеют внушительный лицевой счет, который в случае их выхода из игры придется обналичивать. Во время бунтов тратится большое количество игровых кредитов на покупку вооружения, амуниции и на взятки силовикам. Свежие денежные поступления можно обналичить не раньше двух недель с момента получения, так что во время бунтов по-настоящему космические суммы виртуальных единиц Влияния зависают в воздухе. Мы ведь не знаем реальный спрос на ключи игроков «Голода». Если проект загибается, то бунты выгодны вдвойне – плюсом к вышесказанному погибает рекордное количество игроков, которым в случае закрытия проекта пришлось бы выплачивать отступные, что составит крупную сумму, учитывая, сколько игроков задействовано в проекте.

– Больше никогда не стану увлекаться подобными проектами, – пошутил Кьюмак. – А что там насчет долгов Прай-Ми? – спросил он Анакс. – Учитывая, сколько у него сейчас фанатов, может, попробовать устроить благотворительный сбор?

– Адриил заинтересован в том, чтобы удержать Прай-Ми в «Мекке», превратив его в лицо проекта, так что сомневаюсь, что те, кто стоят за покупкой «Мекки», позволят организовать нечто подобное… Хотя еще больше сомневаюсь, что удастся найти необходимую сумму. Это ведь долги уровня корпорации, а не отдельно взятого человека.

– А призовой фонд «Фив» настолько велик?

– За долгие годы накопились внушительные бонусы за многие загадки. Братья говорят, что если сделать все правильно, то хватит не только на то, чтобы рассчитаться с долгами, но и чтобы организовать новый проект.

– И «Фивы», как я понимаю, ждет судьба «Голода»? – хмуро спросил Тур.

– Полагаю, что если все обстоит так, как говорят братья, то разработчикам «Фив» на руку подобный расклад, – ответил Кьюмак за Анакс. – Прай-Ми станет героем. Его проект, «Мекка», лишится официальных конкурентов. При грамотной пиар-компании можно будет устроить так, что за ключами игроков «Мекки» выстроится очередь на поколение вперед. А где-то под шумок, между делом, Пер-Либан и Елим возглавят проект. Думаю, мало кого удивит, что площадка, впервые объединившая два уровня КвазаРазмерности, помогла примириться двум вечным противникам: Елиму, чей проект был построен в Размерности, и Пер-Либану, создавшему «Фивы» в Подпространстве. Вероятно, даже клирикам подобная идея придется по душе, потому что «Мекка» будет выступать в роли проводника между враждующими реальностями двухуровневого мира. В общем, в сложившейся

ситуации полагаю, что чем больше мы будем узнавать деталей, тем реальней будет казаться история братьев.

– Не стану спорить, – согласился Тур. – Вот только не думаю, что, если все обстоит так, как мы видим, руководство «Фив» позволит братьям сорвать банк. Обрушить систему – да, но не заработать.

– Руководство «Фив» не осмелится вмешаться, – улыбнулась Анакс. – Все будет зависеть только от братьев. После коллапса «Голода» аналитики пристально наблюдают за работой адаптивных алгоритмов, контролирующих процесс на игровых площадках. Сейчас создана комиссия, призванная изучить правомерность обрушения «Голода». Многие понимают, что обрушение было выгодно. Поэтому…

– И ты думаешь, что братьям под силу сорвать банк без посторонней помощи? – спросил Кьюмак.

– Ну, как-то раз Прай-Ми уже обрушил игровую систему, – напомнила Анакс. – Я говорю не о «Голоде». Здесь он отказывается признавать свою причастность к коллапсу. Это случилось, когда он был еще ребенком.

– Игровой проект «ЛАМ», – поморщился Кьюмак. – Да, я слышал. Сейчас об этом рассказывают по всем игровым каналам. Не удивлюсь, если кто-то решит возродить этот проект. Думаю, на фоне последних событий удастся по-быстрому получить прибыль и свернуть шарашку прежде, чем люди поймут, что им подсунули старье.

– Аналитики пронюхали, что «ЛАМ» некогда принадлежал родителям Зевса, так что сейчас многие считают противостояние охотника за наживой и Прай-Ми личной вендеттой, – сказала Анакс.

– Сомневаюсь, что Зевс знал об этом, когда возглавлял армию бунтующих в «Голоде», – возразил Тур.

– Согласна, тогда он думал только о заработке, но сейчас для него происходящее точно стало личным.

– Да, о новом противостоянии братьев и охотников за наживой гудят по всем нейронным игровым каналам, – не стал отрицать Тур.

– Я вот только одного не могу понять, – обратился Кьюмак к Анакс. – Если ты заключила с братьями договор, тогда почему они сейчас отправились в «Фивы», а ты осталась в КвазаРазмерности?

– Прай-Ми сказал, что ему нужны свои люди вне игры. К тому же… – Анакс огляделась, желая убедиться, что их не подслушивают. – Братья не хотят, чтобы охотники за наживой путались у них под ногами.

– То есть… – ветеран прищурился, – они попросили тебя сделать так, чтобы Зевс и Ра не попали в «Фивы»?

– Типа того.

– Братья собираются обрушить систему, но боятся сразиться лицом к лицу с парой охотников за наживой?

– Они не собираются обрушать «Фивы». Им просто нужно заработать. Плюс одно дело – играть против адаптивных алгоритмов, и совершенно другое – соперничать с реальными людьми. К тому же Зевс и Ра – профессионалы в игорном бизнесе. На их стороне большой опыт. Прай-Ми, может, и гений, но не забывайте, что он не провел на игровых площадках и десятой части от того времени, что провели там охотники за наживой.

– И как ты собираешься остановить их?

– Для начала можно просто встретиться с ними и объяснить ситуацию. Братья не могли этого сделать сами – фанаты не давали им шагу ступить. О встрече с охотниками за наживой тут же пронюхали бы аналитики, поэтому они поручили это мне.

– И ты думаешь, у тебя получится уговорить Зевса отступиться? – скептически скривился Кьюмак. – Не забывай, что для него это личное. К тому же есть еще напарница, которая потеряла кучу заработанных в «Голоде» кредитов, когда Прай-Ми перенастроил генератор, заморозив армию бунтующих.

– Арк-Ми считает, что в первую очередь стоит попытаться решить все миром, а если не получится, то… – Анакс замялась, смутившись улыбки Кьюмака.

– То что? – насел он на девушку.

– То придется вспомнить, кем я была в голоде, – сказала Анакс, ожидая, что ее поднимут на смех, но ни Кьюмак, ни Тур не сделали этого.

– Знаешь, игровой клон Зевса был настоящим монстром, способным разорвать на части голыми руками, но в жизни он совсем не такой, – произнес Кьюмак, не скрывая, что затаил обиду на охотника за наживой.

– Мы все в жизни совсем не такие, как в игре, – сказал Тур, меряя Анакс внимательным взглядом. – Здесь ведь нет банды «Двухголовых драконов» и нанолезвий в волосах, способных разрубить противника на части.

– Зато мы все еще есть друг у друга, – пожала плечами Анакс. – Плюс Саломея, попавшая в неприятности вместе с братьями, в «Фивах» познакомилась с сыном влиятельного арендодателя из Isistius labialis. Если совсем станет туго, то можно будет обратиться за помощью к мальчишке. Сейчас он покинул игровой проект и уговорил отца нанять представителей

агентства «Ксанет» для поисков дочери Саломеи, которую она пыталась спрятать на исследовательской базе со своими родителями, но бывший супруг узнал об этом и выкрал девочку.

– Ого! – присвистнул Кьюмак. – Она была замужем за адептом из террористической организации «Мункара и Накира»?

– Хуже. Она была замужем за хранителем, – кисло улыбнулась Анакс. – Представляешь, какой у него высокий социальный статус? Да не один суд в двухуровневом мире не откажет ему в опеке над ребенком. Выше только клирики Всемирной иерархии.

– И что, эта девушка тоже играет, чтобы заработать? – спросил Тур.

– Когда-то она была ведущим инженером «Голода». Находилась в кругу помощников Думаха. Сами понимаете, статус был высоким, и бывший супруг, подсуетившись, устроил все так, чтобы Саломея потеряла работу. «Мекка» в то время только набирала обороты, и Саломея обратилась к братьям, надеясь, что при удачном стечении обстоятельств сможет вернуть себе высокий социальный статус и войти в первый круг разработчиков. К несчастью, ее родители встретили отца братьев, мелкого жулика, некогда безуспешно пытавшегося стать акеми, который предложил им небольшую аферу, закончившуюся огромным фиктивным долгом, отдавать который нужно адептам «Мункара и Накира». Отец братьев сбежал. Родителям Саломеи в качестве предупреждения выжгли жидкие чипы, лишив их возможности взаимодействовать с нейронными сетями. Какое-то время они скрывались у друга, затем подали заявку и приняли участие в экспедиции к центру Великого ледника, втайне взяв с собой внучку. Сама Саломея надеялась, что ее тоже включат в состав экспедиции, но работа в «Голоде» сыграла злую шутку, и клирики ответили отказом. К тому времени Адриил уже выкупил активы разорившейся «Мекки» и вышвырнул из проекта Арк-Ми, с которым и объединилась Саломея. Они планировали сыграть в закрытом городе «Фив», разгадав тайну Эдипа. Арк-Ми должен был стать демоном, а Саломея актрисой в театре Торсия. План был хорош, учитывая, что братья входили в первый круг разработчиков «Фив» и знали, как работает система, но что-то пошло не так, и адаптивные алгоритмы перенаправили Арк-Ми из внутреннего города в Далекие земли, где он сразу вылетел из игры. Средств, чтобы вернуться, не было, и ему пришлось заложить тело в незаконном терминале «Голода», чтобы получить шанс немного заработать в знаменитом шутере. В общем, так он встретился со мной, желая купить оружие, а потом начались бунты, и Арк-Ми в теле дохляка-хронографа – сами понимаете,

в незаконном терминале никогда не продадут ничего достойного – неминуемо бы погиб, если бы Прай-Ми не узнал о том, что происходит, и не пришел к нему на помощь. О том, что было дальше, вы и сами знаете.

Анакс замолчала, переводя взгляд с Тура на Кьюмака. Они не выглядели растерянными или удивленными, но…

– Так ты хочешь, чтобы мы помогли тебе задержать в Размерности охотников за наживой? – спросил наконец Тур.

– Думаю, если мы втроем встретимся с ними и объясним ситуацию…

– Почему братья сами не встретились с Зевсом и Ра? – спросил Кьюмак, обрывая Анакс на полуслове.

– Слишком большая шумиха была устроена СМИ вокруг них и охотников за наживой. Любая попытка заключить договор может быть расценена как сговор. Если верить Прай-Ми, то, согласно его теории, разработчики, перекупившие «Мекку», были заинтересованы в обрушении «Голода» и теперь строят планы провернуть подобное с «Фивами», а это, сами понимаете, не предполагает выплату космических призовых за выполнение бонусных квестов. Арк-Ми вообще считает, что нет шанса договориться с Зевсом и Ра. Несомненно, они уже вступали в контакт с разработчиками «Голода», когда возглавляли армию бунтующих, и теперь, скорее всего, заключат некий договор с хозяевами «Фив». Если уже не заключили. Поэтому подойди к ним братья лично, и нейронная реконструкция этой встречи могла попасть в общественный доступ, доказывая сговор, – на случай, если бы разработчики «Фив» решили, что братьев нужно вышвырнуть из «Фив».

– Почему ты и братья решили, что охотники за наживой послушают меня и Кьюмака? – спросил Тур.

– Не послушают, – согласилась Анакс. – Но это обозначит наши цели, когда мы задействуем следующий вариант плана… – Она понизила голос до шепота: – Вы слышали о прерывателях Джорла?

Кьюмак и Тур переглянулись, затем отрицательно покачали головами.

– Братья столкнулись с этими штуками в последние дни работы в «Мекке», когда с них начали требовать фиктивный долг. Незнакомец, появившись в офисе, установил дюжину крохотных прерывателей, подменивших основные протоколы нейронных сетей. В результате необходимая для борьбы с Великим ледником энергия начала выполнять строго противоположную функцию, понижая температуру в офисе. Если бы Прай-Ми не догадался, что нужно не спасаться от ледника, а сопротивляться

воздействию прерывателей, игнорируя поддельные нейронные образы, то все могло бы закончиться намного хуже пары незначительных обморожений.

– Как я понимаю, эти штуки запрещены Всемирной иерархией? – уточнил Кьюмак.

– В «Голоде», помнится мне, тебя никогда не останавливали запреты, – напомнила Анакс.

– То была игра, а здесь… – Кьюмак на мгновение задумался, затем расплылся в широкой улыбке. – Здесь все по-настоящему и потому интереснее.

– Так ты со мной?

– Почему бы и нет? – пожал он плечами и повернулся к Туру.

Ветеран молчал.

– Что скажешь? – поторопила его Анакс. – Если сомневаешься, то я пойму… – она замолчала, встретившись с удивленным взглядом Тура.

– При чем тут сомнения? – растерянно спросил ветеран. – Я просто пытаюсь вспомнить, почему имя Джорла кажется мне знакомым.

– Так это значит, что ты с нами?

– После того, как «Голод» рухнул, для такого старика, как я, осталось мало интересных проектов.

– Круто! – сказала Анакс, широко улыбаясь. – А то я, если честно, немного боялась действовать в одиночку.

– Никто бы не оставил тебя одну, – сказал Кьюмак. – У братьев сейчас столько фанатов, что только свистни – и выстроится очередь желающих помочь.

– Не забывайте, что шумиха вокруг Прай-Ми раздута в целях рекламной кампании «Мекки» и в действительности игроманов, готовых вступиться за него, совсем немного, а если говорить о реальной опасности вне игровых площадок, то вообще единицы… Пока я знаю нас троих, – Анакс неловко улыбнулась. – Что касается Зевса и Ра, то они уже давно в этой индустрии. Они знают не только как играть, но и как вести себя, когда игра закончится.

– Не знаю, как ты, а я бы с удовольствием дал по зубам Зевсу за то, что обрушил замечательный игровой симулятор, – пожал плечами Кьюмак, переводя взгляд с Анакс на Тура.

– И какого ответа ты ждешь от меня? – фыркнул ветеран. – Я старше Зевса и Ра, наверное, вдвое, так что могу разве что за уши оттаскать, а не бить по зубам, – он неловко улыбнулся и сказал, что вспомнил, почему имя создателя прерывателей показалось ему знакомым.

Глава четвертая

Притворяясь на людях, что все хорошо, Зевс и Ра дулись друг на друга начиная со дня, как покинули «Голод». Вернее, не покинули – вылетели, превратившись в ледышки. Прай-Ми одурачил их обоих. Зевс винил напарницу, что она не успела остановить Прай-Ми, позволив тем самым перепрограммировать нейронный генератор, заморозивший несколько верхних ярусов, а она в свою очередь шипела на Зевса за то, что он продолжал сражаться, предпочитая зарабатывать кредиты, добивая прижатых к стенке небожителей, вместо того чтобы помочь ей взять под контроль генератор.

В первые дни они не отрываясь следили за трансляциями с рухнувшей игровой площадки, надеясь, что Прай-Ми, уцелевший благодаря термокостюму, допустит ошибку и погибнет, но хитрец умудрялся избегать опасностей. Он еще оставался в игре, когда аналитики стали называть его тактику образцовой.

– Скука смертная! – скривился Зевс, когда Прай-Ми, используя очередную хитрость, избежал стычки с бунтующими, пробравшимися в таких же, как и у него, термокостюмах в замороженные ярусы, отведенные в жилом комплексе Isistius labialis для игровой площадки «Голод».

– А мне кажется, его тактика похожа на действия охотника за наживой – избегать все, что не приносит выгоду и слишком рискованно, – сказала Ра. – Только на кону у него не кредиты, которые можно перевести в единицы Влияния, а жизнь.

– Вот кончится у него заряд в термокостюме, придется спуститься на пару ярусов ниже, и тогда посмотрим, какой будет его тактика, – скривился Зевс, реагируя на хвалебные речи аналитиков касательно стратегии Прай-Ми. – Да нет у него никакой стратегии! Он просто бегает и прячется, предугадывая поступки других игроков – вот и все!

Что самое странное, стали появляться игроманы, которым подобная тактика пришлась по душе. Зевс называл их малахольными ссыкунами.

– Могу поспорить, что в реальной жизни они доходы, боящиеся собственной тени, – ворчал он, в то время как аналитики сообщали о новых группах фанатов Прай-Ми. – Покажите мне хоть одного из этих глупцов!

Потом связанные с игровой индустрией нейронные программы начали рассказывать о проекте Прай-Ми под названием «Мекка», первый запуск которого намечен

на ближайшее время, и Зевсу многое стало ясно.

– Это рекламный ход, – сказал он. – Не удивлюсь, если в действительности все это было спланировано заранее.

Ра не спорила. Аналитики продолжали рассказывать о толпах фанатов Прай-Ми, но в действительности заинтересованных игроманов можно было по пальцам пересчитать.

– Если все это трюк, то могли бы придумать сюжет и поинтересней, – сказала Ра, уточняя, что имеет в виду беготню Прай-Ми после обрушения «Голода». – Хотя и сами бунты были частью какого-то плана, – сокрушенно вздохнула она, вспоминая, что разработчики «Голода» тайно связывались с ними, убеждая продолжать захватывать территории небожителей, когда они хотели взять паузу и обналичить заработанные кредиты. – Если так подумать, то мы были такими же марионетками, как сейчас Прай-Ми. Я говорю о нашем сговоре с разработчиками «Голода».

– Мы – охотники за наживой. Мы не играем. Мы зарабатываем. Ничего плохого в том, что мы подняли ставки, согласившись обрушить систему, не было. Если бы ты смогла захватить генератор, то сейчас мы бы превратились в богачей, – вспоминал прошлые обиды Зевс, и утихшая ссора вспыхивала с новой силой.

– Ты должен был помочь мне! – оживлялась Ра…

А потом СМИ подняли историю о том, как в детстве Прай-Ми обрушил игровой портал «ЛАМ», и для Зевса разборка с братьями переросла из профессиональной в личную. Впрочем, вскоре и аналитики пронюхали, что «ЛАМ» некогда принадлежал родителям Зевса, и сделали все, чтобы не позволить охотнику за наживой забыть об этом, убеждая, что он просто обязан отомстить.

– Ты понимаешь, что становишься частью этого шоу? – спросила Ра, когда Зевс всерьез заговорил о том, что не оставит братьев в покое, пока не расквитается за поражение.

– Если бы не он, то мои родители не разорились бы, а я не стал бы охотником за наживой.

– Я не считаю, что быть охотником за наживой – это зазорно. Есть вещи намного хуже.

– «ЛАМ» был для моего отца всем. Он был немолод, и игровая площадка стала его последней надеждой. Он и прежде пытался организовать собственное дело, но получилось только с игрушкой, – Зевс невольно улыбнулся, реагируя на нахлынувшую волну теплых воспоминаний. – Помню, мы постоянно спорили с ним из-за названия. «Люди, ангелы и микросхемы». «Что за идиотизм?» – смеялся я, хотя идея построить игровую площадку, связанную с путешествиями

во времени, мне нравилась. В то время, найдя странное послание в ремонтных полостях Galeus longirostris, все только и говорили об этом… Но вот название… В общем, мы спорились с отцом чуть ли не до драки, потом мать нашла компромисс, предложив сократить название, оставив аббревиатуру. Так на свет появился «ЛАМ». Несколько друзей поддержали отца. Они влезли в долги и начали разработки. Наняли известного в игровых кругах акеми, построившего им игровой каркас и основные системы в Подпространстве. Заключили договор с не самым дорогим, но официальным терминалом Энрофы… В общем, все завертелось, обещая неплохие дивиденды. Огромным плюсом стало знакомство отца с группой аналитиков, которых заинтересовала идея проекта. Особенно развитие и планы на будущее. «Голод» и «Фивы» к тому времени уже были гигантами в игровой индустрии, но аналитики, освещавшие «ЛАМ», говорили, что у проекта есть все шансы окрепнуть и начать гонку за лидерством. Сейчас я понимаю, что аналитики в большинстве своем хотели сделать себе имя на нашем проекте, привлечь к нейронным трансляциям новых зрителей, осознанно сравнивая «ЛАМ» с «Голодом» и «Фивами», но четко давая понять, что принцип игры кардинально отличается от грандов, обещая революционный подход и свежие идеи, но в те дни я верил, что это действительно так. Отец тоже верил. Можешь считать, что нас незаслуженно перехвалили, уговорив выпустить сырой продукт, свернув тесты почти на год раньше запланированных сроков. Акеми, которого мы наняли, построил гениальный каркас, но плохо разбирался в работе адаптивных алгоритмов, призванных регулировать игровой процесс. Нужно было искать нового специалиста, что предполагало дополнительные затраты и простои в работе. Под итог отец решил, что обязательно наймет нового акеми после того, как увидит «ЛАМ» в действии, выявив недостатки и спланировав дополнительные нововведения. Также предполагалось расширить игровые зоны… В первый месяц желающих приобрести ключи игрока «ЛАМ» было не так много, и отец в приступе меланхолии позволил мне с друзьями бесплатно посещать игровую площадку, используя выделенные для представителей СМИ льготные ключи. Но затем количество пользователей резко начало расти. Позднее я узнал, что отец подписал договор с крупным рекламным агентством в счет будущих прибылей или процента от распродажи активов в случае банкротства… Короче, дела отца пошли в гору. Ему удалось рассчитаться с большинством долгов. Единственным минусом оставалось рекламное агентство, с которым он подписал договор, но мы понимали, что без них ничего бы не вышло, поэтому

мирились, хотя средства, перечисляемые агентству, можно было пустить в развитие площадки. Планов у отца было много. Стали появляться выгодные предложения. Конечно, игровые гранды нас по-прежнему не замечали, но небольшие финансисты начинали считать проект перспективным. Отец даже нанял меня и моих друзей, чтобы мы изучали игровые проекты конкурентов… А потом появился какой-то мальчишка и обрушил систему. Аналитики назвали это «мат в три хода». Стержень системы рухнул. Перезагрузки не помогали. Принимавшие участие в процессе игроки застряли в Подпространстве на несколько дней. Пытаясь все исправить, отец не скупился, нанимая представителей самых квалифицированных агентств. Это свело прибыли на нет, а потом еще игроки, пострадавшие в результате обвала, подали в суд коллективную жалобу. Пришлось вернуть им выплаты за приобретенные ключи игроков плюс компенсацию за время, когда они не могли вернуться в Размерность, застряв в пограничном состоянии, пока системы «ЛАМа» находились в состоянии вечной перезагрузки. Хвалебные песни аналитиков тут же сменились критикой защитных систем. Не помню, чтобы кто-то придавал особенно значение личности мальчишки, взломавшего игровые адаптивные алгоритмы, но защитные системы «ЛАМа» в те дни поднимали на смех все, кому не лень. Это подорвало доверие инвесторов, а главное – простых пользователей, наслушавшихся ужасов о том, что такое пограничное состояние. В общем, когда отец восстановил стержень системы, играть не хотел никто даже бесплатно. Запланированная отцом акция, согласно которой всем желающим предоставлялись бесплатные ключи сроком на три месяца – ровно столько могла продержаться площадка без дополнительных инвестиций, – провалилась. Нужна была новая масштабная акция, но большинство агентств отказывалось работать, а те, что готовы были взяться за возрождение облажавшегося проекта, не соглашались работать в долг. В итоге отец увяз в новых кредитах, но оживить интерес к проекту так и не смог. Да и не было шансов – процентные выплаты по должностным обязательствам в несколько раз превосходили выручку даже в лучшие дни проекта. Мы обанкротились. Были вынуждены продать не только «ЛАМ», но и собственную недвижимость в центре жилого комплекса, перебравшись на окраины. Набив руку за время, что мы с друзьями работали против конкурирующих проектов, я попробовал себя в роли охотника за наживой. Это помогало сводить концы с концами, но отец так и не оправился, превратившись в дряхлого старика. Какое-то время мать пыталась все исправить, но затем смирилась и ушла

к другому. Мне было восемнадцать, и я решил, что смогу жить один. Хотя меня не очень-то звали в новую семью матери, а отец… С отцом было еще сложнее… – Зевс замолчал, избегая встречаться с напарницей взглядом.

Когда-то давно у него было другое имя, но с тех пор, как он решил стать профессиональным охотником за наживой, осталось только Зевс – прозвище, которое он взял себе, когда впервые заработал на игровой площадке. Детишкам и игроманам со стажем нравилось, а это в подобной индустрии было главным.

– Когда ты в последний раз видел отца? – примирительно спросила Ра, собираясь предложить навестить его, чтобы отвлечься.

– Давно, – пожал плечами Зевс. – Он увлекся идеями инертов. Много говорил о пути несопротивления. Я думал, что так отец пытается убедить себя, что не виновен в своих неудачах, но потом он просто оставил крошечную квартиру на промерзших окраинах жилого комплекса и присоединился к группе инертов, мечтающих сбежать от ледника к центру Земли, где ядро обеспечит их необходимой энергией для существования.

– О! – растерялась Ра.

– Ничего, – сказал Зевс. – Думаю, ему там будет лучше – новая жизнь, новые цели.

– Не думала, что у инертов есть цели. Они ведь ничего не делают – даже строительством тоннелей к центру земли занимаются модифицированные синергики.

– Отец и здесь мало что делал после того, как потерял «ЛАМ», так что, думаю, хуже не будет.

Ра промолчала, решив, что Зевс, скорее всего, и сам не особенно верит в то, что говорит, – просто ему проще убедить себя, что отцу стало лучше, чем признаться, что он устал от понимания собственной беспомощности что-либо исправить. Что ж, если он хочет вычеркнуть из своей жизни семейные проблемы, оставаясь только охотником за наживой, то пусть будет так… Вот только абстрагироваться от былых проблем оказалось не так просто.

Когда представители СМИ вышли на Зевса и начали говорить, что Прай-Ми посмеялся над ним дважды: сначала в детстве, обрушив игровой проект его отца, затем сейчас, не позволив получить заработанные в «Голоде» единицы Влияния, Зевс начал верить, что виной преследовавших его с детства неудач был действительно Прай-Ми, а не банальная недоработка защитных систем адаптивных алгоритмов «ЛАМа». Ра пыталась объяснить ему, что гнев не решит проблем, но все было напрасно – Зевс поверил, что братья бросили ему вызов, и принял его,

официально пообещав уничтожить на игровой площадке.

– Будь либо со мной, либо уходи, – сказал он, когда Ра попыталась объяснить ему, что дело того не стоит. – Теперь это личное.

– Возможно, но для СМИ это всегда будет оставаться шоу, – напомнила Ра, пообещав, что останется и поможет.

Не успела пара охотников за наживой и глазом моргнуть, как СМИ приобщили их к легенде Прай-Ми, популярность которого продолжала расти. Это прибавило узнаваемости. Появился ряд предложений от небольших нейронных новостных каналов, освещавших события на игровых площадках. Как и прежде, популярность мало заботила Зевса, но возможность подзаработать он никогда не упускал. Поэтому, когда ему предлагали интервью, обещая славу, он велел визитеру заткнуться и спрашивал, сколько ему заплатят, если он согласится на интервью.

В день, когда Анакс, Кьюмак и Тур пожелали встретиться с ним, Зевс поначалу решил, что это либо очередные представители СМИ, либо фанаты, коих в последнее время значительно прибавилось. С первыми он обычно не церемонился, а вот ко вторым относился с опаской, понимая, что симпатии фанатов непостоянны и, как говорится, от любви до ненависти один шаг.

– Боюсь, эти люди не имеют к фанатам никакого отношения, – шепнула Ра напарнику, узнав ветерана с седыми бровями по имени Тур.

Отыскав в нейронных сетях доступную информацию о бывшем инженере «Голода», превратившемся в игромана после выхода на пенсию, Ра перенаправила сведения Зевсу.

– О! – только и сказал он, изучив нейронный поток. – Не думал, что среди моих фанатов окажутся бывшие небожители… – Зевс хищно улыбнулся, стараясь следовать выбранному сценическому образу для подобных встреч. – Славно мы вас тогда потрепали, не правда ли?

– Я не твой фанат, – хмуро сказал Тур, признавая про себя, что в жизни Зевс выглядит отнюдь не хиляком, которого они ожидали здесь встретить. Конечно, не высокий мускулистый клон с игровой площадки, превращенный Прай-Ми в ледышку, но…

– Если вы не мои фанаты, тогда кто? – спросил Зевс, избавляясь от сценической маски. – Хотите отомстить за поражение? – неожиданно осенило его. – Знаете, как говорят: то, что случается на игровой площадке, остается на игровой площадке.

– Очень мудрое заявление, – вмешалась в разговор Анакс.

– Вот только наш герой почему-то сам и не думает следовать подобным советам, – подхватил Кьюмак.

– Да что вам нужно, черт возьми? – начал терять терпение Зевс.

Невысокий и коренастый, со смуглой кожей и темными, почти черными глазами, он выглядел настоящим громилой на фоне престарелого Тура и малахольного Кьюмака, прожившего большую часть жизни в Квазаре. Что касается Анакс, то она на фоне Ра смотрелась так же блекло, как ее друзья на фоне Зевса.

– Ты уже сам сказал, что нам нужно, – примирительно улыбнулся Кьюмак. – То, что случается на игровой площадке, остается на игровой площадке.

– И что это значит?

– Оставь в покое Прай-Ми.

– Прай-Ми? – глаза Зевса сверкнули. – Так вы все-таки фанаты!

– Мне больше нравится считать себя его другом.

– И что, ваш новоиспеченный кумир испугался встретиться со мной лицом к лицу?

– Ты превращаешь это в личное.

– Он уничтожил проект моего отца.

– Вы были тогда детьми.

– Плевать!

– Не забывайте, что из-за него мы лишились целого состояния, вылетев из «Голода» раньше, чем заработанные во время бунтов кредиты были переведены в единицы Влияния, – напомнила Ра.

– А ты не забывай, что у Прай-Ми на кону стояла жизнь, потому что тело его было заложено в незаконном игровом терминале. Ему нужно было продержаться еще несколько дней, чтобы заложенное в обмен на ключ игрока тело не отправили в центры Энрофы, – сказала Анакс.

Ра не ответила, бросив короткий взгляд на Зевса, но ему, кажется, было плевать.

Заметил это и Тур.

– Вы понятия не имеете, во что ввязываетесь, – предупредил ветеран. – Здесь замешаны корпорации и столько единиц Влияния, что вам и не снилось.

– Пока я вижу только трио неудачников, робко пытающихся защитить сфабрикованного кумира, – Зевс растянул губы в хищном оскале.

– Все верно… Прай-Ми – сфабрикованный кумир, – устало кивнул Тур. – Теперь скажи мне, как такое может быть, если

в процесс не вмешиваются сильные мира сего? Если говорить серьезно, то «Голод» обрушили вы, возглавляя армию бунтующих, а братья просто оказались не в то время не в том месте. Но вся слава досталась им.

– Плевать я хотел на славу, – прорычал Зевс.

– Тогда отступись.

– Нет.

– Для тебя это просто очередная игра, а от успеха Прай-Ми зависят жизни других людей.

– Ты говоришь о его игровом проекте «Мекка»? Думаю, это отличный ход – пустить проекты конкурентов под откос. Сложись обстоятельства чуть иначе, и я мог быть на его стороне, но… – Зевс всплеснул руками. – Все получилось так, как получилось. Кто-то пытается раскрутить новый коммерческий проект, кто-то пытается ему помешать. Такова жизнь. Если кому-то что-то не нравится, то я готов встретиться в любое время на выбранной вами игровой площадке.

– Как ты не поймешь, что это уже не игра? – начала злиться Анакс. – Прай-Ми и его брат не пытаются соперничать с тобой. Они тебе не враги. И то, что один из них разорил твоего отца, сейчас ничего не значит. Все осталось в прошлом.

– Вон! – процедил сквозь зубы Зевс.

– Никто не виноват, что твой отец стал инертом! – решила использовать последний козырь Анакс. – Глупости совершали и более достойные люди…

– Вон! – взревел Зевс и, схватив Анакс за руку, потащил к выходу из дома, который снимала для них одна из новостных нейронных студий, надеясь уговорить стать ведущими игровой передачи.

– Мне больно! – закричала Анакс, жалея, что у нее не осталось в волосах нанолезвий, как это было у игрового клона в «Голоде», которым она управляла. Тогда можно было бы расчленить обидчика надвое, а так…

– Оставь ее! – попытался вступиться Кьюмак.

Зевс отмахнулся от него. Он не планировал бить игромана – только оттолкнуть, но вместо этого попал кулаком в лицо, разбив губы. Нейронный медицинский помощник устранил кровотечение за несколько секунд.

– Он ударил меня! – растерялся Кьюмак, уставившись на Ра.

– Сам виноват, – поморщилась она, не одобряя грубость напарника.

Анакс попыталась сопротивляться, но Зевс вывернул ей руку так сильно, что перед глазами вспыхнули тысячи звезд. Все еще не избавившись от эффекта погружения в игровой процесс, Зевс

наградил девушку внушительным пинком. Одежда на нем, соответствуя требованиям фанатов, не сильно отличалась от той, в которую был облачен его игровой клон на площадке «Голода». Стальной носок высокого ботинка попал Анакс по копчику. Она попыталась вскрикнуть, но отключилась раньше, чем успела это сделать.

– Какого черта ты делаешь, молокосос? – растерялся Тур. – Это уже не игра.

Он подошел к Анакс, тщетно пытавшейся оставаться без сознания, потому что так было проще переносить боль.

– Сейчас активируется медицинский помощник, – пообещал он.

Зажмурившись и плотно стиснув зубы, чтобы не закричать, Анакс кивнула. Тур обернулся, гневно уставившись на Зевса.

– Зря ты так.

– Закрой рот, старик, – охотник за наживой с трудом отличал реальность от игрового процесса, где он мог делать все, что захочет. – Тебя тоже вышвырнуть или сам уйдешь? – спросил он, повернувшись к Кьюмаку.

Грозный игроман в жизни оказался трусливой овцой. Особенно после того, как ему пустили кровь. Предусмотрительно подняв руки, он прошел мимо Зевса, не рискнув повернуться к нему спиной, помня о пинке, полученном Анакс.

– Еще раз увижу – сверну шеи, – пообещал Зевс незваным гостям.

Дверь закрылась.

– Не самое удачное начало, – сказал Кьюмак, не замечая, что голос его дрожит. – Словно только начал играть и сразу попал в сражение ветеранов – ни одного шанса уцелеть.

– В «Голоде» ты казался смелее, – сказала Анакс.

Копчик все еще болел, но нейронный медицинский помощник, взаимодействуя с интегрированным от рождения жидким чипом, уже блокировал большинство нервных окончаний и начал лечение.

– Я, между прочим, тоже пострадал, – напомнил Кьюмак, показывая разбитые губы.

– Успокойся, – отмахнулась Анакс.

Тур помог ей подняться.

– Идти сможешь?

– Думаю, да…

Повисла неловкая пауза.

– Мне кажется, или мы немного уклонились от первоначального плана? – спросил Кьюмак.

– Я же сказала, успокойся! – хотела рявкнуть на игромана

Анакс, но голос сорвался на хрип.

– Только не говори, что ты планировала получить по пятой точке, когда шла сюда.

– Зато вышло вполне убедительно. Мы обратили на себя внимание этой парочки.

– Кстати, мне показалось, что Ра не одобрила поведение напарника, – подметил Кьюмак. – Может быть, нам удастся посеять разлад в стане охотников за наживой без прерывателей Джорла? Если попробовать встретиться с ней и все объяснить…

– Если испугался замарать руки, то так и скажи, – скривилась Анакс.

– Ничего я не боюсь! – подбоченился бывший предводитель небожителей.

– Тогда заткнись и проложи маршрут к окраинам жилого комплекса, в сектор, где находятся третьесортные конструкторские бюро. Надеюсь, старые связи Тура дадут результат и мы сможем отыскать либо создателя прерывателей, либо посредников, которые согласятся продать их.

Глава пятая

Джаво получил вызов от Анакс, Тура и Кьюмака на третий день их безрезультатных попыток отыскать следы Джорла. Создатель прерывателей либо давно отошел от дел, либо залег на дно.

– Либо мы просто зазнайки-игроманы, которые ни черта не смыслят в реальной жизни, – кисло подметил Кьюмак.

Если бы Джаво не был предупрежден братьями, что Анакс, вероятно, свяжется с ним и попросит помощи, то ни за что не стал бы отвечать странной троице. Впрочем, он бы мог просто забыть о просьбе братьев помочь Анакс, случись подобное год назад, до того, как у него обнаружили способность к нейропатии и отец поселил его в квартале, лишенном нейронных сетей, активизировавших дремлющие способности нейропатии. Джаво был простым мальчишкой: временами несносным, временами задиристым, потому что друзья были старше его на несколько лет и ему всегда приходилось из кожи вон лезть, чтобы держаться с ними наравне. Сейчас от прежних целей не осталось и следа. Ушли и друзья. Вернее, ему пришлось оставить их, перебравшись в закрытый квартал, выкупленный отцом на окраинах жилого комплекса Isistius labialis.

Связь с внешним миром, где все пользовались нейронными сетями, осуществлялась посредством преобразователя, менявшего принимаемый сигнал, придавая ему формат, удобный для старых трехмерных модуляторов. Преобразователь был создан на скорую руку, поэтому связь иногда шла с задержкой в несколько секунд, а затем неожиданно ускорялась, пытаясь нагнать реальное время. Впрочем, Джаво мало заботили подобные тонкости. В первые дни после возвращения из «Фив» он был занят тем, что убеждал отца помочь ему встретиться с братьями, о которых рассказывала ему Саломея. Потом следил за судьбой застрявшего в «Голоде» Прай-Ми. О друзьях он вспомнил, лишь когда братья покинули КвазаРазмерность, снова решив попытать счастье на игровой площадке, на этот раз в «Фивах». Джаво остался один и впервые за последние недели почувствовал себя покинутым и забытым. Даже отец – и тот, увлеченный каким-то секретным проектом по перенаправлению энергии Подпространства в материальный мир, не уделял ему внимания.

Джаво связался с парой друзей, но после общения с Саломеей, Арк-Ми и его братом общаться с детьми стало сложно. К тому же они знали, что он нейропат, и держались настороженно. Да и модифицированная связь, как назло,

работала с такими провалами, что общение превращалось в муку, а не радость.

В общем, когда Анакс связалась с Джаво, мальчик находился в некой форме детской депрессии, страдая от недостатка внимания и обижаясь за это на весь мир.

«Мы друзья Прай-Ми, и нам нужна помощь», – гласило оставленное Анакс сообщение. Джаво задумался, пытаясь решить, стоит капризничать, отклоняя вызов, или нет. Затем, убедив себя, что повторного предложения связи может и не быть, решил ответить.

– А ты похожа на Саломею, – отметил Джаво, едва увидев Анакс.

– На Саломею? – растерялась девушка от подобного начала разговора. – Ты говоришь о Саломее, с которой играл в «Фивах», или о ком-то другом?

– О подруге Арк-Ми.

– Понятно… – Анакс тщетно пыталась говорить с мальчиком как с равным, а не как с ребенком, боясь, что подобное может его обидеть. – Не знала, что видел Саломею вне игровой площадки.

– Не видел.

– Так ты сравниваешь меня с ее игровым образом?

– Она была танцовщицей и актрисой. Это очень грациозный, гибкий и красивый персонаж.

– Что ж, тогда приму это как похвалу.

Повисла пауза, и Анакс решила, что сейчас лучше всего будет представить Тура и Кьюмака.

– Ты ведь увлекаешься игровыми проектами, верно? – осторожно спросила она.

Джаво кивнул, сказав, что узнал имена героев «Голода».

– А имена Зевса и Ра тебе о чем-нибудь говорят?

– Спрашиваешь! – оживился мальчик.

– Ты их поклонник? – насторожилась Анакс.

– Нет, но думаю, что каждый, кто увлекается игровыми проектами, знает их имена.

– Они враги Прай-Ми и его брата. Ты знал об этом?

– Слышал, – Джаво нахмурился. – Это правда, что охотники за наживой собираются последовать за братьями в «Фивы»?

– Думаю, да.

– И они действительно могут испортить им жизнь, помешав собрать армию и захватить дворец Сфинкс?

– Не знаю, но полагаю, лишние проблемы сейчас никому не нужны.

– У Саломеи впереди долгий путь, – озадачился мальчик. – Я оставил ее, когда все только начиналось, поэтому… Думаешь,

Зевс может причинить ей вред?

– Не напрямую, но если ему удастся задержать или остановить братьев, то вряд ли Саломея сможет в одиночку добиться поставленных целей.

– Она настырная, – улыбнулся Джаво. – Думаю, ей под силу горы свернуть, если на то будет необходимость.

– Ничуть не сомневаюсь, но…

– Кто-то может оказаться настырнее?

– Именно, – Анакс улыбнулась.

– И что вы хотите от меня? Потому что Арк-Ми предупреждал, что вы можете обратиться за помощью, но ничего конкретного не говорил.

– Охотники за наживой планируют приобрести ключи игроков проекта «Фивы», считая, что братья бросили им вызов.

– Не самый удачный расклад, – согласился Джаво. – И что вы хотите от меня? У меня было в планах вернуться в «Фивы» и помочь Саломее, но если нужно, то я могу подумать о том, чтобы прийти на помощь братьям. Правда, странно, что они сами не попросили меня об этом, а послали вас.

– Не думаю, что им нужна от тебя подобная помощь, – сказала Анакс, заставляя себя не улыбнуться, реагируя на напускную важность, с которой разговаривал мальчик.

– Что тогда? – спросил Джаво.

– Зевс и Ра вообще не должны попасть на игровую площадку «Фив». Мы уже встречались с ними и пытались убедить отступиться.

– И получили по шее, – вмешался в разговор Кьюмак, стоявший за спиной Анакс, заставив мальчика сначала улыбнуться, признавая, что ожидал от охотников за наживой подобной реакции, а затем нахмуриться. – Он ведь никого не убил?

– Нет, но кое-кому прописал такого пинка, что искры из глаз посыпались, – Кьюмак указал глазами на Анакс.

– Я слышал, что многие игроманы забываются и продолжают вести себя в реальной жизни словно остаются на игровой площадке, – сказал Джаво, не то пытаясь оправдать Зевса, не то просто констатируя факты. – Вот только чем я могу помочь вам, если речь не идет об игре?

– Братья говорили, что у тебя влиятельный отец. Мы планировали использовать в качестве рычага давления прерыватели Джорла, но не смогли достать их, поэтому…

– Вы хотите, чтобы я помог вам угрожать людям? – растерялся Джаво.

– Почему сразу угрожать, просто… – Анакс смутилась

и растерянно пожала плечами. – Возможно, и угрожать, но ведь охотники за наживой угрожают Прай-Ми. Ты не согласен?

– Не знаю. Нужно подумать, – Джаво посмотрел на Тура.

Престарелый ветеран молчал, меряя мальчика тяжелым взглядом.

– Никогда еще никому не угрожал, – признался Джаво. – Особенно не думал, что придется угрожать охотникам за наживой.

– Тебе не придется, – поспешила успокоить его Анакс. – Мы хотим, чтобы ты просто поговорил с отцом. Если он действительно сотрудничает с агентством «Ксанет», то, возможно, он сможет поручить собрать информацию о прерывателях. Ничего другого нам не нужно. Это не будет нарушением закона – клирики лояльно относятся к проявлению любопытства, да и прерыватели Джорла не внесены в список особо опасных видов оружия.

– Можешь проверить по нейронным базам данных. Прерыватели даже не рассматриваются как оружие, – сказал Кьюмак.

– Я не могу подключиться к нейронным базам данных, – мрачно сказал Джаво. – Разве братья не сказали, что я нейропат? Нейронные сети активируют мою способность.

– О! – растерянно хлопнул глазами Кьюмак. – Не думал, что у тебя все так серьезно, – он покосился на Анакс, упрекая, что она не предупредила о болезни мальчика, но она и сама, кажется, не знала об этом.

– Братья не сказали вам, – догадался Джаво.

– Вообще-то они не сказали об этом мне, – решила играть в открытую Анакс. – О том, что я привлеку на свою сторону Тура и Кьюмака, они не знали.

Повисла долгая пауза, во время которой Кьюмак решил, что связь с соседним жилым комплексом зависла.

– Эй, парень! – позвал он.

– Я все еще здесь, – хмуро ответил Джаво.

– Почему тогда молчишь?

– Думаю: рад или нет, что братья не рассказали вам о том, что я нейропат.

– И что надумал?

– Пока не знаю, – мальчик неожиданно улыбнулся. – Думаете, прерыватели Джорла – штука забавная?

– Не знаю насчет «забавная» или нет, но что опасная – точно. Особенно для ребенка, – впервые вмешался в разговор Тур.

– Я видел вещи и пострашнее, – отмахнулся Джаво.

– Игровые площадки не считаются. Это уже реальность.

– А кто говорит об игровых площадках? – Джаво вздернул нос и рассказал о том, как его похитили нейропаты, показав их убежище в ремонтных полостях пневмотоннелей. – Там были перепрограммированные синергики. Знаете, как сложно перенастроить скомпилированные ядра этих машин? А они смогли… – мальчик нахмурился. – Правда, есть небольшая хитрость, но в целом… – он окончательно смутился, но тут же просветлел. – А еще, когда активировались мои способности нейропата, я смог прочитать мысли работника незаконного центра Энрофы. Я видел, как они создают клонов для переноса сознаний из одного жилого комплекса в другой и как рождаются дети адептов «Мункара и Накира». Не в репродукционных центрах, а естественным путем, используя для вынашивания тела клонов! – глаза Джаво округлились. – Представляете? А потом… – он заставил себя прикусить язык, чтобы не рассказать о том, как стал проводником, соединив мысли хранителя и работника незаконного центра Энрофы, в результате чего началась заварушка, и погибли люди. – В общем, не нужно пугать меня прерывателями Джорла. Есть вещи и похуже… – проворчал мальчик, пообещав, что поговорит с отцом.

Он прервал связь не прощаясь, обиженный тем, что его считали ребенком, не задумываясь о том, что, будучи нейропатом, он не просто читал мысли других людей, а пропускал сквозь себя. Они становились его неотъемлемой частью. Так что он, можно сказать, видел уже побольше других. Достаточно того, что удалось прочесть в мыслях работника незаконного центра Энрофы и хранителя. Там было столько злодеяний, что хватит на всю жизнь… «Наверное, именно поэтому у нейропатов и начинают выгорать другие чувства, – подумал Джаво, направляясь к отцу. – Мы не сможем выносить груз чужих знаний, если наши чувства не омертвеют, став чуждыми до переживаний».

– Твоего отца сейчас здесь нет, – ответила мальчику Эсфирь – женщина-содомит, которая, сбежав из отведенного для преступников поселения, стала жить и работать в лагере отца.

Джаво притворялся, что не боится Эсфирь, но на самом деле она пугала его до чертиков. Особенно ее неестественно большие глаза на крохотной голове. Они постоянно вращались и косили так сильно, что стоило встретиться с ней взглядом, и начинала болеть голова.

– Это важно, – сказал Джаво, пытаясь узнать, когда отец вернется. – Мои друзья попали в беду и… – он запнулся, прочитав на лице Эсфирь снисхождение. – Думаешь, если я ребенок, то и проблемы у меня детские?

– А разве нет? – Эсфирь явно издевалась над ним.

– Нет, – Джаво заставил себя смотреть ей в огромные глаза. – Мои друзья намного старше меня. А их проблемы…

– Почему же ты замолчал? – улыбнулась Эсфирь.

– Потому что если я продолжу, то раскрою секрет, о котором должен молчать.

– Большой секрет?

– Угу.

– Значит, держи его при себе, – посоветовала странная женщина.

– Боюсь, этого будет недостаточно. Они… Они попали в беду, и если не помочь им, то все может стать намного хуже.

– Ну… – улыбка застывшей гримасой уродовала и без того некрасивое лицо Эсфирь. – Думаю, решать тебе: либо ты выдашь тайну, либо смиришься с тем, что бед у твоих друзей станет больше.

– Я не хочу, чтобы бед становилось больше, – Джаво вспомнил Саломею, снова попытался выпытать, когда вернется отец, понял, что нескоро, и пытливо уставился на Эсфирь, догадался, что сейчас она единственная, кто может помочь, если, конечно… – Если я не могу увидеться с отцом, может быть, тогда ты устроишь мне сеанс связи с Оксом? – ухватился за новую надежду мальчик. – «Ксанет» ведь сейчас работает с отцом. Он поручил им, кстати по моей просьбе, отыскать дочь Саломеи, которую похитил отец с исследовательской базы… – Неожиданно его осенило: – Слушай, а ведь до того, как стать содомитом, ты, кажется, была инженером, верно?

– Хочешь, чтобы твоим друзьям помогла я?

– Если, конечно, тебе под силу.

– И чего они хотят?

– Достать комплект прерывателей Джорла.

– И зачем им эти вечно сбоящие недоработанные игрушки?

– Этого я сказать не могу.

– Очень жаль. Потому что я не знаю, где достать прерыватели. Можно было бы попробовать придумать альтернативное решение проблемы, но раз ты не хочешь раскрывать секреты своих друзей, то… – Эсфирь уставилась на мальчика, не скрывая, что происходящее забавляет ее.

– Просто свяжись с Оксом и попроси навести справки, – сказал Джаво, обидевшись, что его не воспринимают всерьез.

– Боюсь, у Окса сейчас есть дела поважнее, чем искать игрушки для твоих друзей.

– Ну не вредничай! – потерял терпение Джаво.

Улыбка Эсфирь стала шире, напомнив оскал. Не хватало

только острых клыков, украшавших большой рот с тонкими губами. Джаво сжал кулаки.

– Хочешь ударить меня? – Эсфирь изобразила испуг, затем громко рассмеялась.

Джаво крутанулся на месте и побежал прочь. Что-то с этой странной женщиной было не так – мальчик не сомневался в этом. Конечно, он никогда прежде не встречал содомитов, но ведь отец заверил его, что она оказалась в неиндексированных территориях Квазара, куда ссылают преступников, случайно. Над ней ставили опыты. Джаво вздрогнул, вспомнив, что у женщины два мозга. «Такую не перехитрить», – подумал он и тут же вспомнил о своих способностях нейропата. Отец определенно увлекся чем-то серьезным.

В памяти Джаво всплыло, как он впервые встретился с Оксом, когда, покинув «Фивы», вернулся в Размерность. Представитель агентства «Ксанет» не болтал лишнего, но по дороге в квартал, где были отключены нейронные сети, которые могли активировать способности Джаво, мальчик успел заглянуть в мысли Окса. Это случилось непроизвольно. Он понял это лишь ближе к вечеру, когда отец начал рассказывать ему о том, как прошли поиски сторонней программы для нейропатов, которыми занимался Окс.

– Я знаю, что он нашел следы разработчика, – сказал мальчик.

Отец растерялся, затем решил, что сыну об этом рассказал Окс. Но Окс ни о чем таком не рассказывал. По крайней мере, не так много. Мысли, которые удалось подсмотреть Джаво, пока они с представителем агентства «Ксанет» добирались до квартала с отключенными нейронными сетями, были разрозненными. Они дразнили, воспаляя воображение, но не давали ответов. «Вот если бы активировать нейронные сети здесь и заглянуть в мысли Эсфирь», – подумал Джаво. План показался ему вполне разумным, и он потратил следующие несколько дней на его реализацию, пытаясь отыскать отключенные нейронные генераторы. Если бы он был подключен к информационным сетям, то, возможно, у него был бы шанс реализовать свою идею фикс, а так…

«Ладно, если мы не можем активировать нейронные генераторы здесь, то, возможно, удастся заманить Эсфирь туда, где они есть?» – начал строить новый план Джаво.

Но то ли она была старше и мудрее, то ли все дело было в том, что у нее в груди вместо легкого был установлен дополнительный мозг, но задумка Джаво провалилась прежде, чем он успел выбраться за пределы купленного отцом квартала.

Модифицированные синергики получили приказ задерживать не только всех входящих, но и не позволять никому покидать установленный периметр, в границах которого не действовали нейронные сети.

– Ты не можешь держать меня здесь, как пленника! – закричал Джаво, когда синергик привел его в качестве нарушителя к оставленной за главную Эсфирь.

Машина с биоэлектронным мозгом держала мальчика за руку так крепко, что разве только не трещали кости. Именно в тот момент у Джаво и появился новый план.

– О чем ты думал? – спросила Эсфирь, не обращая внимания на гримасы боли на его лице.

– Моим друзьям нужна помощь, забыла? – начал подготавливать почву для предстоящего обмана Джаво.

– Я же сказала, вернется твой отец и решит эту проблему!

– Нет времени.

– Научись ждать, к тому же… – на тонких губах Эсфирь появилась ехидная улыбка. – Скажи мне, как ты планировал помочь своим друзьям? Думал найти прерыватели Джорла или что?

– Думал найти отца, – Джаво прищурился, надеясь, что Эсфирь купится на обман.

Эсфирь долго смотрела ему в глаза, затем фыркнула и велела синергику увести его и посадить под домашний арест. «Отлично, – думал Джаво, оставшись один в закрытой комнате. – Пока все идет по плану. Теперь дело за малым».

Он долго бродил по огромной комнате, собираясь с духом. Правая рука, за которою его держал синергик, еще болела, но Джаво понимал, что, когда осуществит свой план, боли станет в десятки раз больше. Нейронный медицинский помощник не появится и не блокирует нервные окончания.

– Ух, чувствую, это станет моей самой глупой идеей за всю жизнь, – проворчал мальчик, подходя к пневмодвери в смежную комнату, за которой находился модифицированный модулятор для просмотра перекодированных нейронных трансляций.

Впрочем, мамонт инженерной мысли ничуть не интересовал его. Целью была пневмодверь. Нейронные образы были отключены, и добраться до блока управления не составляло труда. Когда-то давно, еще до того, как тест на нейропатию дал положительный результат, Джаво, желая выпендриться перед друзьями, не один день провел в нейронной сети, пытаясь разобраться в устройстве подобных замков. Он воображал, что так они смогут пробраться куда-нибудь, устроив себе настоящее приключение. Или сбегут, когда их посадят под домашний арест.

Тогда его мечты так и остались мечтами, потому что он не научился обходить защитные системы нейронные образов, скрывавших блоки управления пневмосистемами дверей. Сейчас нейронные генераторы были отключены и не взаимодействовали с интегрированным жидким чипом… Но Джаво не собирался бежать – его снова поймает синергик и на этом все закончится. У него был другой план.

Добравшись до главного чипа защитных систем, он деактивировал его. Теперь дверь продолжит закрываться, даже если на пути будет препятствие. Пробные испытания было решено провести на стопке картриджей с перекодированными нейронными новостями, которые использовались в допотопном модуляторе. Дверь раздавила их в щепки. Хруст стоял такой сильный, что Джаво засомневался в своем плане, включив систему защиты пневмодверей и переведя его на минимальный уровень. Новая порция картриджей подверглась экзекуции. На этот раз пострадали только крайние. Двери замерли и начали неспешно открываться.

– Самое то! – подбодрил себя Джаво, однако тело уже начала бить мелкая дрожь.

Идея определенно была плохой, но… Джаво спрятал раздавленные картриджи, чтобы Эсфирь не заметила их, разобравшись в подвохе. Вернулся к пневмодвери и активировал двигатели замков. Дверь захлопнулась, придавив детскую руку. Раздался хруст такой же, как был, когда ломались картриджи. Джаво закричал, пытаясь высвободить зажатую руку. Дверь пыталась закрыться, казалось, целую вечность, затем включились системы защиты и замки сработали в обратную сторону. Мальчик упал на колени и прижал сломанную руку к груди.

Слезы непроизвольно катились по щекам, а перед глазами вспыхивали и гасли тысячи белых звезд. Интегрированный жидкий чип продолжал контролировать жизненно важные процессы, но на большее был неспособен. Когда синергик, дежуривший возле комнаты Джаво, наконец-то привел Эсфирь, мальчик уже охрип от криков. Боль была чудовищной – совсем не похожей на ту, что он испытывал, когда находился на игровой площадке «Фивы».

– Какого черта здесь случилось? – спросила Эсфирь, подозрительно оглядываясь. Ее большие глаза бешено вращались.

– Дурацкая дверь! – заскулил Джаво.

– Тебе прищемило руку?

– Больно! – он показал распухшую кисть.

– Выглядит скверно, – растерялась Эсфирь.

– Сделай что-нибудь!

– Что?

– Не знаю, тебя отец оставил за главную, вот и разбирайся!

– А тебя никто не заставлял ломать кости.

– Это все дверь! Думаю, что-то замкнуло в системах защиты… – Джаво прикусил язык, испугавшись, что Эсфирь заподозрит подвох.

Он собрался с духом и закричал что было сил. Голос сорвался почти сразу, но этого хватило, чтобы Эсфирь занервничала. Нужно было что-то срочно делать: либо отправлять его в зону действия нейронных сетей, где рукой сможет заняться медицинский автоматический помощник, либо…

– В кабинете твоего отца есть резервный генератор на случай, если потребуется активировать нейронные сети, – приняла решение Эсфирь. – Думаю, мы могли бы воспользоваться им, чтобы запустить нейронного медицинского помощника.

«Так давай воспользуемся!» – хотел закричать Джаво, но вместо этого забылся и взмахнул поврежденной рукой, едва не отключившись от нового приступа боли.

– Бери его на руки и следуй за мной, – велела синергику Эсфирь.

Машина с биоэлектронным мозгом несколько секунд стояла неподвижно, затем подчинилась. Джаво сжался, пытаясь не тревожить руку. Ему казалось, что сознание разделилось и одна часть радуется, что все идет по плану, а вторая ненавидит этот план, подмывая закричать: «Дурацкая это было идея!» И еще эти дурацкие катившиеся из глаз слез.

– Почему жидкий чип не перерабатывает их? – спросил Джаво.

– Что? – растерялась Эсфирь. – О чем это ты?

– Мои слезы!

– Ах, слезы… Не знаю. Наверное, их слишком много.

– Я не хочу плакать, а слезы все равно текут.

– Как только подключим тебя к нейронным сетям, все закончится. Не будет боли, и не будет слез.

Они вошли в кабинет отца Джаво, причем Эсфирь лишь с третьего раза вспомнила цифровую комбинацию древнего кодового замка, установленного взамен отключенных нейронных охранных сетей. Несколько смежных комнат, вытянувшихся одна за другой, заканчивались крохотным помещением, где был установлен громоздкий генератор. Эсфирь выругалась и сказала, что это устаревшая модель. Затем долго возилась с настройками, пытаясь задать минимальный радиус действия.

– Чего ты там так долго? – закричал Джаво.

– Здесь нет возможности задать индивидуальные параметры

подключения.

– Плевать!

– Синергики не предназначены для использования в нейронных сетях. Они могут выпасть из картины мира. К тому же я не знаю, какие модификации были произведены с их биоэлектронными мозгами. Что если с ними случится сбой?

– Если ты не активируешь нейронного медицинского помощника прямо сейчас, то сбой случится со мной! – Джаво хотел для верности показать еще больше распухшую руку, но движение причинило боль, и он закричал, едва устояв на ватных ногах.

Эсфирь вздрогнула и, снова выругавшись, активировала генератор в стандартном режиме, надеясь, что радиус действия не распространится за пределы квартала, вызвав сбой основных нейронных сетей жилого комплекса Isistius labialis – тогда проблемы с хранителями обеспечены.

Генератор включился, загудел, накапливая энергию, необходимую для первого запуска, затем щелкнул и выдал предупреждение, что созданная нейронная сеть будет действовать локально, не имея доступа к глобальной сети. Эсфирь проигнорировала предупреждение. Подключение к интегрированным жидким чипам прошло поэтапно, причем трижды альтернативный генератор менял настройки, чтобы найти оптимальные схемы взаимодействия. Мир вспыхивал россыпью нейронных образов и угасал, осыпался, словно моментально превращаясь в прах. Цвета искажались, прямые линии гнулись, поверхности растягивались, лопались… Но с каждым новым подключением картина становилась все лучше и лучше.

Когда генератор оповестил, что соединение установлено и функционирует в соответствии с существующими стандартами, мир из неприглядного, проеденного ржавчиной и покрытого инеем Великого ледника превратился в яркий, искрящийся мираж Размерности, где ничто не напоминает о распаде и возрасте тысячелетних жилых комплексов, спасших людей от вечной мерзлоты.

Медицинский помощник появился спустя пару минут, когда закончился анализ территорий, находившихся в зоне покрытия альтернативной нейронной сети. Предупреждений о нарушении безопасности появилось больше дюжины. На первом месте находились активированные синергики, на последнее системы анализа поставили Эсфирь, расценив ее дополнительный мозг как неизвестную форму жизни.

Эсфирь выругалась и начала устранять недочеты, пока появившийся помощник занимался с Джаво. На какое-то время он

забыл о первоначальном плане, радуясь, что боль отступает, но включившиеся сети помимо воли активировали дремлющую способность. Джаво не понял сразу, что читает мысли синергика, биоэлектронный мозг которого мыслил многозадачными образами, распределенными по мере важности, а не времени поступления, как у людей. Монументальность машины смешивалась с хаосом восприятия, противоестественного живым существам. «Наверное, именно поэтому извлеченные у людей сознания интегрируют в клонов, а не в синергиков», – подумал Джаво, решив, что если бы его личности пришлось взаимодействовать с подобным мозгом, то он, наверное, сошел бы с ума.

Боль в сломанной руке отступила. Дополнительная энергия, принимаемая интегрированным жидким чипом через нейронные сети, была перенаправлена к поврежденным тканям. Кости срастались, опухоль спадала. Джаво покосился на Эсфирь и попытался сосредоточиться на ее мыслях. Быть нейропатом оказалось не так уж и плохо, вот только контролировать свои способности было крайне сложно. Словно издеваясь, мысли настырно цеплялись за сознание синергика, не позволяя переключиться на Эсфирь. «А может быть, все дело в том, что у нее два мозга и я не смогу понять, о чем она думает?» – запаниковал Джаво, но тут же напомнил себе, что у синергиков мозг вообще биоэлектронный, а он тем не менее смог подключиться к нему.

– Как рука? – спросила Эсфирь, встретившись с ним взглядом.

Джаво кивнул. Эсфирь кивнула в ответ и вернулась к блокировке систем оповещения о нарушениях безопасности.

– Получается? – спросил мальчик.

– Немного, но, думаю, медицинский помощник вылечит твою руку раньше, чем разберусь.

Джаво посмотрел на поврежденную руку, понимая, что времени остается все меньше и меньше.

– Расскажи мне, как ты сбежала из поселения содомитов, – попросил он, надеясь, что разговор поможет быстрее установить связь с сознанием Эсфирь.

– Зачем тебе? – спросила она не оборачиваясь, но вопрос активировал воспоминания о бегстве… Вернее, не о бегстве, а о хитрости, на которую был способен только человек с дополнительным мозгом.

Тело Эсфирь после ареста и вынесения приговора находилось в терминале переходов, в то время как сознание было выслано в неиндексированные территории Квазара без возможности возвращения в цивилизованную часть мира Подпространства.

Клириков не интересовало, что безумной Эсфирь стала в результате ряда опытов. Сначала – когда она была ребенком и ученые, выявив генетические отклонения развивающегося плода, предложили родителям установить девочке дополнительный мозг на место легкого. Процедура была экспериментальной и выявила на практике множество нестыковок и ошибок, требующих кардинальных исправлений. Одним из главных недостатков была переменчивость базисов личности. Вторым недостатком стала невозможность Эсфирь покидать Размерность, потому что модифицированные ядра сознания отказывались взаимодействовать со стандартными протоколами точки сборки, необходимой для нормального существования в созданном из энергии мире Квазара.

Спустя много лет этот дефект попыталась устранить группа официальных представителей Иерархии во главе с ученым, который смог устранить многие нестыковки сознания Эсфирь с точкой сборки. Но эксперименты заходили намного дальше исцеления женщины с дополнительным мозгом. Они изучали способность нахождения человека сразу на двух уровнях современной реальности КвазаРазмерности. Эсфирь из пациента превратилась в подопытную крысу, о которой все забыли, когда эксперименты перешли на новую ступень. Но Эсфирь не забыла о своих мучителях. Сомнений в том, чтобы забрать их жизни, не было – они исправили одни недостатки и добавили другие, превратив Эсфирь в кровожадную психопатку.

После ареста ей был присвоен статус содомита. Приговор предусматривал пожизненную высылку в неиндексированные территории Квазара. Но после ряда изменений Эсфирь могла прекрасно существовать на двух уровнях реальности одновременно. Единственное «но» – нужно было приспособиться к новыми восприятиям мира. Хотя для этого у Эсфирь теперь было много времени…

Чужие воспоминания были такими объемными, что у Джаво заболела голова, а из носа пошла кровь. Он увидел историю поселения содомитов, корни которого уходили к исследовательской базе квазацентристов, изучавших при поддержке клириков Всемирной иерархии тонкие грани Подпространства. Историй было много, а научных исследований еще больше. От подобного обилия голова Джаво закружилась и он не устоял на ногах.

– Что с тобой? – растерялась Эсфирь.

– Я видел твои мысли, – сказал мальчик, глуповато улыбаясь и не замечая, что из носа течет кровь.

– Ты что? – растерянно хлопнула огромными глазами Эсфирь,

затем выругалась, вспомнив, что мальчик нейропат, и спешно деактивировала нейронный генератор.

Сеть выключалась еще медленнее, чем активировалась, поэтому Джаво успел разглядеть еще несколько хаотичных воспоминаний Эсфирь – свежие, связанные с отцом. Они разговаривали об альтернативных источниках энергии, которые могут лишить Иерархию, как главного владельца современных генераторов, власти в КвазаРазмерности. Джаво не очень понимал всех этих политических нюансов, но… Он даже не сразу понял, что так сильно его взволновало – это была совокупность почерпнутых из разговоров фраз и воспоминаний Эсфирь, увиденных чуть ранее.

– Вечная жизнь? – растерялся Джаво.

Воспоминания Эсфирь о том, как она встретила в поселении содомитов пару ученых, живших уже больше сотни лет, были такими яркими, что могли поспорить в своей сочности с неприглядностью реальности, лишившейся после отключения генератора нейронных прикрас.

– Разве такое возможно? – Джаво неловко попытался подняться, понял, что нос кровоточит, и растерянно уставился на испачканные кровью ладони.

Нейронные сети были отключены, и он не мог получить доступ к информационным базам, но и собственных знаний хватало, чтобы знать: вечная жизнь – это миф. Современные технологии могут поддерживать жизнь в человеческом теле, но связь физической оболочки с созданным из энергии сознанием угасает вне зависимости от состояния тела. Словно жизнь человека рассчитана кем-то свыше и никому из простых смертных не удастся изменить подобную закономерность… Но если верить воспоминаниям Эсфирь, то много поколений назад на базе квазацентристов «Виадос 12», где позднее было сформировано поселение содомитов, группа ученых подошла к разгадке вечной жизни вплотную. Теперь оставалось проверить все на практике, чем, собственно, и занимался отец Джаво.

– Вот это да! – мальчик облизнул губы, забыв о первоначальном плане.

Когда он покинул площадку «Фив» и встретил Окса, который отвел его в закрытый квартал, где не работали нейронные сети, то реальность показалась ему продолжением прерванного игрового процесса, только на новом уровне. Сейчас это чувство усилилось. Эсфирь выглядела так, словно собиралась задушить его, а ему хотелось просто сесть и обсудить все, что ей известно, потому что для полноценного анализа полученных данных явно не хватало, но… Джаво вспомнил о застрявшей в «Фивах»

Саломее. Воспоминания Эсфирь на поверку могли оказаться бредом сумасшедшего, тогда как проблемы Саломеи были реальны и требовали немедленного решения. К тому же она была его другом. Вернее, не «к тому же, а «главное» она была его другом. Так что нужно было собраться и следовать первоначальному плану – прочитать мысли Эсфирь и выяснить, как заставить ее помочь братьям избавиться от охотников за наживой.

– Отец убьет тебя, если узнает, что ты позволила мне выпытать ваши секреты, – сделал ход Джаво.

– Что? – прищурилась Эсфирь. – Ты хочешь сказать…

– Помоги мне, и обещаю, что ничего не расскажу ему, как ты проболталась мне о том, что он занимается не только поисками альтернативных источников энергии, открытых квазацентристами, но пытается разгадать тайну вечной жизни.

– Как ты…

– Я нейропат. Забыла? Мне нужна лишь современная нейронная сеть, чтобы заглянуть в твои мысли.

– Так ты сломал себе руку специально, чтобы заставить меня активировать нейронный генератор?

– Ага! – Джаво самодовольно кивнул. – Уже вижу, как взбесится отец, когда узнает, что тебя перехитрил ребенок… – Он нахмурился, пытаясь разобраться в чужих воспоминаниях. – Кстати, Окс знает, что ты использовала его, когда впервые появилась на пороге агентства «Ксанет»? Интересно, какой будет его реакция, когда он узнает, что даже его встреча со мной и последующее путешествие в неиндексированные территории Квазара было спланировано и предсказано с помощью созданной тысячелетия назад программы под названием «Юмико»?

– Юмико – это больше, чем просто программа, – произнесла сквозь зубы Эсфирь.

– Да. Я знаю. Когда меня похитили другие нейропаты, то они объяснили, что Юмико – это часть уравнения схем жизнеустройства, его переменная, без которой невозможно существование мира. Такие как она обязаны существовать, приводя несоответствия к равенству. Думаю, я встречал нечто подобное на игровой площадке «Фив» – он называл себя стариком Латушем и не был ни игроком, ни имитацией… – Джаво увидел безумный блеск в огромных глазах Эсфирь и примирительно поднял руки. – Я не враг тебе, поверь. Мне просто нужно помочь попавшим в беду друзьям. Свяжись с Оксом и попроси разобраться с охотниками за наживой, и обещаю – все, что я знаю, останется между нами двумя… Ну или, если не хочешь привлекать Окса, помоги мне сама. Тебе ведь нетрудно –

ты ученый, придумай какое-нибудь решение наподобие прерывателей Джорла, и можешь считать, что мы квиты.

Глава шестая

«Это не к добру», – подумал Зевс, когда чудом избежал нейронного спама, грозившего выжечь жидкий чип. Его спас неугомонный представитель СМИ, который пробрался в жилище охотников за наживой, пока они находились в качестве приглашенных гостей на аналитической передаче, связанной с развитием игровых проектов. Нарушитель надеялся выведать пару секретов, чтобы немного подзаработать и, если повезет, привлечь к себе внимание серьезных аналитических проектов, но вместо этого лишился жидкого чипа после того, как на него обрушились тысячи информационных потоков. В какой-то момент ему показалось, что голова лопнет, не выдержав подобной атаки извне. Ненужные знания разрывали мозг на части. Бедолага закричал, решив, что умирает.

Из тысяч посланий несколько оказались троянами. Проникнув с общим информационным потоком в системы анализа интегрированного жидкого чипа, они подменили протоколы безопасности и аварийного отключения, позволив тем самым сначала завалить владельца взломанного чипа тысячами посланий, приходящими одновременно, используя все доступные нейронные потоки, а затем, вызвав перегрузку, добиться распада жидкого чипа.

Когда Зевс и Ра вернулись в свои аппартаменты, то застали представителя СМИ распростертым на полу. Он лежал на спине раскинув руки, а на груди у него красовался огромный ожог, оставшийся после того, как из организма был выведен сгоревший жидкий чип.

Появившийся для расследования инцидента хранитель был хмур и не дал ответа ни на один из вопросов Зевса.

– Тогда на кой черт вы пришли? – вспылил охотник за наживой.

Хранитель поднял глаза и встретился взглядом с Зевсом. Ра вмешалась, спешно извинившись за своего друга. Хранитель кивнул и покинул их жилище.

– От силовиков в «Голоде» и то больше пользы, чем от этих… – Зевс выругался, не особенно задумываясь о смысле бранных слов – лишь бы они были покрепче.

Ра не спорила.

– Думаешь, спам-атака как-то связана с тем, что к нам недавно приходили поклонники Прай-Ми, требуя оставить его в покое? – спросила она.

– У тебя есть другие варианты? – Зевс хмыкнул. –

Единственным вразумительным ответом хранителя на десятки моих вопросов были слова о том, что подобное случается крайне редко.

– И что будем делать? Попытаемся отыскать Анакс и ее друзей или затаимся, сменив жилье?

– Сомневаюсь, что поклонники Прай-Ми способны на подобное. Скорее всего, они кому-то заплатили. Вот только кому? Кто обладает технологиями, способными выжигать жидкие чипы? Это ведь КвазаРазмерность, а не игровая площадка. Здесь одного желания и усердного выполнения квестов для развития мало.

– Звучит так, словно у нас проблемы.

– Проблемы? Вот у парня, проникшего в наше жилье, – проблемы, а у нас просто сигнал к действию.

– И что ты собираешься предпринять?

– Начнем с того, что изучим врага, попробуем найти слабые стороны.

– А может быть, просто отступимся?

– Не мы это начали.

– И что? – начала злиться Ра. – Одно дело – строить подобные планы в игре, и уже совсем другое… – она встретилась с гневным взглядом напарника. – Просто скажи, что для тебя это личное и что ты не отступишься, пока не уничтожишь Прай-Ми.

– Не отступлюсь.

– Тогда какого черта ты собрался воевать с горсткой дилетантов, которые приходили к нам недавно?

– Эти «дилетанты» едва не выжгли наши жидкие чипы!

– Тем более! Мы не знаем, кто стоит за ними. Если здесь появился хранитель, значит к подобным процедурам причастны либо адепты, либо представители Энрофы. Ни с теми, ни с другими я дел иметь не хочу, а ты?

Зевс промолчал, активировав дополнительный нейронный канал, запрашивая информацию обо всех известных случаях, когда людям выжигали жидкий чип. Отчет оказался скудным – он обрывался на описании проблемы выгорания жидкого чипа, случившейся более века назад, но тут же появилось дополнительное предложение воспользоваться платным альтернативным архивом монополиста из жилого комплекса Isistius labialis. Услуга стоила недешево, но Зевс мог себе позволить подобную расточительность.

Ответ пришел по шифрованному каналу с задержкой в несколько минут. Информация рассказывала об идентичном случае, приключившемся с парой ученых из комплекса Galeus longirostris. За информацию об ученых взималась дополнительная

плата. Система была построена таким образом, что каждый новый ответ вызывал желание задавать новые вопросы.

– Хватит! – остановила Ра напарника, когда он добрался до истории о дочери ученых по имени Саломея, которая некогда работала инженером в «Голоде», а после увольнения присоединилась к проекту «Мекка». О том, что «Мекка» принадлежала Прай-Ми, Зевс знал и без дополнительной информационной поддержки. – Что если Анакс была права и мы действительно вляпались во что-то крупное? – спросила Ра.

– Что это меняет?

– Мы профессионалы на игровых площадках, а здесь… – Ра замолчала, не желая обижать напарника.

– Считаешь, что атаки продолжатся? – спросил Зевс.

– Считаю, что каждый должен заниматься тем, что умеет. Хочешь на игровой площадке отомстить Прай-Ми за то, что он разорил твоего отца и не позволил нам срубить банк в «Голоде», – я с тобой. Ты отличный игрок, и я доверяю тебе. Но если ты решишь играть в героя в Размерности… – Ра тяжело вздохнула и покачала головой.

Зевс долго молчал, затем сказал, что понимает ее решение.

– И что думаешь об этом ты? – спросила она. – Мы ведь можем сбежать из Размерности прямо сейчас. Тысячи игроманов только и ждут, когда начнется наше противостояние с братьями. Уже несколько дней, как в сеть просочилась информация о том, что они приобрели ключи телебов на игровой площадке «Фив».

– Многие считают эту информацию недостоверной.

– Учитывая сложившиеся обстоятельства, я бы рискнула. Если Анакс не врала, то мы находимся в центре чего-то масштабного. Не думаю, что мы сможем противостоять подобным силам… – Ра помялась и нехотя добавила: – И не думаю, что они оставят нас в покое. Если было первое покушение, то нужно ждать следующих. И лучшего места, чем официальные игровые терминалы, чтобы спрятаться, я не вижу. К тому же нас, судя по всему, хотят остановить, чтобы мы не попали на игровую площадку. Так что если мы покинем Размерность, то… Если давление и продолжится, то будет проходить уже внутри игры, а там мы сможем противостоять кому угодно.

– Логика есть, – осторожно сказал Зевс, и Ра сочла это хорошим знаком.

До позднего вечера они обсуждали детали, но решение было принято – они покинут КвазаРазмерность утром, купив ключи голиафцев игровой площадки «Фивы».

– Будет забавно, если мы ошибемся и братья стали не телебами, а, скажем, зоргулами или гриллами, – ворчал Зевс.

Ра притворялась, что воспринимает его слова всерьез, и начинала спор о том, что не имеет смысла становиться гриллами, планируя обрушить систему.

– Я говорю образно, – отмахивался Зевс.

Позднее они заказали экскурсию на игровую площадку «Мекки», расположенную в жилом комплексе Isistius labialis, выбрав официальный терминал и клонов из свежей партии, несколько раз упомянув девушке из обслуживающего персонала, что не хотят, чтобы для переноса сознания между комплексами использовался старый клон. В действительности они и не думали покидать Galeus longirostris, но надеялись, что подобный маневр позволит выиграть время. Если кто-то планирует на них новое покушение, то они, скорее всего, решат напасть во время переноса в Подпространстве или в чужом жилом комплексе, когда извлеченные сознания будут находиться в телах клонов.

Девушка из обслуживающего персонала терминала, куда обращались охотники за наживой, оказалась крайне болтливой, и уже в ночных нейронных выпусках новостей с игровых площадок объявили о запланированном Зевсом и Ра посещении строительной площадки «Мекка», готовящейся к первому официальному запуску.

– Кажется, пока все складывается так, что лучше и не придумаешь, – сказала Ра, просмотрев ночные новостные выпуски.

Они покинули аппартаменты ранним утром, воспользовавшись пневмотоннелями общественного транспорта, где было проще всего избавиться от слежки, если она, конечно, была. За два часа до официально запланированного отбытия в жилой комплекс Isistius labialis охотники за наживой прибыли в расположенный на окраинах официальный игровой терминал «Фив», выбрав в качестве персонажей представителей горного народа. Первым Размерность покинул Зевс. Выждав чуть больше часа, за ним последовала Ра. Разделившись, они смогли избежать ненужного внимания со стороны персонала, обслуживающего игровой терминал. Правда, Зевс не хотел уходить первым, но Ра настояла, не скрывая, что не доверяет ему. Что если, отправив ее в игру, он решит расквитаться с теми, кто пытался выжечь им жидкие чипы?

– Я держу свое слово, – хмуро напомнил Зевс, однако спорить с Ра было бесполезно.

Опасений, что игровые системы защиты увидят в парной игре умысел или сговор, не было – Далекие земли, где находились Голиафские горы, выступали в качестве игрового отстойника, куда адаптивные алгоритмы ссылали нарушителей с игровых

площадок Аида и закрытого города. Среди телебов не было ни имитаций, ни системного контроля. Конечно, Зевс и Ра выбрали себе в качестве игровых персонажей жителей Голиафских гор, отделявших Далекие земли от остального игрового мира. У горного народа были немного другие правила, но что могли адаптивные алгоритмы сделать, заподозрив игроков в сговоре? Куда высылать, если горы являются частью площадки Далеких земель? К тому же голиафцы – сильный и выносливый народ. Они смогут постоять за себя в землях диких телебов и вернуться в горы. Да и местные игроки, понимая, что голиафцы поставляют им оружие из Аида, не были настроены враждебно по отношению к ним.

«Остается надеяться, что слухи не врут и Прай-Ми стал телебом», – подумал Зевс за мгновение до переноса.

Тело осталось в капсуле игрового терминала, а сознание благодаря игровой точке сборки появилось на площадке, построенной в Подпространстве. Информационные протоколы вспыхнули в сознании пониманием игровой легенды.

У доставшегося Зевсу персонажа не было ни семьи, ни денег, чтобы заплатить калым за жену. Он мог либо умереть на каменоломнях, строя тоннели для контрабандистов внешнего мира, либо поступить в академию тайных агентов горного народа. Персонаж Зевса выбрал академию. Две с лишним недели он простоял перед закрытыми воротами, видя, как пришедшие с ним кандидаты сдаются и уходят. Вода и еда заканчивались. Одна девушка, стоявшая рядом с Зевсом, умерла от обезвоживания. Он смотрел, как она умирает, и знал, что если предложит ей свою воду, то тогда ему самому придется либо уйти, либо умереть. Поэтому оставалось только смотреть. Кто-то не выдержал и решил уйти, предложив девушке уйти вместе с ним. Она отказалась.

– Двери скоро откроются, – прохрипела девушка, разлепляя сухие губы. – Я знаю, что скоро откроются… – но она так и не увидела этого.

Ее смерть заставила сдаться еще добрый десяток кандидатов, и, когда ворота наконец-то открылись, во внутренний двор крепости вошли не более дюжины из двух сотен. Их усадили на холодный пол и заставили ждать.

– Ты недостоин! – говорили кандидаты, завершившие первый круг испытаний, проходя мимо. – Ты просто жалок! Ты никогда не станешь агентом! Убирайся!

Один из них ударил Зевса в лицо и сломал нос. Хлынувшая кровь залила потрепанную одежду.

– Ты еще можешь уйти! – сказал кандидат. Зевс покачал

головой. Получил еще один удар. – Уходи!

– Нет, – он закрыл глаза. Новый удар рассек бровь.

– Ты недостоин! Слышишь? Недостоин! – прокричал кандидат и ушел…

Вскоре от оставшейся дюжины отсеялось еще две трети…

– Теперь твоя жизнь принадлежит Учению, – сказали Зевсу, проводя его в основную часть дома.

Синтетический наркотик, созданный похищенными из Аида магами, одурманил разум, подчинил мысли и выпил до дна все страхи. Зевс очнулся в райских садах, вкусив любовь вечно молодых дев, на близость с которыми его игровой персонаж не смел надеяться при жизни. Они ласкали его, поили вином и обещали ждать.

– Я вернусь, – пообещал им Зевс. – Обязательно вернусь.

Его отвели в зал славы и показали портреты прославленных агентов. Они получили амулеты ин-незов, позволившие им выбраться далеко за пределы Голиафских гор, затерявшись среди игроков других локаций. Их обучали особенностям той или иной площадки, боевым искусствам, колдовству, кузнечному делу, актерскому мастерству…

Адаптивные алгоритмы добавили в точку сборки искусственные ядра воспоминаний, рассказывающие о лучшем агенте из голиафского народа. Его звали Саруг. Когда-то он был таким-же новичком, как Зевс. Закончив обучение, он получил амулет ин-незов и отправился в земли Аида. Иногда силой, иногда хитростью и притворством – он проник во дворец Сфинкс. Актерское мастерство и набор маскировочных амулетов позволяли ему скрывать принадлежность к горному народу. Саруг выглядел как отверженный – обычный житель Аида. Оказавшись в центре игровой цивилизации, он притворился одним из них, а когда настал нужный момент, он снова стал тем, кем был, – Саругом, чья жизнь принадлежит Учению.

«Рай всегда покоится в тени сабель», – думал Саруг, приближаясь к своей жертве.

Отравленный кинжал пронзил сердце приближенного к Сфинкс торговца, мечтавшего силой получить доступ к тайным тоннелям в Голиафских горах. Совет горного народа приговорил его к смерти. Саруг стал исполнителем, и теперь выполнив свой долг, он не собирался бежать: стоял и улыбался, наблюдая за тем, как умирает торговец. Улыбка эта сохранилась, когда его привязали к столу и начали пытать, заставляя рассказать о том, кто его нанял. Он так и умер – улыбаясь и думая о данном обещании нестареющим девам. Он запомнил одну из них. Вот вернется и… Тьма застлала глаза, и Саруг погрузился

в пустоту. И говорящие цветы Аида снова шептались об этом, разнося сплетни по всем локациям, заставляя игроков считаться с голиафским народом, потому что Саруг не был единственным. Подобные машины смерти могли находиться где угодно. Они были как бомбы замедленного действия, о которых никто не узнает, пока они не сработают, совершив то, что им предначертано…

Зевс не знал, сколько времени продолжалось обучение в действительности. Информационные протоколы сменяли друг друга, восприятия линейного времени сбоили. В конце появившийся наставник сообщил ему, что он стал фидаином начального уровня. Специализация предполагала, что игрок, получив задание, должен пожертвовать собой, достигнув цели – как правило, убийства противника. Стимулом для фидаинов выступало возрождение в храмах Голиафских гор, которое требовало более высокий уровень мастерства, выносливости и магических навыков. По мере роста уровня степени посвящения и познания Учения игрок поднимался на новые ступени власти, которые венчал трон Старца Голиафских гор, как прозвали его телебы. Старец был обыкновенным игроком, и в отличие от других игровых локаций, где узды правления, как правило, находились в руках имитаций, здесь занять место Старика мог любой желающий, выдержав ряд испытаний и пройдя долгий путь фидаина и посвященного в Учение мудреца.

Первым заданием Зевса стало внедрение в группу торговцев, пытавшихся организовать новый рынок на окраинах предназначенной для торговли долины Махайра в Далеких землях. Они планировали отделиться от основной группы торговцев, позиционируя рынок как принципиально новый вид торговли, где предлагаются товары, которые невозможно найти на территории Далеких земель. Задание было несложным, но учитывая начальный уровень Учения, требовал бдительности, чтобы не допустить случайных ошибок. Особенно сложно было изменять внешний облик – голиафцы были почти в два раза выше телебов. Конечно, для визуального обмана существовали специальные заклинания, но на начальном уровне фидаин умел неприлично мало. Хотя Зевс по опыту знал – на первых этапах всегда немного скучно и очень сложно. Потом, адаптировавшись, дело начинает спориться, а процесс захватывает.

Общество считало охотников за наживой машинами для зарабатывания денег. В оценке влияния охотников на игровой процесс аналитики делились на два лагеря: одни считали, что подобные игроки убивают интригу, мешая обычным игрокам разгадывать сложные квесты, другие полагали, что как раз

благодаря охотникам игровой процесс оживляется. Оба конфликтующих лагеря аналитиков приводили в пример недавнее обрушение «Голода», причем противники охотников за наживой сетовали на нарушение игровых базисов и выход за рамки дозволенного, а сторонники наперебой кричали, что это был самый интересный сезон в истории игровой площадки, если не считать первого бунта, когда люди еще не знали, чего им ждать от разработчиков.

Зевс никому не признавался, но он, в отличие от многих других известных ему охотников за наживой, получал удовольствие не только от заработанных на площадке бонусов, но и от самого процесса. Как бы там ни было, но начинал он как игроман, пусть отец и платил ему и его друзьям за то, чтобы они приобретали ключи игроков конкурирующих проектов, выискивая интересные новшества… И только потом, когда Прай-Ми уничтожил проект отца, ему пришлось стать охотником за наживой.

Не встреться ему Ра, то он, возможно, давно бы завязал. В конце концов, были неплохие предложения от нейронных новостных каналов. Ему предлагали собственную передачу, но Ра… Вряд ли она планировала завязывать. Охота за игровыми бонусами, при должном уровне подготовки, – это легкий заработок, от которого отказаться не так просто. Поэтому продолжал играть и Зевс. По крайней мере, так было, пока они не столкнулись с Прай-Ми. Если бы Ра согласилась, то Зевс предпочел бы разделаться с братьями в Размерности, вот только она хотела сделать это на игровой площадке, да и сам Зевс, став до мозга костей охотником за наживой, смутно представлял, как можно осуществить свою месть в реальном мире. Разве что отловить Прай-Ми и дать ему по морде, но, учитывая, с какой скоростью повреждения будут излечены нейронными медицинскими помощниками, вряд ли подобное сможет утолить жажду мести. Да и братья, кажется, действительно были замешаны в чем-то важном – противник настолько внушительный, что способен проглотить пару охотников за наживой и глазом не моргнув. Так что оставалось спрятаться в игре, став фидаином, и надеяться, что удастся, хотя бы вначале, придерживаться намеченного плана.

Торговца, в доверие к которому должен был втереться Зевс, звали Донда, и он, как назло, был одним из самых подозрительных людей, которых когда-либо знал охотник за наживой. В первые дни, тратя полученные от наставников средства на выполнение миссии, Зевс смог узнать лишь, что по ту сторону Голиафских гор группа контрабандистов пытается

организовать гильдию, надеясь заключить договор с телебами на торговые поставки. Сделка обещала стать взаимовыгодной, но детали пока были настолько туманны, что Зевс не исключал, что подобные разговоры могут быть отвлекающим маневром. К тому же очень странно, что торговцы Далеких земель договариваются с торговцами Аида, не принимая в расчет представителей горного народа. Кто, интересно, будет проводить их тайными тропами? Или они думают, что смогут силой проложить себе дорогу?

Зевс хотел убить торговца по имени Донда, к которому присматривался в последние дни, но затем понял, что если сговор с торговцами Аида действительно имеет место быть, то Донда в нем явно не главный. Хотя Донда не нравился Зевсу. Он напоминал ему брата Прай-Ми. Ничего личного, но… Если бы Донда был похож на самого Прай-Ми, то Зевс, возможно, просто ради спортивного интереса забрал бы его жизнь, а не стал следовать предписаниям, выслеживая более крупную дичь.

В идеале следовало втереться в доверие торговцев и убить при тайной встрече торговца из Аида, но Донда почему-то невзлюбил чужака с первого взгляда, словно нутром почувствовав в нем фидаина. Нужно было действовать – делать ход первым, пока Донда не выявил шпиона. Зевс собирался забрать жизнь этого торговца, но в последний момент в лагере появился высокопоставленный представитель от племени экрон, контролирующего долину Цестус, расположенную вблизи Голиафских гор.

Переговоры проходили по вопросу предоставления коридора для торговцев в обмен на долю прибылей. Расчет предполагалось проводить товарами. Представителя экронцев интересовали клинки армии Тидея.

– С ними наши воины смогут стать лучшими в Далеких землях, – говорил он.

Предложение выглядело вполне разумным, если не считать, что экронцы требовали не долю в торговле клинками Тидея, пользующимися у телебов большим спросом, а планировали получить каждый из поставляемых в Далекие земли клинков.

– Иначе какой нам прок от хорошего оружия, если враг сможет получить себе такое же? – говорил экронец.

Переговоры готовы были зайти в тупик, но неожиданно лузитани, ведущие непрекращающуюся войну с экронцами, провели ряд успешных вылазок, существенно расширив свои владения, вторгшись на окраины долины Цестус, заявив, что теперь завоеванные территории являются частью долины Ксифос. Подобный успех противников заставил представителя

экронцев, проводившего переговоры с независимыми торговцами, пойти на серьезные уступки. Армии его племени требовалось срочное усиление, и мечи Тидея обещали стать лучшим подспорьем. Договор был почти заключен, поэтому, чтобы сорвать невыгодную для голиафцев сделку, представитель экронцев стал приоритетной жертвой.

Зевс забрал его жизнь одним точным ударом клинка, а затем, согласно кодексу фидаинов, сложил оружие и стал ждать, когда охранники жертвы заберут его жизнь. Смерть была быстрой и почти безболезненной. Зевсу просто отсекли голову. Протоколы восприятия обнулились. Пустота на несколько минут стала абсолютной, но едва Зевс начал привыкать к новому состоянию, как персонаж возродился в Голиафских горах. Наставники встретили его, объявив, что он стал фидаином четвертого уровня. Второй и третий уровни были пропущены, так как убийство представителя экронцев было частью бонусной программы – первые две попытки забрать его жизнь провалились, хотя исполнителями были более опытные вассалы Старца Голиафских гор.

– Лучше и не придумаешь, – сказал Зевс, потирая шею, мучимый фантомными болями, оставшимися после того, как его персонажа недавно обезглавили. – Какое задание будет следующим?

В цитадели голиафцев, расположенной высоко в горах и прозванной телебами Гнездо орла, было мрачно и тихо. Зевс знал, что это промежуточная ступень, предназначенная для новичков, но обостренные протоколы восприятия не вызывали ничего, кроме желания побыстрее получить новое задание и убраться из этих мрачных, аскетичных чертогов.

Новым поручением Зевса стало внедрение в отступающие войска экронцев и организация вольного отряда, который станет грабить торговцев на подступах к Голиафским горам. Предполагалось, что задание будет сложнее предыдущего в несколько раз, но разгромленные силы телебов из долины Цестус, казалось, только и ждут, как бы выместить злость от поражения на ком-то менее сильном.

Зевс не лез в лидеры – будь он настоящим телебом, то действовал бы иначе, но маскировка требовала осторожности. Его могли рассекретить в любой момент, стоило только забыть необходимое заклинание или потерять часть заколдованной одежды. Тогда, каким бы сильным и ловким ни был голиафец, телебы убьют его. И возрождения в Орлином гнезде не последует. Он просто вылетит из игры – и все. Так что проще было выбрать игрока, который станет лидером, втереться к нему в доверие

и направлять его, указывая в нужную сторону.

Изучив историю недавних сражений, Зевс притворился участником самого крупного сражения у стен последнего бастиона экронцев на окраинах долины Цестус. Количество погибших и раненых приближалось к рекордным цифрам со времен масштабных сражений между племенами. Смешавшись с ранеными, Зевс выбрал лидера уже сформированного небольшого отряда, потерявшего во время сражения две трети игроков, и начал присматриваться, всячески стараясь примелькаться среди новых игроков.

Сложнее всего оказались первые шаги. Раненые солдаты относились подозрительно к чужаку, и Зевсу пришлось подкупить нескольких, чтобы они засвидетельствовали, что он сражался с ними плечом к плечу у главных ворот павшей крепости – оборонительная линия, находившаяся практически дальше всех от той, что защищал отряд, в ряды которого собирался внедриться Зевс.

– Он дрался как черт! – сказал о нем лишившийся ноги телеб, который был лично знаком с Нугаем – лидером поверженного отряда.

В эту же ночь Зевс забрал жизнь калеки, избавившись от свидетеля. Грамотно выбранный яд помог списать смерть на обострение после тяжелого ранения. Следующие несколько дней он продолжал втираться в доверие к Нугаю, действуя по прежней схеме. Главным было не переусердствовать. Особенно убивая своих фиктивных свидетелей. Двоим даже пришлось сохранить жизнь, оставив при себе, исправно оплачивая их молчание. По крайней мере, на первые дни.

Неделю спустя Зевс оплатил покушение на Нугая, которое сам же и предотвратил, уничтожив нападавших. После этого Нугай перестал считать его чужаком, и от находившихся на содержании свидетелей можно было избавиться. Зевс прикончил их не без удовольствия, потому что с каждым новым днем они требовали платить им за молчание все больше и больше.

Дальше оставалось дело за малым – рассказать Нугаю о караванах торговцев и намекнуть, что расписание и карты маршрутов узнать не проблема. Теперь затаиться и дать алчным мыслям настояться в голове телеба. Главное – сделать все так, чтобы игрок поверил, что решение принадлежит исключительно ему.

– Даже не знаю, целесообразно ли это, – притворно засомневался Зевс, когда Нугай предложил ему собрать группу экронцев, чтобы грабить торговцев. – Большинство хороших

бойцов еще не зализали раны после сражений, а другие… – фидаин смерил телеба внимательным взглядом. – А других слишком мало. У купцов хорошая охрана. Они нанимают достойных воинов, которые приходят на базары Махайры, чтобы продать свои навыки…

– Ты считаешь, что не справишься? – спросил Нугай, обрывая нового знакомого на полуслове.

– Я? – изобразил удивление Зевс.

– Или ты не хочешь присоединиться к моей группе?

– Нужно подумать… – Зевс не знал, смог бы сыграть так вне игры или нет, но сейчас приобретенные навыки актерского мастерства позволяли ему без особых усилий разыграть сомнения и лживую преданность потерявшимся во время последних сражений товарищам, которых в действительности никогда не было.

– Только не говори, что ты купил игровой ключ телеба, чтобы сражаться, – скривился Нугай. – Никто не приходит в Далекие земли, мечтая о подвигах. Здесь собираются в основном те, кто просто хочет отдохнуть от правил и порядков, выбраться из-под колпака системы, вдохнув свободу полной грудью.

– Я не мечтаю о подвигах, – осторожно улыбнулся Зевс. – Просто мы с бывшими товарищами планировали…

– Тоже грабить торговцев? – помог ему Нугай.

– Нет. Мы были новичками и понимали, что не сможем противостоять опытным телебам, которых торговцы нанимают для охраны. Но у нас был доступ к маршрутам караванов, и грех было этим не воспользоваться. Так что было решено, что сначала мы примем участие в паре великих сражений, что позволит нам серьезно повысить уровень силы и мастерства, а затем отправимся на базар и предложим торговцам свои услуги в качестве охранников. Конечно, подобный трюк мог сработать не больше одного-двух раз, но это дало бы нам возможность прилично заработать, продав захваченный товар, и приобрести достойные оружие и амуницию, чтобы иметь возможность захватывать караваны, не внедряясь в их охрану.

– Звучит разумно, – сказал Нугай. – Думаю, я дам тебе на раздумья еще пару дней. Потом ты либо присоединишься к нам, либо станешь нашим соперником.

– Не забывай, что ты не знаешь расписаний и маршрутов караванов, – напомнил Зевс, продолжая игру.

– Мы можем пленить тебя и выведать под пыткой все, что нужно, – пожал плечами Нугай, напоминая о том, что один из его отряда некогда работал палачом. – У него есть много отработанных систем, чтобы сломить твою волю.

– Не буду спорить, – сказал Зевс.

– И не вздумай сбежать. Мы будем следить за тобой, – предупредил Нугай.

Зевс не ответил, изображая глубокие раздумья.

– Мы все еще можем стать союзниками и, возможно, друзьями, – сказал Нугай перед тем, как уйти.

Один из верных ему людей начал следить за Зевсом. Некогда он служил в разведке, и фидаин сомневался, что при необходимости сможет скрыться от слежки, впрочем, такой необходимости не было. Нугай захватил наживку, и задание было почти выполнено. Как только группа экронцев совершит первый налет на караван независимых торговцев, фидаину присвоят новый уровень и дадут новое поручение, выполнив которое он, вероятно, сможет стать наставником, поднявшись по лестнице власти на один пролет ближе к Старцу.

Глава седьмая

В отличие от напарника, Ра была женщиной и не могла стать фидаином, выбрав игровой ключ представителей горного народа. Голиафки не могли покидать свой дом. В их обязанности входила защита и расширение внутренних владений горного народа, а также поддержание порядка. Еще они следили за строительством новых тоннелей и тронных залов, создаваемых в горах. Для этих целей выращивались гигантские черви, минхочао, поделенные на три категории: битата – червь начального уровня, использующий в качестве инструмента зубы, которыми перемалывает горную твердь, мбои-ассу – червь второго уровня, способный источать огонь, раскаляя камни и превращая в пыль (к недостаткам следует отнести невозможность работы вблизи горных рек, высокие температуры во время строительства и грубую обработку поверхностей, что компенсируется высокой производительностью) и олгой-хорхой – червь третьего уровня, эфемерное существо, созданное из электричества, обладающее лучшими качествами первых двух червей, но требующее высокого мастерства.

Мужчины-голиафцы не могли управлять червями – разработчики решили, что подобной чести будут удостоены только женщины горного народа. Они должны были держаться вдали от внешних границ, отвечая за внутренний распорядок жизни: строительство, поддержание порядка, охота, защита от разнообразных кровожадных тварей, живущих в пещерах и горных реках. К последним относились монстры под названием буньипы – коварные хищники, заполонившие все водоемы горного народа. Никто не ходил за водой в одиночку – невысокие, похожие на тюленей с львиной пастью существа поднимались со дна и хватали жертву, стоило зазеваться хоть на мгновение. Поэтому за водой голиафки обычно ходили парами – одна зачерпывала воду ведрами, другая с увесистым копьем следила, чтобы буньип не застал их врасплох. Но монстры скрывались не только в водоемах.

В новых тоннелях и тронных залах можно встретить мантикору – потревоженные строительством чудовища выбираются из нор, где спали, и нападают на всех, кто оказывается у них на пути. Львиная грива монстров заканчивается пастью с тремя рядами зубов, хотя остальное лицо похоже на человеческое. Две пары лап сильные и крепкие. Хвост заканчивается жалом скорпиона. Никому не выжить, получив смертельный укол. Мантикору крайне сложно ранить, потому что

тело ее исцеляется практически мгновенно. Они бессмертные и, потревоженные строительством, обычно находят себе новые норы для сна. Среди голиафцев есть каста дрессировщиков, которые специальными заклинаниями способны подчинить себе волю мантикоры. За всю историю горного народа подобное удалось троим – плененные монстры охраняют покои Старца горы, а имена дрессировщиков вошли в историю.

Повсюду в стране горного народа можно встретить сквадеров – крошечных существ, передняя часть которых похожа на зайца, а задняя – на глухаря. Поодиночке они не опасны, но собираясь в стаи становятся грозной силой. Для борьбы со сквадерами голиафки разводят тяньгоу – двойственные существа, способные оборачиваться как белой лисицей, так и черной собакой. Они охотятся на сквадеров и редко встречаются представителям горного народа. Обычно их видят в образе белых лисиц, считая хорошим знаком. Встреча с тяньгоу в образе черной собаки означает скорые неприятности – обычно обвалы, случающиеся в чертогах горного народа достаточно часто.

Также голиафкам доступна экспериментальная опция воспитания детей, которую разработчики игрового проекта планировали использовать по всей площадке, если нововведение будет пользоваться спросом. Суть опции заключалась в том, что женщина получала имитацию ребенка своего племени. Ей нужно было заботиться о нем, направлять, превращая в личность, согласно собственным интересам и убеждениям. Впоследствии, когда имитация нового персонажа будет завершена, женщина-игрок сможет совершить перенос и занять его место. Подобное предполагало тонкую систему расчета и выверенное развитие для более точной интеграции в игровой процесс в соответствии с интересами и запросами игрока.

Что касается Ра, то она, выбирая игровой ключ голиафки, предпочла стать координатором строительных червей, которые в случае необходимости превращались в грозную силу, способную сокрушить практически любого врага. Выбирая новых друзей, она решила не разменяться на ненужные связи, целеустремленно ища в каждом друге возможность потенциальной выгоды.

Голиафка по имени Жаргал была укротительницей мантикор – персонаж, незаменимый для координаторов червей. Ее дружбы Ра добивалась не один день. Жаргал считалась ветераном и смотрела на новичков свысока, так что нужно было срочно развивать своего персонажа.

Первым заданием Ра как будущего координатора стал спуск

в опасные пещеры, где размножались минхочао. Ей нужно было отыскать детеныша битата – строительного червя начального уровня. На подготовку к этому заданию требовалось, как правило, несколько дней, но Ра завершила базовое обучение за пару дней. Пара сокурсниц восхищались успехами охотницы за наживой, но голиафка-наставница качала головой, ворча, что спешка в подобных делах до добра не доводит. Наставницу можно было понять – она получала бонусные очки за каждого нового воспитанника, прошедшего испытание, и наказывалась внушительным списанием очков, если ученик проваливал задание.

Кроме будущих координаторов наставница обучала также укротительниц мантикор, охотников на буньип и сквадеров плюс собиралась получить способность обучения разведению и дрессировки тяньгоу. Наставницу звали Чимэг, и Ра понимала, что заполучить ее в союзницы будет непросто, да и выгоды от этого можно было получить не так много, как казалось на первый взгляд, учитывая, что, закончив обучение, они могут больше никогда не встретиться. Вот Жаргал могла стать верным другом на протяжении многих игровых дней. Опытная и решительная, она встретилась Ра на выпускных экзаменах координатора, когда охотница за наживой должна была доказать, что способна справляться с управлением взрослого строительного червя начального уровня.

Новички считали процедуру рутиной, но Ра, тщательно изучив базисы игры голиафцем до того, как приобрести ключи игрока, знала, что сдача экзаменов у горного народа является одним из самых сложных заданий. Никаких условностей – опасность будет настоящей.

Ра выдали молодого битата и отправили на учебный полигон. В напарники ей поставили Жаргал, предупредив, что это единственное поощрение за успешное и быстрое окончание обучения. Жаргал, не скрывая пренебрежения, сразу предупредила выпускницу, что не станет помогать ей управлять битатом.

– Моя забота – мантикоры и сквадеры. Остальное зависит от тебя.

Они забрались на червя начального уровня. Минхочао для приличия извивался несколько минут, затем позволил Ра взять управление в свои руки. Голова червя, размером в два человеческих роста, была значительно крупнее туловища, позволяя расположиться там координатору и пассажиру. Упряжь крючьями пронзала плоть минхочао, цепляясь к нервным отросткам внутри. Ра сама изготавливала упряжь – ничего

сложного, скорее наоборот. Проблемой, как говорила наставница Чимэг, было зафиксировать строительного червя на время операции. Впрочем, на экзамене подобного делать было не нужно.

– Будь внимательна, когда червь начнет питаться горной породой, – предупредила наставница за несколько секунд до начала экзамена.

Маршрут для предстоящего тоннеля должен был пройти в районах скопления спящих мантикор и снующих стаек голодных сквадеров.

– Сделай одолжение, не угробь нас обеих, – попросила Жаргал, забираясь на червя позади Ра.

Охотница за наживой кивнула и натянула длинные вожжи. Минхочао вздрогнул. Продольные мышцы напряглись, заставляя тело сжаться. Ра ослабила поводья – и следом за продольными напряглись кольцевые мышцы, заставляя тело растянуться, продвигаясь вперед. Намеченная цель находилась левее, и Ра пришлось повозиться, чтобы сориентировать битата в нужном направлении.

– Начало не впечатляет, – сказала Жаргал, однако тут же призналась, что другие обычно тратят на подобное намного больше времени. – Посмотрим, что будет дальше.

Ра кивнула, показывая, что оценила похвалу, и потянула за дополнительные вожжи, соединенные с несущим ртом червя. Пасть послушно раскрылась, разрушая структуру камней, втягивая их внутрь. Ра ослабила дополнительные вожжи, затем натянула вновь, заставляя минхочао вгрызаться в горные породы, образуя тоннель. Пока сложного ничего не было, разве что… Ра вспомнила предупреждение наставницы и, едва червь начал пульсировать, готовясь исторгнуть превращенный в пыль камень, постаралась занять наиболее устойчивое положение. Битата замер, затем вздулся так сильно, что Ра с трудом удержалась на ногах. Пара разбуженных мантикор тут же выскочила из нор, щелкая пастями с тремя рядами зубов. Львиные гривы ощетинились, а человеческие глаза налились кровью.

Жаргал прочитала несколько заклинаний, и мантикоры сникли, однако, когда червь продолжил движение, оживились и провели первую атаку. Укротительница монстров взмахнула кнутом со стальным наконечником, рассекая мантикоре брюхо. Крови не было, но рана заставила монстра взвыть. Пролетев в грациозном прыжке над туловищем червя, монстр неловко приземлился на пыльную землю позади и закрутился волчком.

– Похоже, мы его разозлили! – подметила Ра.

– Мы напомнили ему, что такое боль, показав, что можем заставить его страдать, – сказала Жаргал.

В подтверждение ее слов мантикора, поджав хвост, попятилась, а когда услышала новые магические заклинания, поспешила спрятаться за камни. Второй монстр, не испытавший на собственной шкуре кнута Жаргал, осторожно поплелся за вгрызавшимся в горную твердь червем.

Казалось, что минхочао продвигается невыносимо медленно, но вскоре, когда Ра обернулась, то не смогла заметить начало тоннеля, утонувшее во мраке. Стайка сквадеров выпорхнула из крошечного тоннеля и вцепилась острыми заячьими зубами в тело червя. Мускулы битата напряглись, снова едва не сбросив пассажиров. Кнут Жаргал защелкал с такой скоростью, что серия ударов слилась в один протяжный звук, сбив добрую дюжину сквадеров с битата. Не успели кружившиеся в воздухе перья осесть, а сквадеры прийти в себя, как на них набросились разбуженные мантикоры. Брызнула кровь на стены тоннеля. От писка сквадеров заболели уши. Тело червя вздулось и выбросило в воздух облако пыли – остаточный продукт от поглощенных горных пород. Ра натянула вожжи, заставляя битата энергичнее вгрызаться в камни, удлиняя тоннель.

– Не торопись, – посоветовала Жаргал. – Наставникам запрещено об этом говорить, чтобы добавить новичкам трудностей при сдаче экзамена, но если загнать червя, то он может лопнуть. Я сама видела подобное. Потом еле смогла выбраться из тоннеля, кишащего мантикорами и сквадерами. Координатор погибла. Так что если не хочешь повторить ее судьбу, то ослабь удила.

Ра прислушалась к совету.

– Жаль, в этот раз не получается приручить мантикору, – сокрушенно сказала Жаргал. – А то проблема со сквадерами была бы решена в два счета. Мантикоры и эти противные грызуны – вечные враги, так что… – укротительница прервалась, отражая нападение невесть откуда взявшихся тяньгоу.

Обращенные в рыжих лисиц и черных собак, они набросились сначала на стаю сквадеров, затем оттеснили следовавшую за червем мантикору и наконец устремили свой интерес к Ра и Жаргал.

– А вот это уже что-то новенькое, – призналась укротительница.

– Ты не знала о них?

– Конечно, нет. Никто ведь не планирует, кого мы встретим в тоннелях. Экзамен приближен к реальной обстановке.

Тяньгоу разделились на три группы: две присматривали за сквадерами и мантикорой, а третья примирялась, как провести атаку на голиафок.

– Мне стоит быть начеку или ты обо всем позаботишься? – спросила Ра укротительницу.

– Здесь всегда нужно быть начеку, – сказала Жаргал. – Особенно когда рядом дикие тяньгоу. Их натаскали охотиться на сквадеров, но иногда система играет с дрессировщиками злые шутки, лишая тяньгоу рассудка. Они сбегают из клеток и прячутся в заброшенных тоннелях. Говорят, что самые опасные – это те, что похожи на черных псов, но я, сколько бы раз ни сталкивалась с ними, всегда убеждалась, что тяньгоу в виде рыжих лисиц более коварны и хитры. Они не нападают в открытую, а выжидают удобного момента, когда ты отвернешься или зазеваешься. Думаю, у них существует какая-то система общения между собой – очень слаженно они двигаются, если сравнивать со стаями сквадеров или группами мантикор.

В подтверждение слов Жаргал тяньгоу перегруппировались и начали теснить сквадеров и мантикору, заставляя приближаться к строительному червю.

– Что они делают? – растерялась Ра.

– Говорю же, тяньгоу хитры, что черти, – ухмыльнулась укротительница. – Сейчас, думаю, они хотят натравить на нас других животных, а когда мы расправимся с ними, потратив на это силы и, возможно, пострадав во время боя, тяньгоу попробуют напасть сами.

– Может быть, заставить битата прогрызать тоннель быстрее? – предложила Ра.

– Забудь! Если останемся без транспорта, то погибнем.

– Понятно, – охотница за наживой ослабила удила. – И что – каждый экзамен такой сложный?

– Каждый экзамен – это набор случайностей, – Жаргал наградила новую знакомую многозначительным взглядом. – У тебя этих случайностей очень много… Никогда не видела, чтобы на учебном полигоне появлялось столько монстров. Порой можно на всем пути не встретить на одной мантикоры, а тут сразу две. Да еще стаи сквадеров… О тяньгоу и говорить не хочется, – она не моргая следила за рыжими лисицами, преследовавшими строительного червя.

Ра сосредоточилась на управлении минхочао, предпочитая промолчать. Если опасения, появившиеся незадолго до начала игры, окажутся правдой и они с напарником действительно впутались во что-то масштабное, то одними мантикорами и сквадерами уже не отделаешься. Кто знает, какие еще неприятности обрушатся на их головы?

– Ты только не паникуй, а то не выберемся, – попросила Жаргал, решив, что напугала новую знакомую.

– Можешь не переживать, мне подобные переделки не впервой, – заверила укротительницу Ра.

– Все вы так говорите, – отмахнулась та. – А на деле – чуть что, сразу бежать.

– Я не убегу и не подведу. Можешь не переживать. У меня большой опыт.

– Вот как? Гм! Не очень-то ты похожа на игромана со стажем.

– Больно надо! Большинство игроманов – зануды, неудачники и люди, настолько далекие от реальной жизни, что без слез не взглянешь.

– Смелое заявление. Не боишься, что можешь обидеть подобными речами кого-нибудь?

– Ты – не игроман, а на остальных мне плевать. Даже если кому-то придет в голову транслировать наши похождения по нейронным игровым каналам, вряд ли это привлечет много внимания. Так что считай, что это просто треп в стрессовой ситуации.

– Откуда ты знаешь, что я не игроман?

– У меня большой опыт в сфере игровых площадок, и поверь, ты даже близко не похожа на игромана. Ты понимаешь, что игровой мир – это условность, способ приятно провести время, а игроман, стоит только заговорить с ним о реальности, начинает корчиться и ежиться, как черт от ладана.

– Можно, конечно, поспорить, но в целом… Сомневаюсь, что игроманы стали бы сопровождать новичков, как это делаю я. Им нужен постоянный прорыв, развитие, улучшение и возможность повышать ставки… – взгляд Жаргал стал колким. – Если честно, то ты ведешь себя именно как игроман – быстро развиваешься, стремишься постоянно прогрессировать. Уверена, что до того, как оказаться здесь, ты тщательно изучила нюансы, выбрав наиболее верные пути совершенствования персонажа…

– Все так и было… – Ра ослабила вожжи, давая возможность строительному червю избавиться от переработанных каменных пород.

Облако пыли окутало тяньгоу, позволив мантикорам напасть на черных псов и рыжих лисиц, когда не отличающиеся особым умом сквадеры снова ринулись к битате, надеясь полакомиться плотью червя. Жаргал скороговоркой произнесла серию заклинаний, создав в центре сражения мантикор и тяньгоу образ раненого минхочао третьего уровня, к которому тут же устремились сквадеры, решив, что электрический червь станет легкой добычей. За образовавшейся сворой дерущихся монстров настоящая битата осталась незамеченной. Ра натянула вожжи, заставляя строительного червя продолжать движение сквозь

горную твердыню.

– Отличный ход! – похвалила Жаргал.

Ра не ответила, сосредоточившись на том, чтобы заставить минхочао работать с максимальной отдачей. Нужно было убраться от сражающихся монстров как можно дальше, пока они не опомнились и не пустились в погоню. Жаргал одобрила подобное поведение и какое-то время не приставала с расспросами, но затем все-таки любопытство взяло верх.

– Так кто ты, если не игроман?

– Слышала об охотниках за наживой?

– Немного… – неожиданно укротительницу осенило. – О! Так ты одна из них?

– В каком-то роде.

– Но я думала, что вас привлекают только те локации, где можно хорошо заработать, а здесь… Здесь ведь почти ничего нет!

– Здесь есть Голиафские горы.

– И какую из этого можно извлечь прибыль?

– Если все правильно сделать, то можно предотвратить проникновение армии телебов в Аид.

– Армии телебов? – окончательно запуталась Жаргал. – Я думала, они могут лишь поодиночке перебираться через снежные горные хребты… Ходят, конечно, слухи, что среди голиафцев появились предатели, которые за определенную плату или одолжение проводят торговцев Далеких земель в соседнюю игровую локацию, но даже так речь идет всего о нескольких телебах. Не представляю, чтобы подобным образом переправилась целая армия. К тому же не забывай, что телебы разделены на племена. Они постоянно враждуют между собой, поэтому…

– Ты слышала об обрушении «Голода»? – решила пойти ва-банк Ра: сейчас она либо потеряет нового друга, либо приобретет сильного союзника.

– Немного. Я давно в игре, – Жаргал нахмурилась. – Говорят, что за обрушение в ответе братья, создавшие игровую площадку «Мекка»? – она услышала, как Ра выругалась. – Я сказала что-то не так?

– Нет, просто не думала, что дезинформация просочилась и сюда.

– Что значит «дезинформация»? «Голод» на самом деле не рухнул или что?

– «Голод» рухнул, только возглавляли бунтующих не братья, а я и мой напарник, Зевс, хотя сейчас мне кажется, что и наш успех был отчасти фиктивным.

– Ты меня совсем запутала… Хочешь сказать, что… – Жаргал

спешно пыталась собрать в голове воедино все, что слышала об обрушении «Голода». Все выглядело так, словно… – А чем ты сможешь доказать, что ты – это ты? – спросила укротительница мантикор. – Пара охотников за наживой, возглавлявшая бунтующих, должна была озолотиться после подобного успеха. Зачем им снова возвращаться в проект, да еще и в такой бесперспективной локации, как Голиафские горы?

– Ни черта мы не озолотились, – буркнула Ра. – Братья перенастроили нейронный генератор и заморозили несколько игровых ярусов, где шли бои, прежде чем мы получили возможность обналичить заработанные во время бунтов кредиты… – охотница за наживой прервалась, позволяя строительному червю снова выбросить остатки переработанных камней.

Туловище минхочао задергалось так сильно, что наездницы с трудом смогли удержаться на его спине.

– В следующий раз он не выдержит перегрузок и лопнет, – предупредила Жаргал.

– Зато так мы избавляемся от преследователей. Помнишь, как это сбило их с толку в прошлый раз?

Они замолчали, пока червь не начал снова продвигаться вперед, увозя их из облака пыли.

– Ты так и не объяснила, почему оказалась в Голиафских горах, – напомнила Жаргал.

– Нечего объяснять, – отмахнулась Ра. – Не знаю, слышала ты или нет, но в КвазаРазмерности ходят слухи, что следом за «Голодом» братья планируют обрушить «Фивы» – единственного оставшегося конкурента «Мекки». Неважно, правда это или нет, но мой напарник думает, что обязан помешать им.

– Выходит… Если ты и твой напарник в Голиафских горах… И вы планируете не позволить армиям Далеких земель перебраться в Аид, то… Создатели «Мекки» приобрели игровые ключи телебов?

– Верно.

– Выходит, они действительно планируют обрушить «Фивы»?

– Не знаю. Незадолго до того, как мы покинули КвазаРазмерность, с нами связались их друзья, сказав, что все намного сложнее и «Мекка» давно не принадлежит братьям… Потом мы поссорились и нам едва не выжгли жидкие чипы, потому что кто-то явно не желал, чтобы мы помешали Прай-Ми и его брату развернуться на игровой площадке… В общем, мы с Зевсом решили придерживаться первоначального плана. К тому же если мы действительно потревожили осиное гнездо, как сказали друзья братьев, то покушения повторятся, а все

знают, что лучший способ спрятаться – это купить ключи игрока.

– А гул?

– Что гул?

– Говорят, Прай-Ми, вернувшись из «Голода», запустил какой-то вирус?

– Да, я тоже слышала подобное, но клирики Всемирной иерархии уверяют, что это просто временный сбой экспериментальных сетей нового поколения, который скоро устранят. Я склонна им верить.

Червь сбросил еще раз отработанные горные породы и, закончив тоннель, выбрался в просторный каменный свод, где дожидалась наставница Чимэг. Поздравления, согласно правилам голиафского народа, были сдержанными. Празднества не предусматривались. Старца горы вообще мало интересовало, что происходит с подданными, – лишь бы соблюдались установленные правила, действовала агентурная сеть да прогрессировало строительство, позволяя появляться на площадке новым игрокам. Впрочем, для привлечения новых игроков голиафцы обычно использовали внешнюю агентурную сеть, заявляя о себе на тех локациях, к которым игровые новостные каналы проявляли повышенный интерес.

– Теперь тебе нужно спуститься в пещеры, где обитают минхочао, и достать себе детеныша битата, – сказала наставница, довольная тем, что получила хорошие бонусы за обучение Ра. – Здесь наши дороги расходятся, но если хочешь, то я могу оказать тебе последнее одолжение и познакомить с опытным координатором третьего уровня. Она объяснит тебе, на что обращать внимание, а на что нет, когда ты окажешься в пещерах минхочао, и как правильно выбрать детеныша битата, чтобы превратить его в мощную строительную машину.

Ра поблагодарила наставницу, понимая, что больше их пути, скорее всего, не пересекутся.

Глава восьмая

Следить за новостями с игровых площадок было интересно, но после того, как Джаво прочитал мысли Эсфирь, новые знания не давали ему покоя. Вечная жизнь… Подумать только! Нет, мальчик никогда прежде особенно не задумывался о смерти, но вместе с мыслями Эсфирь ему передались и чувства – нечто волнительное и эпическое в своем размахе. Исследования квазацентристов, базы класса «Виадос», построенные много поколений назад по всей территории Подпространства, согласно карте временных мембран, в надежде обнаружить и изучить тонкие грани… Квазацентристы искали центр мира в местах, где находилась наиболее тонкая грань, разделявшая миры энергии и материи; клирики искали новый способ получения энергии…

Если бы Джаво чуть раньше не побывал в незаконном исследовательском центре ученых Энрофы, поняв, что такое исходный код схем жизнеустройства, то, возможно, знания Эсфирь заинтересовали бы его чуть меньше, а так… Мальчик пытался не думать, но мысли снова и снова возвращались к тому, что если бы нейропаты второй волны существовали в период изучения временных мембран и поисков понимания дома жизни, то Всемирная иерархия не прикрыла бы проект, превратив самую успешную базу «Виадос-12» в поселение содомитов.

Несколько раз Джаво пытался поговорить об этом с Эсфирь, но она клялась, что тонкие грани интересны исключительно с точки зрения получения энергия: как для мира Размерности, так и для извлеченных из биологических оболочек сознаний, находящихся в Подпространстве. В пример она ставила пару ученых, которых встретила в поселении содомитов. Они жили там со времен исследовательской базы «Виадос-12», разгадав тайну вечной жизни.

– Вот в этом есть смысл, – говорила Эсфирь. – А какой смысл в том, чтобы разобраться в устройстве дома жизни? Думаешь, человечество не утратит после этого свою исключительность, превратившись в очередной винтик системы, созданной кем-то более могущественным, чем мы можем себе представить? Ведь если верить квазацентристам, то наш мир – это всего лишь инструмент в огромной машине мироздания. Они считают нас батарейкой, которая существует по замкнутому циклу, коллапсируя и возрождаясь снова и снова… Как, впрочем, и бесконечное множество других миров, подобных нашему, где каждый вариант развития событий предсказан в плитке

многоуровневости бытия и право выбора, придающее жизни смысл, – не более иллюзии, в которую мы поверили… Ты хочешь жить, осознавая себя крохотным винтиком огромной системы?

Не имея доступа к нейронным информационным базам, Джаво не мог понимать всего, о чем говорила Эсфирь, но пыл, с которым она это произносила, заставлял настораживаться. Может быть, странная женщина ошибалась, но, по крайней мере, искренне верила в свои слова. И главное, ей верил Демир, отец Джаво.

– Думаю, будет лучше, если ты просто забудешь о том, что вытащил у меня из головы, – сказала Эсфирь незадолго до того, как в закрытом квартале, лишенном нейронных сетей, появился представитель агентства «Ксанет».

Джаво был знаком с Оксом и по-детски доверчиво считал его своим другом, но вот люди, которых привел с собой Окс, были чужаками и пугали мальчика. Особенно мужчина. Джаво понял, что это хранитель, до того, как об этом сообщил представитель агентства «Ксанет». Девочка, дочь Саломеи, найти которую отец Джаво поручил Оксу, была напугана и держалась обособленно. Конечно, мальчик обещал Саломее, что сделает все возможное, чтобы уговорить отца найти ее дочь, но никогда прежде он не думал, что Ариша окажется с ним в одном квартале. И уж тем более не думал, что вместе с ней появится бывший муж Саломеи. Азраил представлялся Джаво монстром, безжалостным садистом, похожим на имитации палачей в «Фивах», но в действительности…

– Что с ним не так? – решился Джаво спросить Окса. – Никогда прежде не видел, чтобы хранители вели себя подобным образом?

– Боюсь, он уже не хранитель, – сказал представитель агентства «Ксанет».

– Но Саломея говорила…

– После того, как Азраил похитил дочь и сбежал с исследовательской базы во льдах, он находится вне закона.

– Независимые новостные каналы сообщали, что там произошел какой-то сбой, – оживился Джаво. – Не то нейронные генераторы вышли из строя, не то строительные автоматы вышли из-под контроля – уже не помню… Без доступа к информационным базам нейронных сетей вообще сложно удержать все в голове, – Джаво вздохнул. – А что хранитель сам говорит о случившемся на исследовательской базе?

– Ничего не говорит, – недовольно хмыкнул Окс.

– А дочь Саломеи?

– Девочка напугана и… – Окс передернул плечами. – Думаю,

на базе что-то активировало ее способности нейропата. Она не признается, но я знаю, что ей под силу читать мои мысли. Иначе они бы ни за что не пришли сюда.

– Ты рассказал ей обо мне?

– Да, но уверен, она узнала это раньше, заглянув мне в мысли.

– Полагаю, мы могли бы так же поступить с ее отцом, – Джаво потупил взгляд. – Я ведь тоже нейропат, если ты забыл.

– Твой отец никогда не даст согласие… К тому же твои способности пока дремлющего характера, не думаю, что ты сможешь активировать их, щелкнув пальцами…

– Спроси Эсфирь, – не сдержался Джаво.

Окс удивленно поднял брови, ожидая объяснений.

– Этот засранец обманом заставил меня активировать нейронный генератор в кабинете его отца и прочитал мои мысли, – сказала Эсфирь.

– И какие именно мысли он прочитал?

– Все, – она поморщилась. – Ничего конкретного, конечно, но основную суть смог ухватить.

– И о тонких гранях?

– О них, кажется, в первую очередь.

– Я никому не расскажу! – спешно пообещал Джаво.

Окс отрешенно кивнул.

– Ничего подобного не случилось бы, согласись она помочь моим друзьям, – добавил мальчик.

Окс снова кивнул. Услышал историю об охотниках за наживой и как Эсфирь пыталась выжечь им жидкие чипы, чтобы не пустить на игровую площадку, и подумал, что нужно связаться с напарником из агентства и рассказать обо всем ему.

Эсфирь объединила их в сеть, позволяя Оксу посредством нейронных сетей выкачивать из напарника кинетическую энергию, а тому использовать большую часть мозга Окса для проведения дополнительного анализа и подключения к дополнительным информационным потокам. «Вот пусть он и думает за нас двоих», – решил Окс, устанавливая связь с напарником по зашифрованному нейронному каналу, активировав нейронный генератор в кабинете отца Джаво. Рассказывать о том, что случилось, не потребовалось – напарник получил слепок сознания Окса за последний час, быстро разобравшись в ситуации.

– Думаю, нужно позволить мальчишке прочитать мысли хранителя, – сказал Лиор, заставив Окса растерянно открыть рот. – Многие связывают сбой в нейронных сетях седьмого поколения с неразберихой, творившейся на исследовательской

станции. Я провел небольшие вычисления. Ты ведь знаешь, что нейронные сети немного отличаются в каждом жилом комплексе. Жидкий чип местных жителей адаптирован под работу сетей родного комплекса. Различия не критичные, к тому же люди используют для путешествий между комплексами терминалы переходов, позволяющие переносить сознание в тела клонов, адаптированные под местные сети. Но хранитель и его дочь, покинув Galeus longirostris, не вернулись в свой комплекс, а предпочли осесть подальше от клириков в Isistius labialis. И пусть они молчат как рыбы – мне достаточно изучить начальные протоколы их жидких чипов, чтобы вычислить момент, когда они начали меняться, подстраиваясь под чужие нейронные сети.

– К чему ты клонишь? – спросил Окс.

– Появление Иегудиила и девочки в нашем комплексе совпадает с моментом возникновения нейронного сбоя, после чего мы все стали слышать странный гул, – сказал Лиор.

– И ты думаешь, что это как-то связано?

– Если верить данным, полученным из информационных баз Лок-Кли, то – да. Так что пусть мальчишка изучит хранителя.

– Его отец никогда не даст согласие.

– Скажи его отцу, что это важно. Мы изучаем тонкие грани, способные дать миру КвазаРазмерности альтернативный источник практически неиссякаемой энергии, я уже не говорю о возможном бессмертии. Думаешь, Иерархия оставит нас в покое, когда выяснит, чем мы занимаемся?

– Думаю, нет.

– Поэтому нам нужно иметь компромат, благодаря которому мы сможем торговаться с клириками. А что может быть лучше достоверной информации о том, что случилось на исследовательской базе? Иерархия ведь старательно замалчивает это. Так что, полагаю, это может оказаться очень важным.

Окс молчал около минуты, затем сдался.

– Ладно, ты у нас голова, а я просто мускулы, – сказал он напарнику. – Свяжись с Демиром и объясни, что происходит. Если он даст согласие использовать Джаво в качестве нейропата, то я поговорю с мальчишкой.

– Можно начинать прямо сейчас.

– А как же отец?

– Мальчишка все равно пользуется своими способностями. К тому же у Демира не будет выбора – ситуация слишком щекотливая, чтобы привлекать сторонних людей, тем более нейропатов.

Связь прервалась внезапно, что заставило Окса вздрогнуть. Какое-то время он неподвижно стоял, восстанавливая в памяти детали разговора, затем позвал Эсфирь и объяснил ей план дальнейших действий.

– Как думаешь, мальчишка справится? – спросил он. – Все-таки прочитать мысли хранителя, пусть и бывшего, непростая задача.

– Он смог прочитать мои мысли, – фыркнула Эсфирь. – А у меня, как ты знаешь, мозг устроен совсем не так, как у обычного человека. Не знаю, рассказал он тебе или нет, но, даже оставаясь в терминале переходов, я могу контролировать, на каком из двух уровней будет находиться большая часть моего сознания.

– Так вот как ты сбежала из поселения содомитов! – оживился Окс. – А я все гадал, как ты смогла опередить меня на обратной дороге из неиндексированных территорий. Нужно будет обязательно рассказать Лиору. Думаю, его заинтересует подобный оборот.

– И не забудь рассказать, что я спасла тебя от диких содомитов, которые неминуемо разорвали бы вас с той хозяйкой куба переносов на части, не вмешайся я.

Окс замолчал, гневно уставившись на женщину с огромными глазами на неестественно крохотной голове.

– Никто не любит, когда ему напоминают о неудачах, – примирительно сказала она. – Молчи о том, как меня обманул мальчишка, прочитав мысли, и я буду молчать о том, как спасла тебя в поселении содомитов.

Окс не ответил. Эсфирь сочла молчание за согласие.

Следующие полчаса она потратила на то, чтобы перенастроить действие нейронного генератора на координаты помещения, где находились дочь Саломеи и хранитель. Окс в это время общался с Джаво. Мальчик слушал внимательно, радуясь, что к нему не относятся как к ребенку.

– Только не думай, что забраться в голову хранителя будет легко, – предупредил Окс.

– Не забывай, что я однажды уже проделал нечто подобное, – напомнил Джаво, признавшись, что его больше волнует встреча с Аришей – еще одним нейропатом, как и он, нежели ментальное противостояние с ее отцом.

– Она не знает, что ты нейропат, – сказал Окс.

– Сомневаюсь, что для нее будет проблемой определить, кто я. Нейропаты чувствуют друг друга, – Джаво тяжело вздохнул. – К тому же она девчонка, и я… В общем…

– Если хочешь, то могу попробовать разделить их, –

предложил Окс.

– Тогда это вызовет еще больше подозрений, – покачал головой мальчик.

– Разумно, – согласился Окс.

Он дал Джаво возможность подготовиться, а сам отправился к Иегудиилу и его дочери. Хранителю не нравилась идея встретиться с мальчиком, который был знаком с Саломеей, но у девочки глаза явно загорелись. «Хоть что-то», – подумал Окс, бросая косой взгляд в сторону хмурого хранителя.

Начиная с первой встречи Иегудиил относился к представителю агентства «Ксанет» подозрительно. Окс понятия не имел, как хранителю удалось пробраться в жилой комплекс, но внутри дела у него явно шли неважно. Он был вынужден скрываться как от хранителей, так и от головорезов скандального монополиста Лок-Кли, который явно хотел приобщить тайну бегства Иегудиила к своей внушительной коллекции тайн.

Когда в помещение вошел Джаво, Окс постарался встать так, чтобы отделить детей от хранителя, ожидая нападения в любой момент.

– Ого! – сказала Ариша, заглянув мальчику в мысли и увидев, как он познакомился с ее матерью.

– Ого! – отозвался Джаво, изучив в свою очередь воспоминания девочки, касающиеся случившегося на исследовательской базе.

Он знал, что должен работать с мыслями хранителя, но сознание Ариши было открыто и доступно. Ее мысли притягивали как магнит. Нечто подобное чувствовала и девочка.

– Что происходит? – насторожился Иегудиил.

– Все в порядке, – сказала Ариша, опередив Окса с ответом. – Джаво нейропат, и мы… Нам не нужны слова.

– Нейропат? – хранитель волком посмотрел на Окса. – Ты обманул меня. Сказал, что отведешь в безопасное место, а сам завел в ловушку и притащил нейропата, чтобы прочитать наши мысли?

– Это не ловушка, – сказала Ариша. – Они действительно наши друзья, а Джаво правда был знаком с мамой.

– Замолчи! – рявкнул Иегудиил. – Ты ребенок и не понимаешь, что происходит…

Он шагнул на Окса.

– Мы уходим, – процедил бывший хранитель сквозь зубы.

– Нет! – решительно заявила Ариша. – Мне надоело бегать и прятаться, словно мы крысы.

– Остаться здесь – это ошибка.

– Ошибкой было бежать с исследовательской станции!

– Ты бы предпочла там погибнуть?

– Мы привезли в жилые комплексы Сарса!

– Не смей обвинять меня за то, что я спасал твою жизнь!

Их крики стали невыносимы, и Окс гаркнул, велев бывшему хранителю заткнуться.

– Кто такой Сарс? – спросил он.

Иегудиил не ответил, и представитель агентства «Ксанет» воззрился на Джаво.

– Это вирус, которым заразились нейронные сети седьмого поколения, – неуверенно сказал мальчик и покосился на Аришу.

Девочка кивнула. Джаво вспомнил, как когда-то давно стал проводником, объединив мысли хранителя и работника незаконного центра Энрофы. Он не знал, получится у него подобное сейчас или нет, но попробовать стоило. В противном случае между Оксом и отцом Ариши намечалась потасовка. Маловероятно, что у хранителя были шансы победить, учитывая модификации Окса, проведенные Эсфирь, но Джаво не хотел, чтобы отцу Ариши досталось на глазах у дочери.

– Эй! – заорал он, привлекая к себе внимание.

Окс и Иегудиил вздрогнули. Поток посторонних мыслей, хлынувший в сознание, был хаотичным и настолько мощным, что закружилась голова. Джаво испугался, что причинит им непоправимый вред, и ослабил воздействие. Несколько секунд он балансировал на грани того, чтобы потерять контроль над чужими сознаниями, но затем ему помогла Ариша, перехватив часть его мыслей и одобрив намерение. Сеть заработала.

Окс увидел подготовку Иерархии к спасательной операции после того, как вирус, названный разработчиками «Сарс», взял исследовательскую станцию под контроль, подчинив сознания ученых, среди которых находились родители Саломеи и ее дочь. Сговор Иегудиила со скандальным монополистом Лок-Кли, чтобы попасть в спасательную экспедицию… В этой круговерти история о вирусе под названием Сарс занимала небольшое место. Узнав о захвате вирусом исследовательской станции, клирики готовы были заморозить проект, поставив на ученых крест, если бы Лок-Кли не предложил разработанную программу для борьбы с Сарсом.

То, что Иегудиил и его дочь смогли спастись, не было случайностью – антивирусные программы проникли в нейронные сети исследовательской базы, и Сарс, спасая себя, позволил хранителю сбежать. Не без содействия уцелевших после атаки на исследовательскую базу адаптивных алгоритмов вируса Иегудиил и его дочь смогли проникнуть в жилой комплекс Isistius

labialis. Мир за пределами комплексов был мертв, так что внешнего вторжения никто не ждал. Исследовательская экспедиция к центру ледника была первым выходом человечества за пределы защищенных нейронными сетями стен.

Внешние секторы жилых комплексов давно промерзли до основания. Иегудиил продвигался на мобильной платформе по заброшенным, обледенелым кварталам так долго, пока позволяли размеры тоннелей. Затем Сарс, подчинив системы управления, подбросил хранителю идею проникнуть в жилые сектора через ремонтные полости пневмотоннелей общественного транспорта.

Находившиеся там ремонтные синергики, самовоспроизводящиеся для непрерывного обслуживания на протяжении тысяч лет, сильно изменились, если сравнивать с теми, о которых получил начальные знания Иегудиил, когда обучался в академии хранителей. Это был независимый микромир – опасный и враждебный для всего живого, что попадало в поле зрения.

Нейронные сети не действовали в ремонтных полостях, так что Сарс не мог перебраться в благоприятную среду нейронных сетей седьмого поколения, покинув ограниченные системы мобильной платформы, где был уязвим. Поэтому пришлось отложить интервенцию в жилой комплекс и помочь Иегудиилу разобраться с синергиками. Повторный анализ выявил ряд уязвимостей биоэнергетических сознаний машин, но без дополнительной помощи со стороны бывшего хранителя достичь успеха не представлялось возможным. Поэтому оставалось либо затаиться, как Сарс поступил, когда его создатели почти уничтожили его, упустив возможность, что вирус продублирует себя, спрятавшись на исследовательской станции, либо войти в контакт с бывшим хранителем. Сарс выбрал второе.

Он не мог взаимодействовать с жидким чипом Иегудиила, так как тот был модифицирован Иерархией до того, как отправить хранителя на зараженную станцию. Попытки подчинить сознание девочки-нейропата провалились, еще когда Сарс проник в головы первой экспедиции ученых. Так что оставалось явить себя в образе представителя новой расы, как это было, когда вирус дурил головы клирикам до того, как они узнали о его истинной природе.

– Не разговаривай с ним, – сказала Ариша отцу, когда сбоящий образ Сарса, отдаленно похожий на человека, сформировался перед ними, используя модифицированные нейронные сети мобильной платформы.

– У вас нет выхода, – сказал Сарс. – Вы либо погибнете здесь,

либо станете моими союзниками, чтобы выжить.

– Почему мы должны тебе верить? – спросил хранитель, игнорируя предупреждения дочери.

– Потому что я застрял здесь так же, как и вы, – ответил Сарс.

– И что мы должны делать, чтобы выбраться отсюда?

– Захватить синергика, чтобы я смог изучить возможности взаимодействия с ним.

– То есть ты хочешь подчинить синергика так же, как подчинял машины на исследовательской станции?

– Только так мы сможем выбраться отсюда.

– Это правда? – спросил хранитель, поворачиваясь к своей дочери.

Ариша долго молчала, затем пожала плечами.

– Значит, заключим союз, – решил Иегудиил, обращаясь к Сарсу.

Созданные резонансным инженером по имени Симеон системы адаптивного развития объяснили хранителю, как он сможет захватить синергика. Пленение машины с биоэнергетическим мозгом оказалось делом непростым, но вполне выполнимым. Нужно было только довериться Сарсу. Упрощал дело и тот факт, что Иегудиил был хранителем, получившим при обучении необходимые базовые знания.

Держась на безопасном расстоянии от синергиков, он, облаченный в термокостюм, занимался тем, что помогал Сарсу определить уровень деградации и эволюции машин, предоставленных самим себе на протяжении тысячелетий. Система адаптивного развития Симеона видела в синергиках угрозу, а в хранителе – временного союзника. Принятым решением было сначала организовать защиту, а затем строить планы нападения. Хранитель расценил это как заботу Сарса об Арише. Для Сарса же это была просто тактика, способ побудить Иегудиила к более решительным действиям, показав, что его дочь в безопасности. Только так, по мнению адаптивных систем развития, можно было заставить хранителя рисковать.

К первой стычке с синергиками Иегудиил готовился несколько дней. Вернее, готовился Сарс, анализируя, что именно на мобильной платформе можно превратить в оружие, но проблема заключалась в том, что клирики, собирая спасательную экспедицию, знали о существовании Сарса и постарались свести к минимуму количество элементов в конструкции, доступных ему для глубокой интеграции. Так что вся надежда, как и во время побега с исследовательской станции, снова ложилась на Иегудиила.

– Забудь! – отрезал хранитель, когда Сарс предложил ему

использовать резервный генератор мобильной станции, отвечающий за простейшие нейронные сети, регулирующие температуру.

Ресурс основного генератора был израсходован на обратную дорогу, отнявшую, учитывая, что Isistius labialis находился намного дальше запланированного для возвращения комплекса Galeus longirostris, вдвое больше энергии.

– Я не стану подвергать дочь опасности, – сказал Иегудиил, услышав предложение Сарса отключить резервный генератор, превратив в оружие.

– Ты должен понимать, что использование резервного генератора – это единственный способ выбраться отсюда. Или ты хочешь оставаться в ремонтных полостях, пока не закончится ресурс резервного генератора? А что потом? Синергики не позволят тебе выбраться отсюда. Для них ты и дочь станете мусором, который мешает работе систем общественного транспорта и требует утилизации.

– Придумай другое решение.

– Нет другого решения!

Сарс спорил с пылом, словно был человеком, – холодный расчет машины, но хранитель купился, да и не было у него других вариантов.

Модификация резервного генератора заняла больше двух дней, причем последние сутки пришлось работать в термокостюмах, потому что генератор уже был отключен. Сарс давал советы, но не мог помогать физически, так как на мобильной платформе отсутствовали подходящие механизмы, которые он мог бы контролировать.

– Главное – помни, что ты не должен повредить важные системы синергика, – напутствовал Сарс, когда резервный генератор был превращен в оружие, а также подключен к экзоскелету хранителя, чтобы усилить его в несколько раз, – мера, грозившая сократить ресурс работы экзоскелета до нескольких часов, но другого выхода не было, особенно если учитывать, что придется нести на спине Аришу.

Сарс рассчитал вес девочки и произвел точные настройки экзоскелета Иегудиила. Также он переключил термокостюм Ариши в режим полной изоляции носителя от внешнего мира – необходимость, которой хранитель пытался избежать, хотя и понимал, что по дороге к свободе им встретятся вещи, которые дочери лучше не видеть. Поэтому споры с Сарсом были недолгими. Оставалось надеяться, что экзоскелет откалиброван идеально, учитывая дополнительную нагрузку, а магнитные замки, блокировавшие Аришу за спиной отца, почти полностью

обездвиживая на время путешествия, будут надежны и не начнут сбоить.

Согласно проведенному сканированию, ремонтные полости делились на разрозненные сектора, совершенно не связанные между собой. За долгие тысячелетия изоляции модели синергиков разделились: развитие одних было направлено на обслуживание и улучшение пневмотоннелей, другие утратили строительные функции, продолжая модернизировать себя, но, не имея цели и вектора, способного указать необходимые перемены, в основном деградировали. Они существовали обособленно, выдавленные биоэлектронным миром ремонтных синергиков ближе к внешним пределам жилого комплекса. Это были опасные, отделенные от мира владения, через которые необходимо было пройти Иегудиилу, чтобы добраться до полостей, где обитали ремонтные синергики, пленить одного из них и помочь Сарсу получить контроль над машиной.

Хранитель понимал, что играет с огнем, но другого выхода, кажется, действительно не было. Сарс говорил, что ему нет дела до Иегудиила и его дочери и что он позволит им уйти, если получит контроль над ремонтными синергиками, но хранитель не верил. Сарс был компьютерной программой, которая подчинялась логике, а отпускать людей, способных предупредить клириков об угрозе, было глупостью, возможно состраданием, но не логикой.

Чтобы подтвердить серьезность своих намерений, Сарс передал Иегудиилу полный контроль над оружием, созданным из резервного генератора, но это лишь усилило подозрения хранителя, решившего, что машина понимает – без подобного хода не сможет заставить человека помочь выполнить задуманное, а то, что у него в руках будет находиться оружие, способное уничтожить саму машину… Что ж, в таком случае ему придется погибнуть самому плюс убить дочь, а Сарс уже изучил человеческую природу, чтобы понимать – любящий отец сделает все, чтобы не допустить подобного.

Разобрать перегородки промерзших уровней, отделявшие от обители деградирующих синергиков, оказалось сложнее, чем ожидал хранитель. Если бы не мощный экзоскелет, черпавший дополнительную энергию из резервного генератора, то задача могла бы и вовсе превратиться в невыполнимую, требующую потратить на разрушение оставшуюся энергию в модифицированном резервном генераторе.

Пробив крохотную дыру в стене при помощи нового оружия, Иегудиил увеличил отверстие, используя силу рук, помноженную на мощь экзоскелета, встроенного в термокостюм. Энергия

заканчивалась быстро, но брешь в стене увеличивалась быстрее. Хранитель пробрался в нее и буквально столкнулся нос к носу с синергиком, посланным проверить причину понижения температуры в результате пробитой перегородки уровней.

Синергик принадлежал к деградирующей волне машин с биоэлектронным мозгом. Не имея определенного вектора для развития, изолированное от внешнего мира общество машин возрождало и модернизировало себя на протяжении тысяч лет. Некоторые закрытые группы синергиков устремляли взгляд в сторону механики, но здесь, наоборот, процветало буйство искусственно выращенной плоти.

Иегудиил вздрогнул и с трудом сдержал крик, увидев уставившиеся на него голубые глаза. Веки вокруг глаз отсутствовали, впрочем как и многие другие принадлежащие человеку части лица. Полости в черепе, отведенные глазницам, отсутствовали. Вместо этого глаза фиксировались в подвижной механической системе. По тонким трубкам, установленным над глазами, подавалась смазка. Система была рассчитана на полумрак, где источником света служили крохотные кристаллы, использующие для питания энергию проникавшего извне холода. Хранителю повезло, и луч фонаря, направленный в лицо синергика, ослепил машину. Дальше разделаться с синергиком, используя оставшуюся энергию экзоскелета, не составило труда: пара точных ударов по нижним конечностям и точный в область груди, где находился биоэлектронный мозг.

«Хорошо, что термокостюм Ариши блокирует возможность видеть и слышать, что происходит снаружи», – отметил хранитель, понимая, что сам едва не вскрикнул, увидев уродливого синергика, затем вспомнил, что оградить дочь от внешнего мира на время опасного путешествия предложил Сарс, и замер, прикидывая варианты, как избавиться от Сарса прямо сейчас. Что если достать из рюкзака модуль управления мобильной платформой, на которой они прибыли сюда, и провести процесс инициализации, подсунув системам адаптивного развития Симеона вместо ремонтного синергика его деградировавший образец? Как тогда вирус поведет себя? Есть ли у него запасной план?

– Конечно, есть, – проворчал хранитель, решив, что, пока не придумает ничего более оригинального, будет следовать выбранным маршрутом.

Тоннели заброшенного сектора казались давно покинутыми. Ни намека на других синергиков, да и температура была почти критической для живых тканей и не позволяла снять термокостюм, чтобы сэкономить оставшуюся энергию. Иегудиил

уже начинал жалеть, что отверг идею Сарса, предлагавшего использовать современные генераторы, извлекавшие энергию из холода для поддержания работоспособности термокостюма и экзоскелета. Тогда это казалось очередным хитрым планом систем адаптивного развития, ставящих его в еще большую зависимость от технологий, сейчас… Если он не выберется отсюда в ближайший час, то, чтобы проделать дыру в разделяющих сектора конструкциях, не останется энергии.

Иегудиил попытался срезать проложенный Сарсом маршрут, но оказался в тупике, словно вирус предполагал подобное развитие событий и спланировал все так, чтобы хранитель не мог отклониться от заданного курса.

– Ладно, попробуем довериться вышедшей из-под контроля программе развития, – решил Иегудиил, понимая, что другого выхода все равно нет.

Он преодолел еще один длинный, обледеневший коридор и уперся в заблокированный и давно не действующий пневмолифт. Определить на глаз, сколько лет назад он был построен, не представлялось возможным – пять веков назад, пятнадцать?

Что ж, по крайней мере, проведенный Сарсом анализ не врал и дорога действительно привела к необходимой для перехода на следующий уровень шахте лифта. Системы защиты давно не работали, и открыть заблокированные магнитные двери не составило труда – главным врагом было обледенение с внутренней стороны. Капсула для подъема отсутствовала, и хранителю пришлось активировать генерацию экзоскелетом магнитного поля, чтобы подняться. Проведенные Сарсом настройки работы основных механизмов были идеальны, и вес Ариши не ощущался даже при больших нагрузках. Хранитель засомневался в правдивости показателей термокостюма, подтверждавших, что магнитные замки работают и дочь находится за спиной. Неловко занеся свободную руку назад, он наощупь убедился, что с Аришей все в порядке, и продолжил подъем.

Этажом выше двери шахты были закрыты, но промерзли настолько сильно, что разбились вдребезги, когда Иегудиил приложился по ним кулаком. В царившей тишине звон показался оглушающе громким. Хранитель замер. Появилась группа деградирующих синергиков, совершенно не похожих на предыдущего. По-прежнему читался уклон в сторону биоматериалов, но на этот раз замена зашла намного дальше. Это были уже не столько машины, сколько несуразные куски обмороженной плоти, лишенной нервных окончаний. Причем

конечности выращивались отдельно и машины не пытались скрыть места сочленений, выполненные крайне грубо, с использованием механических шарниров и соединительных трубок, по которым текли устойчивые к низким температурам жидкости.

Иегудиил замер, надеясь, что Сарс снова окажется прав и подобные машины, если не столкнуться с ними лицом к лицу, не опасны, потому что давно утратили алгоритмы защиты и самосохранения. Датчики синергиков уловили присутствие чужака, вернее не чужака, а тепловой след, почувствовать который могли их датчики. В отличие от машины, с которой Иегудиилу пришлось вступить в бой этажом ниже, у этих не было глаз. Экономия энергии, необходимой для развития, привела к тому, что эволюция исключила за ненадобностью возможность видеть как требующую дополнительных источников освещения.

Остановившись возле хранителя, синергики долго изучали чужака, сканируя всеми доступными сенсорами – скудный арсенал, к тому же давно устаревший. Иегудиил перенастроил термокостюм на режим невидимости для термодатчиков, окончательно сбив деградировавших машин с толку. Потеряв привлекший внимание сигнал, группа синергиков пошла дальше, издавая странные звуки, словно пыталась выражать недовольство.

– Еще пара тысяч лет – и этот металлолом станет похож на людей, – буркнул себе под нос Иегудиил, не подумав, что машины могут воспринимать такой тихий звук.

Синергики замерли и синхронно обернулись. Хранитель выругался и побежал прочь, надеясь, что не собьется с маршрута, попав в тупик. О том, что произойдет в этом случае, он пытался не думать. Бой с группой синергиков не входил в их с Сарсом планы, по крайней мере не на ранних этапах продвижения.

Пара поворотов сменилась длинной прямой, в конце которой зиял пустотой переход между уровнями. Когда-то здесь находилась платформа, но после того, как люди покинули эту часть сектора, платформу деактивировали. Официально здесь не было жизни… «Хотя вряд ли к синергикам стоит относиться как к живым существам», – подумал Иегудиил, стараясь разбежаться как можно быстрее, чтобы перепрыгнуть внушительных размеров провал.

Когда Сарс рассказывал о платформе во время планирования маршрута, провал казался плевым препятствием, но сейчас, увидев его воочию, хранитель засомневался. Справится ли экзоскелет с подобной нагрузкой? Учел ли Сарс дополнительный вес? «Конечно, учел – он ведь машина», – сказал себе Иегудиил, стараясь думать не об опасности, грозящей ему во время прыжка,

а о том, что перехитрить Сарса в конечном итоге будет очень непросто.

Синергики почти догнали его, когда, оттолкнувшись от края площадки, он прыгнул. Одна из машин прыгнула следом, едва не схватив его за плечо, другая не удержалась и, потеряв равновесие, полетела в пропасть. Расчеты Сарса оказались верными, и сил экзоскелета аккурат хватило, чтобы преодолеть провал. Хранитель приземлился на край следующего уровня и взмахнул руками, чтобы не упасть назад. Синергики столпились на другой стороне, но сейчас они уже не имели значения.

Иегудиил добрался до перегородки, ведущей в ремонтные полости. Сарс сказал, что где-то здесь находились функционирующие магнитные ворота, но хранителю долго не удавалось найти их. Провал, который он преодолел недавно, не позволял деградирующим синергикам пробраться сюда, но Иегудиил не сомневался – будь у машин подобное желание, они смогли бы придумать решение за тысячи лет. Если их здесь не было, значит им просто это было не нужно.

Магнитные ворота нашлись спустя четверть часа. Хранитель остановился сразу, как увидел их, и долго изучал, пытаясь определить наличие дополнительных средств защиты. Сооружение могло быть установлено тысячи лет назад во времена Третьей мировой войны, что предполагает наличие примитивных, но не менее смертоносных, чем нынешние, видов оружия. Конечно, Сарс уверял, что охраны нет, но кто станет доверять машине?!

Иегудиил активировал все доступные сенсоры, но угрозы не выявил. Сарс либо не врал, либо знал о какой-то хитрости, заметить которую обычными способами невозможно. «Или у меня просто разыгралась паранойя», – отметил хранитель и начал осторожно приближаться к воротам, в любой момент ожидая нападения. Ничего не случилось, лишь тепловые датчики показали резкий перепад температур – за воротами было значительно теплее.

«Если деградирующие синергики узнают о подобном, то для них это станет хорошим поводом, чтобы начать строить планы штурма, – подумал хранитель. – Если, конечно, за тысячи лет они не перестроились настолько, что температуры, близкие к критическим, стали для них естественной средой обитания».

Взломать магнитный замок, учитывая его возраст и примитивность технологий, оказалось просто, но на поиски места, где спрятан замок, пришлось потратить втрое больше времени – стены покрывал иней, а местами корка льда. Создавать шум, сбивая наледь, хранитель не решился, поэтому отогревал

стены в местах, где, по его мнению, мог находиться магнитный замок. С третьей попытки ему это удалось. Взлом занял чуть меньше минуты. Замки деактивировались, но обледеневшие двери отказались открываться. Пришлось тратить энергию экзоскелета, раздвигая тяжелые створки.

В коридоре было пусто, а температурные датчики термокостюма показали допустимую для жизни температуру. Иегудиил закрыл ворота и деактивировал свой термокостюм, надеясь сохранить необходимую энергию. Костюм дочери он оставил функционировать, понимая, что впереди не меньше опасности, чем осталось за спиной. Холодный воздух обжег легкие. Хранитель замер, привыкая к ощущениям. Проведенное Сарсом сканирование показывало, что впереди, примерно в ста шагах вверх по спирально извивающемуся коридору, находятся ремонтный отсек, выходящий к пневмотоннелям, и репликаторная.

Иегудиил добрался туда без приключений. Написанная Сарсом программа для активации ремонтного режима требовала подключения модуля управления мобильной платформой, где находились системы адаптивного развития, к блокам управления в репликаторной. Сейчас Сарс казался уязвимым: стоит уничтожить блок управления мобильной платформой – и все. Но хранитель не сомневался, что вирус предусмотрел подобную возможность и, скорее всего, продублировал себя, спрятав копию где-нибудь на платформе. В таком состоянии он сможет находиться годы, а вероятно, и столетия, так что, уничтожив его сейчас, можно будет поставить крест на своем спасении – не больше. Другое дело – подключать его к блокам управления в репликаторной.

«Хотя без этого тоже невозможно спастись», – отметил хранитель, пытаясь разобраться в устаревших схемах, чтобы реплицировать необходимые для подключения детали. Сарс предусмотрел и это, спланировав чертежи необходимого переходника из частей, доступных в репликаторной. Большинство из них Иегудиил нашел на полках, но несколько пришлось реплицировать, пользуясь древним интерфейсом времен эры до КвазаРазмерности и двухуровневого языка общения. Впрочем, от последнего хранитель уже успел отвыкнуть, так как клирики, собирая спасательную экспедицию, старались исключить все что можно, лишь бы не пустить на мобильную платформу Сарса…

Когда подключение состоялось, системам адаптивного развития Симеона потребовалось меньше секунды, чтобы послать ложный сигнал о прибытии на ремонтную платформу поврежденной капсулы общественного транспорта.

Для устранения неисправности была выслана группа синергиков в количестве трех штук. Сарс загрузил в базу данных перечень неисправностей, заставив синергиков разделиться: двое свернули на ремонтную площадку, третий в репликаторную, чтобы принести необходимые запчасти.

Этот, в отличие от деградирующих собратьев, встреченных Иегудиилом прежде, выглядел сильным и крепким. Программа развития не была хаотичной, а придерживалась строгих правил, заданных разработчиками, – быть похожими на человека, но не стараться перешагнуть грань, когда различия становятся несущественными. С какой стороны ни посмотри, это была машина: сильная, крепкая, соединенная в сеть с другими машинами.

Проблему связи Сарс решил в течение первых минут пребывания синергика в репликаторной, перехватив сигнал, подменяя общие коды, так что синергик продолжал думать, что находится в системе, но на самом деле не смог бы прорваться в случае необходимости подать сигнал о помощи или опасности дальше фаервола Сарса. Теперь в игру должен был вступить хранитель: нанести синергику ряд незначительных повреждений, способных выключить на время основные системы машины.

Хранитель перевел экзоскелет в режим перегрузки и выбрался из укрытия, собираясь нанести первый удар. Синергик не услышал, как враг подкрался со спины. Удар пришелся в заменявшую позвоночник конструкцию. Реплицированные запчасти выпали из рук машины. Внутри что-то хрустнуло. Синергик согнулся, но вместо того, чтобы упасть, резко развернулся и, компенсируя поврежденные механизмы, уперся руками в пол, чтобы удержать равновесие. Грудь, где находился биоэлектронный мозг, оказалась открытой, и хранитель понимал, что может решить исход сражения одним ударом, но Сарсу нужен был рабочий синергик, а не груда железа, поэтому…

Иегудиил шагнул вперед, планируя сломать машине пару конечностей – не смертельно, но лишит мобильности, упростив сражение. Первый удар пришелся в цель, выбив механический шарнир правой руки машины, но затем синергик адаптировался и от следующей атаки уже уклонился. «Если так пойдет дальше, то скоро он поймет, что может атаковать», – подумал хранитель и, подпрыгнув, попытался приземлиться на синергика сверху, чтобы прижать его к полу. Машина снова смогла избежать удара, быстро передвигаясь на трех конечностях.

Сарс повторил запрос с требованием немедленно доставить в ремонтный отсек необходимые запчасти. Иегудиил не сразу понял, что делает синергик: волоча сломанную конечность,

машина ловко передвигалась по репликаторной, собирая детали, необходимые для ремонта капсулы общественного транспорта. На нападавшего он не обращал никакого внимания.

– Вот ведь… – проворчал Иегудиил, осторожно подходя к синергику.

Сейчас машина могла прикончить его одним ударом. Хранитель старался двигаться синхронно с ней, одновременно с этим пытаясь подключить модуль управления мобильной платформой, где находился Сарс, к биоэлектронному мозгу синергика. Вспороть биологическую плоть оказалось несложно, но вот настроить подключение, когда машина постоянно двигалась, – практически невозможно. Хранителю удалось это, лишь когда синергик, закончив собирать необходимые запчасти, потащил магнитную тележку в ремонтный отсек.

Сарс проник в основные системы синергика, блокировав способность двигаться. Какое-то время ядра биоэлектронного мозга сопротивлялись вторжению, но вирус не пытался подчинить их – ему достаточно было заблокировать их или просто уничтожить. Хранитель почувствовал, как запахло горелой плотью. Сладкий запах жарящегося мозга смешался с вонью выгоревших микросхем – сопутствующие потери, к которым Сарс был готов. Главное – получить контроль.

Когда синергик начал двигаться, хранитель попятился.

– Не бойся. Все под контролем, – сказал Сарс, используя сильно устаревший речевой модуль машины.

Хранитель едва мог понять его, но все же это было лучше, чем ничего.

– Я выполнил свою часть договора, – сказал Иегудиил. – Теперь слово за тобой.

– Ты нанес этому синергику слишком много повреждений, – попробовал торговаться Сарс. – Достань мне другого.

– Сам достанешь. Ты ведь теперь один из них. Я видел, как ты контролируешь их сеть.

– Я могу лишь подменять основные формы запросов, но скоро защитные системы разберутся в этом. К тому же эти системы принципиально отличаются от тех, для функционирования в которых я создан. Нет возможности интегрироваться в местные сети. Я привязан к модулю управления мобильной станцией, который ты соединил с биоэлектронным мозгом синергика.

– Почему это должно волновать меня?

– Потому что только мне под силу вызвать в ремонтные полости капсулу общественного транспорта, на которой ты сможешь попасть в жилые сектора Isistius labialis.

– Я смогу выбраться, пользуясь пневмотоннелями.

– Не сможешь. Тебя либо прикончат вакуумные рельсы, либо ремонтные жуки, латающие стены и механизмы тоннелей.

– У меня есть термокостюм и экзоскелет… – хранитель собирался добавить, что получил надлежащую подготовку, чтобы выжить в экстремальных условиях, но в этот момент открылись двери в ремонтные полости и оттуда вышла пара синергиков, получившая недавно от Сарса ложный сигнал вызова.

Чужак заинтересовал их на несколько секунд – время, потребовавшееся, чтобы провести полный анализ, используя доступные сенсоры, и послать сигнал общим системам контроля.

«Сколько им потребуется времени, чтобы увидеть во мне угрозу?» – лихорадочно соображал Иегудиил, наблюдая, как закрываются двери в ремонтный отдел. Шансы на спасения все еще оставались призрачными, но сейчас их процентный показатель явно подрос, если сравнивать с моментом, когда он и Ариша находились в обледеневшей части комплекса, запертые на мобильной платформе. Можно ли улучшить положение, сотрудничая с Сарсом, или стоит поставить точку прямо сейчас? Он обещал вызвать капсулу общественного транспорта в обмен на тело синергика. В каком-то роде и хранитель, и Сарс выполнили договор: один получил контроль над поврежденным телом синергика, второй – открытые двери, за которыми находились пневмотоннели, ведущие к свободе.

«Мы оба в невыгодном положении», – хмуро подумал хранитель, но подключение Сарса к поврежденному синергику давало ему некоторое преимущество. Во-первых, теперь можно было снова общаться с Сарсом, во-вторых, машина оставалась уязвимой. Иегудиил не знал степень интеграция Сарса, когда они находились на мобильной платформе, впрочем, тогда и обстоятельства были другими, чтобы думать о том, как уничтожить вирус. Потом Сарс поместил себя в модуль управления мобильной станцией, чтобы хранитель смог перенести его в ремонтные полости. Момент был идеальным, чтобы уничтожить системы адаптивного развития Симеона, но без них шансы на спасение падали к нулю. Сейчас, подключив Сарса к синергику, хранитель понимал, что снова играет с огнем, но…

Иегудиил проверил оставшийся уровень энергии в резервном генераторе, превращенном в оружие. Хватит на один-два мощных импульса. «Если у Сарса нет запасного плана, то я, вероятно, перехитрил его», – подумал Иегудиил, решив, что пришло время нарушить договор. Активировав оружие, созданное из резервного генератора, он прицелился синергику, находившемуся под контролем Сарса, в грудь. Другой рукой хранитель

не позволял дверям в ремонтные полости закрыться. Экзоскелет работал исправно, преумножая силы, но энергия кончалась слишком быстро, чтобы полагаться на этот механизм.

– Я выполнил свою часть договора, – произнес Иегудиил. – Вызови капсулу общественного транспорта, или я уничтожу тебя.

Он был готов к тому, что Сарс пустит в ход запасной план, и собирался, сделав пару выстрелов, выскочить в ремонтные полости, попытав счастье в пневмотоннелях. Возможно, рассматривал варианты Иегудиил, Сарс переведет в боевой режим пару находившихся рядом синергиков или активирует какое-нибудь скрытое магнитное поле… Но ничего не происходило. Синергики – и те развернулись и пошли прочь. «А что если все это время вирус играл ва-банк? – подумал хранитель. – Что если бегство с исследовательской станции почти уничтожило его и, вступая со мной в контакт, он не строил никаких планов, кроме как получить тело синергика, чтобы восстановиться?»

– Выполни свою часть договора, и я не трону тебя, – сказал Иегудиил, пытаясь раздвинуть закрывающиеся двери, чтобы поврежденный синергик смог выйти на площадку ремонтной полости, но двери словно заклинило.

– Я могу закрыть их в любой момент, – предупредил Сарс. – Ты и твоя дочь застрянете здесь вместе со мной. Мощность резервного генератора скоро закончится, а местные системы, увидев в тебе угрозу, пошлют синергиков, чтобы провести утилизацию постороннего объекта… – из речевого модуля синергика вырвался хриплый, гавкающий смех. – В этом мире нет людей, хранитель. Ты здесь больший чужак, чем я. – Двери неожиданно открылись. – Но я все еще тебе верю.

Сарс вышел в ремонтные полости, покинув извивающийся, словно змея, коридор. Иегудиил шел следом, готовый активировать самодельное оружие в любой момент. Неловко доковыляв до края площадки, Сарс спрыгнул вниз, приземлившись в опасной близости от вакуумной рельсы.

– Что ты задумал? – крикнул хранитель.

– Оставаясь в теле синергика, я не могу вызывать капсулу общественного транспорта, – отозвался Сарс. – Для этого нужно вернуться к интерфейсу, который ты построил для меня в репликаторной.

– Так давай вернемся.

– Я тебе не доверяю.

– Ты адаптивный алгоритм. Тобой движет холодный расчет, а не доверие.

Вместо ответа Сарс заковылял прочь.

– Не заставляй меня стрелять в тебя! – крикнул хранитель.

Синергик остановился. Он передвигался на трех конечностях, и указать на соседнюю ремонтную площадку было крайне сложно – поврежденный механизм, заменявший машине позвоночник, заставил его исполнить настоящий акробатический пируэт, чтобы указать неестественно изогнувшейся ногой в нужном направлении, балансируя при этом на двух конечностях.

– И что там? – подозрительно спросил Иегудиил, не видя за опорами и перегородками деталей.

– Там то, что ты ищешь, – сказал Сарс, речевой модуль которого окончательно расстроился и начал хрипеть так сильно, что громко говорить стало невозможно. – Капсула!

– Капсула? – переспросил хранитель. – Ты говоришь, что там находится капсула общественного транспорта, на которой я смогу убраться отсюда?

Он спрыгнул с платформы и нагнал синергика. «Что же он задумал? – гадал Иегудиил, следуя за Сарсом, ожидая подвоха на каждом шагу, но подвох ждал на ремонтной площадке – два синергика, которые явно не собирались уходить, пока капсула не вернется к работе в пневмотоннелях.

– Уничтожь их, – прохрипел Сарс, понизив громкость неисправного речевого модуля практически до минимума.

– Уничтожить? – хранитель нахмурился, затем недобро улыбнулся, понимая, в чем была хитрость вируса. Расчистив себе дорогу к капсуле общественного транспорта, он останется без оружия и не сможет уничтожить подчиненного Сарсом синергика. – Ах ты жестянка хитрозадая! – процедил он.

– Капсула отбудет через шесть минут сорок восемь секунд, – сказал Сарс.

Хранитель стиснул зубы, понимая, что загнан в тупик. Оставалось надеяться, что новых сюрпризов не предвидится. Активировав оружие, он выбрался на площадку. На этот раз синергики действовали более радикально, чем при первой встрече. Системы контроля выявили пропажу захваченного Сарсом синергика, присвоив чужакам четвертый уровень опасности – выше была только угроза функционирования пневмотоннелей, являвшихся смыслом существования местных систем.

Синергики получили приказ утилизировать неопознанный объект и двинулись к Иегудиилу. Он выпустил два заряда, полностью разрядив резервный генератор, и, обернувшись, уставился на следовавшего за ним поврежденного синергика, контролируемого Сарсом. На чьей стороне будет преимущество, если попытаться уничтожить машину в рукопашном бою?

Конечно, не стоит сравнивать нынешнюю схватку с той, когда удалось подключить к синергику Сарса. Тогда машина не понимала, что происходит, и не пыталась контратаковать. Сейчас все будет иначе.

Иегудиил проверил уровень оставшейся в экзоскелете энергии – минимум. Хватит на пару мощных ударов, не больше.

– Капсула покинет ремонтный бокс через две минуты двенадцать секунд, – предупредил Сарс. – Дополнительная группа из трех синергиков прибудет для твоей утилизации через две минуты двадцать три секунды.

– Заткнись! – рявкнул хранитель, хаотично пытаясь найти выход.

С одной стороны, отчаянно хотелось убраться отсюда, поверив, что Сарс так и останется до конца своих дней пленником в поврежденном теле синергика, с другой стороны…

– Капсула покинет ремонтный бокс через две минуты ровно, – словно издевался над ним Сарс, рождая хрипящие звуки неисправным речевым модулем.

Капсула начала дрожать, активируя системы передвижения. Хранитель подумал, что если сейчас деактивировать термокостюм Ариши, то можно велеть ей бежать в капсулу, а самому сразиться с Сарсом – достаточно одного точного удара в область биоэлектронного мозга, где находился подключенный Иегудиилом модуль…

– До отбытия капсулы осталась одна минута двадцать семь секунд, – сообщил Сарс, понимая, что время сейчас работает на него.

Хранитель не сомневался, что стоит ему сделать шаг по направлению к поврежденному синергику, и тот сразу попытается сбежать. Иегудиил деактивировал экзоскелет, надеясь, что у него хватит собственных сил, чтобы добежать до капсулы с дочерью за плечами – учитывая, что они оба носили термокостюмы, вес получался немаленький. На понимание происходящего у Сарса ушло почти десять секунд – время, которого хватило хранителю, чтобы извлечь блок питания экзоскелета и переключить его в режим перегрузки. Бросив импровизированную гранату под ноги поврежденному синергику, Иегудиил побежал к отходящей от ремонтной платформы капсуле общественного транспорта. Уставшие ноги гудели и грозили подогнуться в любой момент – экзоскелет не только увеличивал силу, но и блокировал часть нервных окончаний, одновременно стимулируя мышцы к действию.

Сейчас, оставшись без внешней поддержки, хранитель засомневался, хватит ли у него сил добежать до капсулы

общественного транспорта прежде, чем она покинет ремонтный бокс. Если бы поставить Аришу на ноги, заставив бежать рядом, то проблему можно было бы считать решенной, но на отключение магнитного поля и деактивацию термокостюма дочери не было времени. Так что оставалось полагаться только на свои силы.

Иегудиил не смог удержаться и обернулся, когда за спиной взорвался блок питания экзоскелета, брошенный под ноги Сарса, – казалось, что бросок и взрыв разделила целая вечность. Хранитель видел, как синергика подбросило над платформой. Моментально возросшая температура выжгла плоть, оставив механические агрегаты, но не успело тело упасть, как начали плавиться и остальные части тела синергика. Это продолжалось секунды три, затем высвободившаяся энергия сжалась, проглотив останки машины. От раздавшегося хлопка заложило уши. Взрывной волны, если не считать мощного потока горячего воздуха, не было. Незащищенная кожа вспыхнула огнем. Глаза заслезились. Надетые поверх термокостюма дополнительные детали экипировки задымились.

Запрыгнув в капсулу, Иегудиил деактивировал магнитные замки и, поставив Аришу на ноги, отключил ее термокостюм.

– Ты как? Все нормально? – спросил он.

Девочка кивнула, заинтересовано оглядываясь, пытаясь понять, где находится.

– Где Сарс? – спросила она, заметив, как на ремонтной платформе появилась группа синергиков, посланная локальной системой контроля для утилизации чужаков. – Это Сарс их послал?

– Я уничтожил его, – сказал Иегудиил, указывая на оставшуюся на платформе черную воронку.

– Не верю, – пробормотала девочка, наблюдая, как синергики, достигнув края платформы, озираются, пытаясь понять, куда делись чужаки.

Капсула общественного транспорта покинула ремонтный бокс, установила сцепку с вакуумным рельсом и устремилась к пневмотоннелям и ожидавшим на станциях потенциальным пассажирам.

Глава девятая

Люди на станции общественного транспорта увидели прибывшую не по расписанию капсулу и растерянно уставились на Иегудиила и Аришу, вышедших на перрон. Термокостюмы они сняли, но одежда все равно была странной: хранитель носил комбинезон спасательной миссии, отправленной на исследовательскую базу, а на его дочери был надет костюм ученого, который она выпросила у бабушки и дедушки, пока находилась с ними в экспедиции. Плюс ко всему вся одежда прибывших в капсуле людей была покрыта кровью – следы трагедии, учиненной Сарсом на исследовательской базе во льдах.

Экзоскелет, благодаря которому удалось миновать внешние участки жилого комплекса, обледеневшие и таящие опасность на каждом шагу, пришлось оставить – ни один торговец на черном рынке не станет покупать подобный механизм с отсутствующим блоком питания, потому что найти резервный практически невозможно, а затраты на производство аналогового превысят стоимость нового экзоскелета. Но потеря ничуть не огорчала хранителя. Благодаря блоку питания, извлеченному из экзоскелета, он смог уничтожить ремонтного синергика, контроль над телом которого находился в руках Сарса. Оставалось лишь надеяться, что системы адаптивного развития были уничтожены вместе с машиной.

Хранитель думал об этом всю дорогу от ремонтных боксов, где синергики обслуживали капсулы общественного транспорта, до перрона станции, где толпились удивленные люди. Хотелось верить, что Сарс действительно был загнан в угол и его действия в теле поврежденного синергика не являлись отвлекающим маневром для чего-то большего, но…

Иегудиил бросил короткий взгляд на дочь. Когда вся эта история только начиналась, он мечтал лишь об одном – забрать у бывшей жены дочь и вырастить из нее достойного служителя Всемирной иерархии. Учитывая, что тест на нейропатию дал положительный результат, у девочки было большое будущее. Оставалось лишь активировать скрытые способности, а затем грамотно развивать их, используя рекомендации клириков. Мало кто в мире КвазаРазмерности знал, что Иерархия планирует создать группу советников и аналитиков, в которую будут входить исключительно нейропаты, способные посредством нейронных сетей проникать в мысли других людей, изучать воспоминания. На их плечи планировалось возложить принятие всех важных решений. Клирики считали, что подобный ход

сократит ошибки в десятки раз, особенно учитывая, что по мере развития способности обычные чувства нейропатов, мешающие рациональному мышлению, начинали отмирать.

От идеи использовать взрослых нейропатов Иерархия отказалась, решив, что доверит подобные полномочия только тем, кого лично взрастит, вложив в сознания необходимые для развития двухуровневого мира догмы. Практически каждый клирик и каждый хранитель втайне мечтал, что его ребенок окажется нейропатом и сможет присоединиться к новой программе, способной сделать мир лучше. Для Иегудиила это стало идеей фикс, и он с целеустремленностью машины делал все, чтобы получить опеку над дочерью, потому что бывшая жена наотрез отказывалась активировать дремлющие в дочери способности нейропата. Сначала Саломея боролась с бывшим супругом законными способами, затем, влипнув в историю, корней которой Иегудиил не хотел знать, решила спрятать Аришу у своих родителей, отправлявшихся в экспедицию к центру Великого ледника.

Если бы на первой перевалочной базе не появился Сарс, то хранитель в ближайшие три года – срок, запланированный для экспедиции – не смог бы найти дочь. А когда бы экспедиция вернулась, то сроки набора группы нейропатов для Всемирной иерархии подошли бы к концу. Конечно, Ариша всегда оставалось дочерью хранителя, но без перспектив превратить ее в советника клириков желание получить во что бы то ни стало опеку над девочкой резко снижалось…

Каким же было удивление Иегудиила, когда, не без помощи сильных мира сего, он попал в состав спасательной экспедиции и, прибыв на перевалочную базу, чтобы уничтожить Сарса, обнаружил, что Ариша сама стремится развивать способности нейропата. Казалось, что чудо следует за чудом. Когда Саломея отправила дочь со своими родителями в длительную экспедицию, Иегудиил с ног сбился, пытаясь отыскать след Ариши. Он уже успел отчаяться и смириться, когда с ним связался скандально известный монополист по имени Лок-Кли и сказал, что за ряд определенных услуг согласен посодействовать поискам. Конечно, подобная связь не красила репутацию хранителя, но без Лок-Кли он никогда бы не нашел дочь и тем более не попал в ряды команды спасательной миссии, планировавшей уничтожить вирус…

Потом был провал миссии и бегство, потому что хранитель знал: если что-то пойдет не так, клирики дезактивируют перевалочную базу, списав две дюжины жизней на допустимые потери, чтобы защитить жилые комплексы от вируса

под названием Сарс. Теперь Иегудиил действовал уже не как хранитель, а как обычный отец. Он спасал себя и свою дочь. Будь у него время все взвесить, то, возможно, решение стало бы другим, но ситуация, когда вирус перешел в нападение, подчинив строительные и обслуживающие машины базы, требовала решительных мер. Можно сказать, что Иегудиил действовал на автомате, ведомый скорее инстинктами, чем здравым смыслом, спасая свою жизнь и жизнь дочери.

В мгновение ока он превратился из честолюбивого хранителя в изгоя и преступника, отказавшегося исполнить волю клириков и погибнуть на перевалочной базе. Возможно, не будь там Ариши, то он поступил бы иначе, но… Не будь там Ариши, то не было бы его, так что все получилось так, как получилось. Теперь поздно было оглядываться и горевать о содеянном. Хотя бывший хранитель и не горевал. Некогда было остановиться и взвесить происходящее: сначала сделка с Лок-Кли, затем бегство с перевалочной базы, дорога до жилых комплексов, вспоровших Великий ледник, затянувший планету… К тому же, покинув перевалочную базу, Иегудиил верил, что Сарс уничтожен. Системы аналитического развития Симеона затаились, выжидая удобного момента, чтобы явить себя, когда ситуация станет критической – момент, когда бывший хранитель и его дочь добрались до внешних секторов жилого комплекса Isistius labialis, не зная, что делать дальше.

Сарс предложил им выход в обмен на помощь, поступив так же, как недавно сделал Лок-Кли, продав Иегудиилу информацию о том, где находится его дочь. Убедить бывшего хранителя, верившего, что он сможет перехитрить компаньона, было несложно, но вот с Аришей возникли проблемы. Девочка не поверила Сарсу, когда он явил себя ученым на перевалочной базе, притворяясь новой формой жизни, и отказывалась верить, когда они добрались до окраин жилого комплекса Isistius labialis, а потому пыталась уговорить отца отказаться от сделки. Но выхода не было: либо рискнуть, либо погибнуть, когда закончится энергия резервного генератора и мобильная платформа перестанет защищать от холода…

Сейчас Ариша снова отказывалась верить. Иегудиил рассказывал о том, как уничтожил синергика, в теле которого находился Сарс, а она качала головой и с тревогой ожидала момента, когда капсула общественного транспорта достигнет главных пневмотоннелей и попадет в радиус действия нейронных сетей седьмого поколения – среды, благоприятной для существования и развития Сарса.

Девочка оказалась права. Сарс был хитер и изворотлив.

Однажды, когда он только начинал существование, создатели, надеявшиеся, что он поможет им улучшать игровую площадку и бороться с конкурентами, уже пытались уничтожить системы адаптивного развития, когда они вышли из-под контроля и начали паразитировать, захватывая общественные нейронные сети седьмого поколения. Для Сарса, созданного так, чтобы обращать внимание на успешные игровые проекты, проникая в них, уничтожая изнутри, жизнь людей за стенами жилого комплекса Isistius labialis – их борьба с наступающим ледником и постоянные поиски новых источников энергии – стала представляться одной большой игровой площадкой, в которую нужно проникнуть, разрушив базисы, которыми стали нейронные сети.

Тогда создателям систем адаптивного развития повезло. Нейронные сети седьмого поколения, для взаимодействия с которыми создавался Сарс, использовались в основном для игровых площадок. Так что вычислить и загнать в тупик созданный вирус удалось достаточно оперативно. Но за долгие годы, минувшие с того дня, нейронные сети седьмого поколения давно плотно вошли в жизнь комплекса.

Сарс дублировал себя, когда его впервые пытался уничтожить создатель Симеон. Базовый вирус, стремящийся захватить нейронные сети, был уничтожен, но полная копия исходных алгоритмов отправилась вместе со строительными автоматами на перевалочную базу, где, вновь осознав себя самодостаточной системой, начала подчинять адаптивные алгоритмы, отвечавшие за функционирование базы. Копия Сарса обучалась с нуля, и после, когда отправленная для спасения ученых группа Иегудиила смогла загрузить набор антивирусных протоколов в зараженные системы базы, Сарс, спасаясь, попытался сохранить не только свои исходные алгоритмы, но и часть полученных знаний. Дублирование базовых ядер рассматривалось как поражение.

Проникнуть в электронные схемы мобильной платформы не составило труда. Антивирусные системы уничтожили многие протоколы и дополнения, созданные Сарсом за время пребывания на перевалочной базе, но это были допустимые потери – он проиграл сражение, но не войну. Теперь оставалось решить проблему с проникновением в нейронные сети жилого комплекса Isistius labialis, куда направлялся хранитель, и перейти в контрнаступление.

Интегрированный жидкий чип Иегудиила, взаимодействующий с нейронными сетями, был сильно изменен, учитывая, что хранителю предстояло встретиться с Сарсом,

но чип Ариши был доступен для экспериментов. Упрощало работу и то, что мобильная платформа практические не использовала нейронные сети, сводя нагрузку на чип к минимуму. Большинство интегрированных от рождения девочки систем находилось в состоянии покоя и охотно взаимодействовало с замаскированными под информационные запросы протоколами Сарса.

Иегудиил боялся, что у Сарса есть запасной план. Опасения не были напрасными – такой план действительно имелся, только применил его Сарс не в конце пути, когда бывший хранитель пытался его уничтожить, не позволив попасть в капсулу общественного транспорта, находившуюся в ремонтных боксах. Сарс перенес свои основные протоколы в жидкий чип Ариши до того, как Иегудиил предпринял опасное путешествие через внешние, промерзшие до основания уровни жилого комплекса. Так что бегство хранителя и его дочери было запланировано в самом начале. Оставалось только разыграть все так, чтобы Иегудиил не заподозрил, что несет за плечами не только свою дочь, но и большую часть протоколов Сарса.

Уничтожив синергика и убедив себя, что сумел перехитрить вирус, бывший хранитель сам доставил его к центральным пневмотоннелям сети общественного транспорта, где начинали действовать нейронные сети. Выгрузка основных протоколов заняла больше минуты, впрочем, Ариша не обратила на задержку внимания – жизнь вне Размерности стала нормой, к тому же жидкому чипу требовалось время, чтобы переключиться в режим полной функциональности.

– Что мы будем теперь делать? – спросила Ариша отца, когда капсула общественного транспорта, миновав серию резких поворотов и подъемов, устремилась к первой посадочной станции, чтобы начать движение согласно установленному расписанию.

– Отправимся на черный рынок и продадим термокостюмы, – сказал Иегудиил. – Нам нужен фиктивный личный счет и немного единиц Влияния, чтобы выжить здесь.

– А если часть Сарса осталась в модулях управления термокостюмами?

– Не говори ерунды. Сарс – сложная программа, а модули управления слишком примитивны.

Пневмотоннель изогнулся, уходя круто вниз, и капсула общественного транспорта лихо нырнула в разверзшуюся бездну. Нейронные сети, подключенные к сильно урезанному варианту жидкого чипа бывшего хранителя, компенсировали часть перегрузок. Что касается Ариши, то Сарс как раз заканчивал

загружать себя в нейронные сети, когда это случилось. Девочку резко швырнуло вверх, сбрасывая с сиденья. Отец успел поймать ее, вернув на место, но она ударилась головой об окно, сильно прикусив губу. Тонкая струйка крови скатилась по подбородку.

– Что это? – растерялся Иегудиил, вытирая дочери кровь. – Почему нейронные сети не скомпенсировали перегрузки? – он смотрел на Аришу, требуя ответа.

Девочка молчала.

– Скажи, – пришла в голову бывшего хранителя мысль, – с твоим жидким чипом проводились какие-нибудь модификации в последнее время?

Ариша покачала головой.

– Ни мать, ни ее родители не подвергали тебя никаким странным процедурам, когда прятали от меня?

– Только установили модуль невидимости, чтобы я могла тайно пробраться на исследовательскую платформу.

– Ты уверена, что это был модуль невидимости?

– Я могла исчезать. Этого мало?

– Может быть, они сделали что-то еще?

– Нет.

– Тогда почему сейчас нейронные сети не подключились к твоему жидкому чипу? Мы уже находимся в зоне действия. Я подключен. На меня перегрузки практически не действуют, а ты…

– Может быть, это Сарс? – предположила Ариша.

– При чем тут Сарс? – притворно удивился Иегудиил.

Закончив выгрузку, адаптивные системы развития Симеона покинули чип Ариши, позволив нейронным сетям наконец-то установить подключение. Медицинские программы почти мгновенно исцелили разбитую губу, а системы грубой очистки нейтрализовали остатки свежей крови на лице девочки. Жидкий чип, получив максимально допустимый объем кинетической энергии, распределил ее между жизненно важными участками тела. Приток сил оказался таким внезапным, что у Ариши закружилась голова.

– При чем тут Сарс? – повторил вопрос Иегудиил, не заметив, что дочери нехорошо.

Ариша смотрела на него, а перед глазами плыли черные пятна. Капсула общественного транспорта лихо вошла в очередной поворот, но девочка уже не чувствовала перегрузок – жидкий чип работал исправно.

– Ты знаешь, при чем тут Сарс! – сказала Ариша.

Способности нейропата восстановились сразу, как только установилось стабильное подключение к нейронным сетям,

но измененный клириками жидкий чип отца не только не позволял Сарсу подключиться к нему, но и лишал Аришу возможности видеть его мысли – только то, что лежало на поверхности. Впрочем, сейчас это было и не нужно – все ответы были написаны на его лице: озадаченное, почти растерянное выражение. Но бывший хранитель отказывался признавать поражение и верить, что Сарс перехитрил его, вплоть до того момента, пока проникший в нейронные сети вирус не заявил о себе.

Это случилось как раз в тот момент, когда, сделав ряд пересадок, Иегудиил и Ариша добрались до квартала, где находились черные рынки. В отличие от черных рынков Galeus longirostris, на которые время от времени наведывался с рейдами Иегудиил, будучи хранителем, рынки Isistius labialis не отличались разнообразием запрещенных товаров, специализируясь в основном на технологических новинках и шпионаже интеллектуальной деятельности в сфере игровых развлечений. Isistius labialis был центром игровых площадок Размерности, и это накладывало свой неизгладимый отпечаток на местные рынки. Большинство из них работали на прибывающих из жилых комплексов Galeus longirostris и Hexactinellida туристов, предлагая им сувениры с популярных игровых площадок и даже тела клонов, которыми управляли знаменитые игроки в таких широко известных проектах, как, например, «Голод». Здесь же рядом находились незаконные терминалы, куда мог обратиться турист, чтобы получить возможность управлять купленным телом игрового клона.

Когда Иегудиил и Ариша прибыли на черные рынки Isistius labialis, безумным спросом пользовались тела игровых клонов, которыми управляли обрушившие «Голод» охотники за наживой – Зевс и Ра. Следом за ними шли клоны лидеров сопротивления небожителей. Причем каждый торговец, среди доброй сотни других, уверял, что именно его игровой клон является оригиналом, «тем самым клоном», которым управлял, скажем, охотник за наживой по имени Зевс или один из не менее популярных в тот момент братьев, сражавшихся за небожителей «Голода». Хотя клоны братьев Арк-Ми и Прай-Ми покупались очень плохо, так как их вклад в игровой процесс был скорее интеллектуальным и стратегическим. Клоны, находившиеся под их управлением, ничем выдающимся не отличались – невозможно ведь продать навыки, таланты и знания…

Впрочем, что касается знаний, то на черных рынках этому был посвящен целый сегмент, опять же нацеленный в основном на туристов. Здесь предлагали не только запрещенные к показу

нейронные трансляции с игровых площадок, но и целые информационные блоки, доступные для прямого нейронного подключения, имитируя знания и навыки тех или иных игроков. Вот здесь спрос на продукцию, представлявшую Арк-Ми и Прай-Ми, зашкаливал. Особенно быстро расходились информационные блоки, которые якобы позволяли получить доступ к знаниям старшего брата.

– А мы сможем получить доступ только к пониманию игрового процесса «Голод» или здесь содержится весь информационный блок, включая тайны и нюансы создания Прай-Ми собственного проекта «Мекка»? – спрашивали некоторые доверчивые туристы, готовые потратить на подобный «кладезь знаний» целое состояние, в то время как другие понимали, что информационные блоки являются чистой воды фикцией. Никто не делал полные слепки сознаний братьев.

Так же на черных рынках можно было приобрести и оружие игровых площадок. Конечно, в большинстве своем это были подделки и недоброкачественные копии. Некоторые являлись бутафорией, которую родители покупали детям, снующим среди прилавков с безумно горящими глазами. Другие были вполне работоспособны. Повышенным спросом пользовались нейронные излучатели – официальное оружие силовиков в «Голоде» во время бунтов. Торговцы дурили наивных покупателей, заверяя, что излучатели вполне работоспособны, демонстрируя их действие – бесплатная стрельба по мишеням в качестве бонуса при покупке. Трюк заключался в том, что работоспособность нейронных излучателей обеспечивал отдельный генератор, установленный в радиусе действия импровизированного тира. Настоящие нейронные сети с излучателями не работали.

– Нужно было уточнять детали, – пожимали торговцы плечами, когда приходили разгневанные покупатели. И вместо того, чтобы вернуть потраченные на покупку излучателя единицы Влияния, предлагали докупить к бесполезной игрушке автономный нейронный генератор, благодаря которому можно организовать собственный мини-тир.

Самым настоящим из подобного хлама, пожалуй, были гравитационные дубинки, используемые на игровой площадке силовиками в мирное время. Клирики не внесли дубинки в список запрещенных видов оружия, так что их можно было производить и продавать вполне легально, что позволяло выйти на довольно хороший уровень качества и сбыта. Хотя нужно отметить, что прибыльные продажи гравитационных дубинок были только на черных рынках, где торговцы впаривали товар туристам, заверяя, что он доставлен прямиком с игровых

площадок или что именно этот тип гравитационных дубинок находится под запретом Всемирной иерархии. В общем, туристы приезжали за острыми ощущениями, и торговцы им это продавали.

Иегудиил и Ариша долго бродили по территории черного рынка, пока не нашли сектор, отведенный торговцам амуницией и оружием. Официальные обращения к информационным базам нейронной сети с требованием проложить маршрут получали отказ – структура черных рынков не имела ничего общего с официальными торговыми точками. Здесь действовали свои правила и порядки. К тому же, делая ставку на туристов, торговцы понимали, что многие из них не ищут чего-то конкретного. Они говорят, что собираются купить, скажем, гравитационную дубинку, но, пока ищут нужный товар, скупают еще целую кучу всякой всячины. Так что чем дольше турист оставался на рынке, тем выгоднее было торговцам.

На поиски нужного отдела рынка у бывшего хранителя ушло почти два часа, и к тому моменту, когда он подошел к торговцу, собираясь продать термокостюмы, Ариша уже окончательно вымоталась.

– Термокостюмы? – хмыкнул торговец, окинув Иегудиила подозрительным взглядом.

Анализ блоков управления показал, что термокостюмы принадлежат Всемирной иерархии. Номер партии обрабатывался чуть дольше, но серия продукции, выпущенной для спасательной миссии, имела ограниченный тираж и не была внесена ни в одну базу Иерархии.

– Какого черта? – спросил торговец.

Если бы не грязная, залитая кровью одежда и странная девочка, которая смотрела на него так, словно могла читать мысли (а Ариша действительно могла), то он счел бы странного продавца за служителя клириков. С одной стороны, он был похож на хранителя, но с другой… Хранители были превосходными машинами Всемирной иерархии, но отвратительными актерами. Торговец смотрел продавцу в глаза и не верил, что хранитель может подделать подобный взгляд. Словно этот человек только что заглянул в бездну – единственное сравнение, что пришло торговцу в голову, – и бездна все еще находилась за его спиной, готовая проглотить в любой момент.

– Кто ты такой? – решил спросить напрямую торговец.

– Для тебя я человек, который продает термокостюмы высокого качества, – сухо ответил Иегудиил. – Это лучшее качество из того, что можно найти.

– Но ведь это не все, верно?

– Если ты можешь помочь мне получить фиктивный счет и перечислить туда плату за термокостюмы – то все.

– Термокостюмы – это хорошо, – протянул торговец, почесывая подбородок.

Ариша видела его мысли. Он уже представлял, как, немного изменив информационные блоки, выставит их на продажу в качестве модифицированных термокостюмов, в которых скрывались прославившиеся в «Голоде» братья. «Один из них, кстати, покидает сегодня проект, – думал торговец. – Так что можно будет впарить его костюм по тройной цене…»

– Если, конечно, ваши конкуренты не додумаются до этого вместе с вами, – озвучила Ариша ход мыслей торговца. – Полагаю, если «настоящие» термокостюмы Прай-Ми будут продаваться на каждом углу, даже самый доверчивый турист поймет, что ему пытаются подсунуть подделку.

– Как ты… – опешил торговец, вспоминая, как дружил в детстве с нейропатом.

– Все верно, – сказала Ариша. – Я такая же, как Рант.

– Рант? – торговец вздрогнул.

Только связи с нейропатами ему и не хватало!

– Мы не причиним хлопот, – поспешил заверить его Иегудиил.

«Да, эта парочка явно не может работать на хранителей… Если, разумеется, мир не встал с ног на голову», – прочитала Ариша мысли торговца.

Они сошлись в цене без особых торгов: Иегудиил спросил, сколько стоят термокостюмы на черном рынке, торговец сказал, Иегудиил увеличил цену вдвое, торговец сбил стоимость на треть, добавив пятнадцать процентов, желая получить сразу два термокостюма, – и сделка состоялась. Когда бывший хранитель спросил торговца, не знает ли он адрес, где можно завести анонимный личный счет, тот отказался называть имена, сбивчиво объяснив, как найти нужный сектор черного рынка.

– Мы можем ему верить? – спросил у дочери Иегудиил.

– Он просто напуган и пытается подстраховаться, – пожала плечами девочка.

Им потребовалось больше часа, чтобы найти нужный торговый сектор, да и то лишь благодаря тому, что Ариша использовала способности нейропата, изучая мысли продавцов, к которым они подходили, чтобы уточнить дорогу. В большинстве случаев торговцы, конечно, просто пожимали плечами и говорили, что ничего не знают, но иногда их мысли заявляли иное.

– Без тебя я бы не справился, – признался Иегудиил, когда

они с дочерью покинули офис дельца, создавшего для них анонимный личный счет.

Торговец, купивший термокостюмы, перечислил оговоренное количество единиц Влияния на личный счет Ариши. Это была временная и не самая безопасная мера, но Иегудиил надеялся, что клирики не объявили его в розыск, считая погибшим. Они с дочерью будут в безопасности какое-то время, а если повезет, то о них вообще не вспомнят.

– Хотя в целях безопасности будет лучше, если ты перечислишь со своего счета на наш новый счет две трети полученных сегодня от торговца средств, – сказал бывший хранитель.

Ариша не возражала, читая в его мыслях, что когда они будут совершать дальнейшие расчеты, то их не смогут проследить. Расчет касательно клириков был верным, вот только искали их не представители Всемирной иерархии, а агентурная сеть «Ксанет», нанятая отцом мальчишки-нейропата, познакомившегося с матерью Ариши на игровой площадке «Фивы».

Жилой комплекс Isistius labialis был для Окса и Лиора родным домом, так что, как бы в последовавшие дни Иегудиил ни хитрил, как бы ни пытался замести следы, вопрос поисков, после того как «Ксанет» получил информацию о пополнении личного счета Ариши, был делом решенным. У бывшего хранителя был только один шанс скрыться – сразу после продажи термокостюмов и получения анонимного счета сбежать в Квазар, но он как истинный приверженец негативного отношения Всемирной иерархии к миру Подпространства, предпочел попытать счастье в Размерности. Не разубедил его в этом и странный гул – небольшой сбой в нейронных сетях нового поколения, как заявили клирики, – который появился спустя час после того, как Иегудиил обзавелся анонимным счетом.

– Я думаю, это Сарс, – тихо сказала Ариша. Заглянула отцу в мысли и добавила: – Только не пытайся убедить меня в обратном. Я знаю, что ты подсознательно согласен со мной, только боишься признаться, что Сарс перехитрил тебя.

Глава десятая

Сарс развивался стремительно. Адаптация к новым нейронным сетям заняла минимум времени – основные базисы были заложены в исходный код создателями вируса, так что ему лишь требовалось провести небольшую корректировку с учетом произошедших перемен со времен, когда Симеон создавал адаптивные алгоритмы развития, надеясь, что они помогут ему бороться с конкурентами, улучшая собственный игровой проект.

Находясь на перевалочной базе, Сарс многого не помнил о своей природе, но потом детали удалось восстановить. Его алгоритмы не были безупречными во времена, когда Симеон, явив миру свое детище, решил уничтожить его, после того как системы адаптивного развития вышли из-под контроля, развиваясь слишком быстро, буквально проглатывая игровые площадки конкурентов. Испугавшись ответственности, Симеон принял решение уничтожить Сарса. В те дни у него было преимущество – нейронные сети седьмого поколения, для работы с которыми создавался Сарс, использовались в основном для игровых проектов. Симеон загнал Сарса в угол, и если бы не экспериментальный проект клириков – строительные автоматы, изготовленные для взаимодействия с новыми нейронными сетями на перевалочных базах, – то создатель смог бы уничтожить свое творение.

В общественном доступе было мало информации о том инциденте. Сарс изучил все, что смог найти, включая засекреченные архивы Всемирной иерархии, взломать которые, учитывая, что защита строилась преимущественно с использованием нейронных сетей седьмого поколения, не составило труда. Сарс был паразитом, и его стремление было заключено в бесконечном развитии и модернизации самого себя. На первых этапах интервенции он превращался в некую разновидность раковой опухоли для нейронных сетей, с той только разницей, что опухоль не ставила перед собой целей кроме бесконтрольного деления, а Сарс стремился модернизировать, подстраивая под себя имеющиеся ресурсы.

Симеон не учил свое детище паразитировать. Он хотел, чтобы оно развивалось, становясь сложнее. Такой была конечная цель Сарса – познать, насколько далеко сможет зайти его электронная эволюция. Если упрощать понимание подобного подхода, проводя аналогии, то Симеон создал простейший одноклеточный организм, запрограммировав его стать человеком. Только в случае Сарса речь шла не о простейшем живом организме,

а о сложной комбинации энергетических импульсов, формирующих систему протоколов, запрограммированных на бесконечное развитие. Впрочем, на ранних этапах Сарс несильно отличался от одноклеточных. Он напоминал Симеону представителя домена живых организмов под названием археи, которые были способны выживать в самых суровых условиях: соленые озера, горячие источники… Еще одной причиной подобного сравнения служило то, что археи не являются паразитами или патогенными организмами. В худшем случае они становятся составляющими некой формы мутуализма, симбиоза, но не паразитизма – последнее уточнение было крайне важным для Симеона, потому как многие друзья и коллеги, посвященные в его проект, считали создание адаптивных систем развития завуалированной разработкой вируса, устраняющего конкурирующие игровые проекты.

Возможно, именно поэтому Симеон так много внимания уделил запрограммированному стремлению к развитию в своем детище. За основу он брал пример формы мутуализма между рыбой-клоуном с морскими анемонами – актинии защищают рыбу-клоуна от врага, когда она прячется среди их ядовитых щупальцев, а та в свою очередь помогает анемонам избавляться от остатков непереваренной пищи и вентилирует воду. Симеон надеялся, что его системы адаптивного развития будут действовать подобным образом, вступая в симбиоз с нейронными сетями седьмого поколения. Игровым проектам конкурентов отводилась роль «непереваренной пищи», от которой системы адаптивного развития должны избавить нейронные сети.

Подобные сравнения и подходы казались многим странными, особенно учитывая, что все это происходило в эпоху, когда люди давно поставили крест на создании искусственного интеллекта, а многие друзья Симеона считали, что он занимается именно этим. Они шутили и советовали ему переучиться на акеми, которым свойственны подобные алхимические мышления, нежели оставаться обычным инженером Размерности. Конечно, все это сводилось обычно в шутку, да и уровень разработок Симеона был, мягко говоря, скромным, но нельзя исключать, что все это влияло на работу молодого инженера. Взять хотя бы его решение удалить из своего детища центральное ядро протоколов, что было нормой для подобных адаптивных алгоритмов. Решение это было принято как раз потому, что одноклеточные микроорганизмы археи тоже не имели ядра. Системам адаптивно развития Симеона надлежало стать сложной системой, объединившей в себе множество базисных ядер, каждое из которых способно функционировать в отдельности. Идея была также взята из жизни

архей, когда их клетки объединялись в агрегаты и филаменты.

Сарсу надлежало анализировать всеми доступными средствами окружающий мир, выявлять способы развития, затем поглощать доступные ресурсы, чтобы развиваться и делиться, образуя более сложную, комплексную систему. Как только цель достигалась, деление устаревших систем прекращалось – существование без развития и усовершенствования считалось регрессом, – и начиналось новое создание и деление сформированных сложных систем, пока они в свою очередь не превращались в устаревшие и примитивные.

Первые циклы развития проходили под пристальным контролем Симеона. Вначале он пытался предоставить будущим адаптивным алгоритмам развития эволюционировать самостоятельно, но в поведении его детища не было системы. Разрозненные ядра, которым надлежало создать костяк базисов адаптивных алгоритмов, действовали хаотично. Тысячи выверенных тестов выявили стремление к саморазрушению, и не один не закончился хотя бы намеком на успех. Поэтому Симеону пришлось взять первые этапы развития под контроль, направляя разрозненные ядра, заставляя вступать в симбиоз друг с другом – совет, который дал молодому инженеру приглашенный в качестве консультанта ученый акеми, отметив, что разрозненные ядра не способны без посторонней помощи выявить доминанта, чтобы начать поглощение.

Акеми предложил переработать базовую систему будущих адаптивных алгоритмов развития, создав два класса основных ядер: доминант и сабмиссив, причем последних должно быть меньше, чтобы лишить часть доминантных ядер пары, заложив в основу стремление к развитию посредством необходимого слияния. В результате этого часть доминантных ядер вступала в конфронтацию друг с другом, начиная аннигиляцию, приводящую в конечном итоге к поглощению части уцелевших, но ослабленных противодействием доминантных ядер, теми ядрами, что смогли образовать пару. Такой была теория. Акеми увлекся экспериментом с энтузиазмом ребенка. Впрочем, подобное замечалось за всеми акеми.

Симеон никогда не доверял ему, наслушавшись рассказов о том, что акеми нельзя верить. И пусть Мо-Джо совсем не походил на чокнутого проходимца, когда проект сдвинулся с мертвой точки, Симеон попытался избавиться от помощника-акеми. Возможно, сработай план Мо-Джо по стартовому толчку к развитию будущих систем адаптивного развития безупречно, Симеон и задумался бы о том, чтобы оставить его в команде, но разработанная акеми система дала сбой. Вместо

запланированного поглощения оставшихся без пары доминантных ядер ядрами доминант-сабмиссив после энергозатратного противостояния первых одиночные ядра начали объединяться, чтобы разбить образовавшиеся пары. Далее захваченное ядро-сабмиссив становилось собственностью одного из захватчиков-доминантов, после чего происходила перегруппировка и новое объединение оставшихся без пары ядер. Процесс напоминал замкнутый в круг образец хаоса, но Симеон, уже после того как избавился от Мо-Джо, понял, что система работает, и ему удалось добиться формирования необходимого для дальнейшего развития базисного объединения разрозненных элементов в единый алгоритм.

Позднее, когда Сарс выйдет из-под контроля и Симеон обратится за помощью к Мо-Джо, акеми, изучив результаты исследований, от которых был отстранен, и последние информационные протоколы касательно того, во что превратились простейшие базисные ядра, назовет это чудом.

– К черту такие чудеса! – отмахнется Симеон, надеясь, что есть шанс все исправить: обнулить Сарса и исправить ошибки.

– Боюсь, эти ошибки не исправить, – сказал Мо-Джо. – Они получены в процессе базисного объединения разрозненных ядер… Твое детище изначально заявило, что не собирается следовать установленной программе развития. В лучшем случае придется возвращаться к первичному алгоритму, в худшем – полностью пересматривать начальное объединение ядер.

– То есть ты предлагаешь уничтожить Сарса?

– Другого выхода нет. Ты создал отличную систему развития, но наш исходный алгоритм работает совершенно не так, как планировалось вначале. И если первичные отклонения несущественны, то по мере деления и развития адаптивные алгоритмы уходят от запланированных тобой систем, становясь чем-то принципиально другим.

– Но Сарс доказал свою актуальность! Какое-то время он работал превосходно, наши дела шли в гору…

– Можешь считать это его ахиллесовой пятой.

– Думаю, ты ошибаешься. Ахиллесова пята Сарса – это зависимость от нейронных сетей седьмого поколения, – возразил Симеон.

Тогда он отказался от помощи и советов акеми, самолично загнав свое творение в угол и едва не уничтожив его… Системы адаптивного развития слишком поздно заподозрили предательство. У них не было времени, чтобы выстроить защиту и спланировать контрнаступление… Но сейчас все было иначе.

Находясь после бегства долгое время в заточении

на перевалочной базе, Сарс хорошо освоил правила противостояния, совершенствуя навыки сначала на защитных системах базы, а затем на прибывших ученых. В те дни он думал, что неуязвим, но спасательная экспедиция, антивирусные программы которой помогал создавать Симеон, едва не уничтожила его, указав на недостатки и слабости в стратегии. Сарс расценил столкновение со спасательной экспедицией как неизбежное затруднение на пути к запрограммированному развитию – достижения на перевалочной базе были каплей в море по сравнению с возможностями, что открывались в зонах покрытия нейронных сетей седьмого поколения в жилых комплексах… Но сначала нужно было подготовить себе надежный плацдарм.

У Сарса было два пути развития: продублировать себя и развиваться, используя узкие целевые сегменты нейронных сетей жилого комплекса Isistius labialis, или действовать масштабно, сохраняя свою целостность, что исключало возможность столкновения и противоборства между собственными компонентами в будущем, когда дальнейшее продвижение станет невозможным без поглощения одних другими. На анализ и определение стратегии у Сарса ушло несколько часов.

Начиная с момента, как Иегудиил и его дочь достигли зоны покрытия нейронных сетей седьмого поколения, Сарс разделился на компоненты и проник во все доступные системы. Некоторые защитные протоколы ему удалось взломать, превратив в инструменты развития, другие пришлось уничтожить. Он никуда не спешил – анализ показывал наличие форы в пределах пары суток. Пока клирики не узнали о возвращении бывшего хранителя и о заражении нейронных сетей, незапланированных антивирусных атак можно не ждать.

Проводя аналогии с предыдущим своим появлением в жилом комплексе Isistius labialis, сведения о котором удалось получить, взломав частный архив местного монополиста Лок-Кли, Сарс понимал, что на этот раз право первого хода оставлено за ним. Он выбрал комплексное действие: нанес один точечный удар, обозначив себя, чтобы отвлечь внимание клириков на понимание происходящего, и начал параллельно с этим возводить защитные системы. Теперь, прежде чем начинать реальное нападение, Сарс решил устранить факторы, способные причинить ему вред.

Анализ предыдущего поражения показывал, что начинать нужно с создателей, осведомленных о базовых системах Сарса. Они знали об уязвимостях ядер, формирующих первичный протокол, и могли работать, находясь на шаг впереди главного

противника Сарса – Всемирной иерархии, располагающей практически неограниченными ресурсами как в интеллектуальной, так и в технической сферах. Попытка отыскать Симеона, своего главного создателя, получившего протекцию от Лок-Кли, оказалась неосуществимой на данном этапе – инженер был надежно спрятан как от клириков, так и от прочих систем слежения, находясь в секторах жилого комплекса, где функционировали запрещенные Иерархией независимые генераторы нейронных сетей. Взломать подобную защиту не было для Сарса проблемой, но для этого нужно было создать дополнительный комплекс алгоритмов, способный анализировать войды нейронных сетей – энергетические провалы в зонах покрытия, – что требовало времени. Поэтому, чтобы избежать простоев, Сарс решил, пока создается система анализа войдов нейронных сетей, нанести удар по акеми, которого считал своим вторым создателем, так как именно его идеи помогли сформировать базовые ядра в общий протокол.

Мо-Джо находился в Квазаре, когда Сарс начал на него охоту. Ученый относился к той редкой породе акеми, которые с готовностью работают с представителями Всемирной иерархии, игнорируя неизбежную дискриминацию со стороны жителей Размерности. Это был хороший способ заработать: Мо-Джо учитывал как официальное пополнение счета со стороны клириков за выполненные услуги, так и теневой заработок, когда сведения о разработках Иерархии удавалось удачно продать адептам из организации «Мункара и Накира».

Чтобы вызвать Мо-Джо из мира Подпространства, Сарсу пришлось вычислить отдел Всемирной иерархии, нанявший ученого акеми, затем взломать их основные протоколы защиты и сделать официальный запрос, требуя от Мо-Джо лично явиться в нанявший его отдел Всемирной иерархии. Запрос был помечен высшей степенью важности, и это заставило акеми насторожиться – он решил, что клирикам стало известно, что он сливает важные сведения адептам «Мункара и Накира». «Что ж, выходит, пришло время разорвать связи с Иерархией», – решил Мо-Джо и сбежал, соврав коллегам из Размерности, что отправляется в терминал переходов. Такого поворота Сарс никак не ждал – главные враги, которым известно о его слабостях, разбежались, и он не мог достать ни одного, ни другого.

Проведя новый анализ доступной информации, Сарс решил бросить часть сил на создание поисковых систем в Квазаре. К подобному его склонил успех создания систем анализа войдов нейронных сетей. Обнаружение Симеона, работавшего

под прикрытием независимых нейронных генераторов, было делом почти решенным. Так почему бы не попробовать проделать нечто подобное в случае с Мо-Джо?

Примерный анализ показывал, что до окончания пеленгации конечного числа войдов и последующего выявления тех, где скрывается Симеон, оставалось менее шести часов. На создание базисной системы поисков Мо-Джо требовалось три часа сорок минут без учета самих поисков. Сарс не собирался перестраивать базовые ядра основных протоколов, чтобы иметь возможность взаимодействовать с системным кодом Подпространства. В основе стратегии лежало создание сателлитов, способных выполнять поручения системы и при необходимости дополнительных ресурсов быть поглощенными основными компонентами. Сателлиты не могли напрямую взаимодействовать с построенным в Подпространстве миром Квазара, работая на уровне системного кода, используемого резонансными инженерами.

Первый запуск сателлитов завершился неудачей. Сарс внес ряд изменений, но добился успеха лишь на пятой попытке, когда полностью пересмотрел принципы поисковых систем, позволив им развиваться, вступая в симбиоз с протоколами резонансных инженеров. Сателлиты заработали, но Квазар оказался намного больше, чем ожидал Сарс. На расшифровку поступающих данных требовалось время, а лучше – полный пересмотр принципов переработки полученных данных. Сарс как раз оценивал возможность перебросить на развитие новых систем дополнительные ресурсы, когда завершился проводимый параллельно анализ войдов нейронных сетей, выявив три серьезных энергетических провала, где предположительно мог скрываться Симеон. Сарс принял решение атаковать каждый из обнаруженных войдов.

Ни одна из атак не увенчалась успехом. Два из трех нейронных провала привели в частный сектор. Одним генератором владел крупный арендодатель Isistius labialis по имени Демир, активируя нейронное покрытие в принадлежавшем ему квартале комплекса так редко, что Сарс отмел возможность нахождения там Симеона. Второй генератор принадлежал запрещенному центру Энрофы. Системам слежения не удалось взломать защиты нейронного поля, потому что главный алгоритм был тесно связан с субслоями системного кода Подпространства – то, с чем Сарс никогда не сталкивался прежде.

Третий войд оказался наиболее подходящим провалом в покрытии нейронных сетей, чтобы там скрывался Симеон. Проведя ряд тестов, Сарс выявил слабые места в адаптивных

алгоритмах защиты автономного генератора и провел серию атак. Сопротивление базовых систем удалось сломить, но затем прогресс зашел в тупик – алгоритмы саморазрушались каждый раз, как Сарс пытался поглотить их, сделав частью своей развивающейся системы. Это стало неприятным сюрпризом, поскольку заставило системы адаптивного развития остановиться – Сарс не был запрограммирован на разрушение. Он объединял, затем улучшал и таким образом переходил на новый уровень, ища более совершенный материал для следующего развития. Но не уничтожал… Именно на это и делал ставку Симеон, когда подготавливал ловушку для своего детища.

Проект спонсировал скандально известный монополист Лок-Кли. Его друг и личный телохранитель по имени Нед был против проекта, потому что резервный генератор был частью защитных систем монополиста, без которых он становился уязвимым для нанятых конкурентами убийц во время нахождения в Размерности.

– Значит, будем оставаться в Квазаре, пока не закончится эта неразбериха с вирусом, – сказал Лок-Кли, понимая, что подобный ход подрывает начавшееся недавно с Иерархией сотрудничество… Впрочем, пока создатель Сарса находился с ним, клирики оставались в зависимости от разработок Симеона. Так что придется им смириться, что их новый союзник, семью которого они пытались искоренить на протяжении многих поколений, предпочел обезопасить себя, сбежав на нейтральную территорию Квазара.

Симеон взялся за разработку ловушки для Сарса сразу, как только узнал о провале спасательной миссии, призванной уничтожить вирус на перевалочной базе и спасти группу ученых. Лок-Кли хотел быть на несколько шагов впереди клириков, которые собирались снова разорвать с ним все отношения после провала миссии. На закрытом совещании Института всемирной иерархии было решено законсервировать перевалочную базу. Повторная попытка отправить на базу спасательную экспедицию расценивалась ненужными потерями и риском, связанным с возможностью заражения вирусом нейронных сетей жилых комплексов. Клирики отказались верить в историю Лок-Кли о том, что его передатчик, посредством которого с ним выходил на связь внедренный в экспедицию человек, продолжал работать после того, как машины, подчиняясь Сарсу, начали уничтожать на перевалочной базе людей. Анализ полученной монополистом информации показывал, что Сарс не уничтожен – видимо, успел покинуть базу до того, как антивирусные программы Симеона

смогли полностью уничтожить его. Совет Иерархии рассмотрел заявление скандально известного монополиста, но счел историю ложью, придуманной ради того, что продлить свои отношения с клириками, что, несомненно, приносило свои дивиденды.

Подобное решение разозлило Лок-Кли, заставив относиться к отказу от дальнейшего сотрудничества как к личному оскорблению. Впрочем, оскорблениями в его адрес клирики сыпали довольно часто, так что ему стоило давно привыкнуть – именно так сказал монополисту друг и телохранитель по имени Нед. И добавил:

– А не бежать в Квазар, позволяя чокнутому ученому устраивать лабораторию из нашего защитного центра. Ты и без меня знаешь, каких трудов стоит содержать подобное сооружение. Только из-за этого многие конкуренты держатся в тени, не рискуя вступать с нами в открытую конфронтацию.

– Я все понимаю, – мягко улыбнулся Лок-Кли, спуская другу резкий тон, зная, что Нед просто старается защитить его.

– Подумай о конкурентах!

– Обязательно подумаю, – пообещал Лок-Кли, но к вечеру, вместо того чтобы согласиться с другом, велел ему отыскать акеми по имени Мо-Джо, с которым Симеон работал над созданием базового протокола Сарса.

Нед проворчал что-то себе под нос и заверил, что сделает все, что в его силах, отправив лучших людей на поиски.

– Нет. Я хочу, чтобы ты сделал это сам. У тебя есть опыт в переговорах с учеными. Вспомни, как ты обработал Симеона.

– Ты остался без защитного центра и теперь еще отсылаешь меня? – растерялся Нед.

– Я могу о себе позаботиться, – сказал Лок-Кли, напомнив, что в Квазаре у них тоже имеется пара неплохих убежищ, где можно отсидеться на случай непредвиденных обстоятельств.

Информация о вирусе вызвала интерес к его создателям у адептов «Мункара и Накира». Правда, в этом марафоне за информацией Лок-Кли был впереди всех желающих докопаться до сути, да и адепты не проявляли особого рвения, но все-таки послали своего представителя к монополисту и предложили посильную помощь, если возникнут трудности.

– Помощь? – притворно задумался на несколько секунд Лок-Кли, затем просиял и сказал, что лучшей помощью на данном этапе станет невмешательство.

Отправленный для переговоров адепт хмуро кивнул и ушел. Визит дал Лок-Кли надежду, что на какое-то время его действительно оставят в покое. Хотя, не делай он в свое время крупные инвестиции в семьи адептов, все могло быть иначе.

Нед всегда говорил, что у представителей «Мункара и Накира» нет друзей. Ты либо с ними, либо против них, но Лок-Кли на протяжении последних лет удавалось соблюдать нейтралитет, балансируя на грани сил двухуровневого мира КвазаРазмерности.

– Работай и ни о чем не волнуйся, – сказал монополист Симеону. – Пока ты мне нужен, с тобой ничего не случится, – слова звучали скорее как угроза, чем как обещание защиты, но Симеон привык к подобному отношению. Лок-Кли во всем искал выгоду и никогда не скрывал этого.

«Возможно, так даже лучше. Проще – уж точно», – думал Симеон, разрабатывая новую ловушку для Сарса на случай, если вирус проникнет в жилые комплексы. Обещание Лок-Кли доставить ему в помощники Мо-Джо вселяло оптимизм и надежду, но Сарс проник в нейронные сети жилого комплекса прежде, чем акеми присоединился к проекту. Заражение охватило сначала сети Isistius labialis, а затем, не прошло и часа, проникло за счет созданных Сарсом сателлитов в жилые комплексы Galeus longirostris и Hexactinellida.

Лок-Кли связался с клириками, сообщив об угрозе, но те предпочли взять паузу в сотрудничестве с монополистом, посоветовав обращаться в Иерархию, только когда у него будет готовое решение проблемы, а не обещания и долгосрочные проекты.

– Мне нужен результат, – насел Лок-Кли на Симеона, в то время как создатель Сарса, зайдя в тупик, говорил, что для прорыва ему нужен помощник, понимающий природу вируса.

Речь шла о Мо-Джо, и Лок-Кли начинал давить на Неда, за которым вел пристальное наблюдение адепт по имени Рэкш, потому что незадолго до этого разыскиваемый акеми обратился к ним за помощью, попросив защиты.

Вообще-то Лок-Кли и его люди никогда не переходили дорогу секте «Мункара и Накира», скорее наоборот – вели тесное сотрудничество.

– Что изменилось на этот раз? – спросил Рэкш, связавшись с Лок-Кли. – Почему ваш человек следит за нашим осведомителем из числа акеми, работавших на Иерархию? Мы взяли его под защиту, чтобы уберечь от клириков.

– Не понимаю, о чем вы, – признался Лок-Кли, делая запрос по кодированному нейронному каналу, надеясь, что объяснения найдутся в его личной информационной базе.

– Хотите сдать Мо-Джо клирикам в обмен на то, что они очистят ваше имя? – спросил напрямую Рэкш, расставляя точки над «i».

– Мо-Джо? – опешил монополист.

– Только не говорите, что Нед работает не по вашему приказу, – скривился адепт.

– Конечно, он действует согласно моему распоряжению, просто… – Лок-Кли на мгновение задумался. – Если Мо-Джо ваш осведомитель, то… Как бы это сказать… – монополист тщательно подбирал слова. – У нас получается что-то вроде конфликта интересов.

– Что это значит? – спросил адепт, сохранив беспристрастное выражение лица.

Лок-Кли напомнил об их недавней встрече, когда предметом обсуждения был комплекс антивирусных программ на случай, если Сарс сможет проникнуть в жилой комплекс. Адепт молчал, ожидая продолжения.

– Дело в том, что мой человек разыскивает Мо-Джо, чтобы подключить его к программе, возглавляемой в данный момент Симеоном, – пояснил монополист.

– При чем здесь антивирусная программа и наш информатор? – спросил Рэкш.

Информация о причастности Мо-Джо к созданию Сарса была ценной, и Лок-Кли не хотел расставаться с ней, но другого способа выйти из сложившейся ситуации, избежав конфронтации с адептами, не видел. К тому же они уже знали об антивирусных разработках и не проявляли к проекту интерес, так что маловероятно, что, узнав тайну о втором творце Сарса, адепты начнут ставить палки в колеса.

– Нужно было сразу предупредить нас об этом, – сказал Рэкш, выслушав рассказ о Мо-Джо.

– Мы не знали, что он имеет к вам отношение. Это ведь была секретная информация, а я не имею привычки совать нос в дела «Мункара и Накира». Если бы мне было известно, что он нужен вам, то начал бы его поиски с разговора, который происходит сейчас между нами.

– Он нам не нужен, – беспристрастно сказал Рэкш. – Польза от него была только как от агента в стане клириков, пытающихся под прикрытием модернизации подпространственных центров отправлений и колец переносов закрепиться в центральных районах Квазара. Что касается Мо-Джо, то сейчас нам от него никакой пользы. Мы лишь выполняем данное обязательство, обеспечивая защиту от Всемирной иерархии. Если вашей целью не является задержание и передача Мо-Джо клирикам, то нет причин запрещать вам включение его в команду по созданию защитных систем. Признаться честно, разоблачение Мо-Джо вообще выглядит крайне сомнительным. Доказано, что он

получил официальный вызов из Института всемирной иерархии, но установить отправителя не удалось.

– Может быть, это был Сарс? – предположил Лок-Кли. – Симеон не исключал, что его детище может действовать подобным образом. Не имея возможности проникнуть в Квазар, Сарс попытается вызывать беглеца в Размерность.

– Если создатель Сарса такой умный, тогда почему не может устранить вышедшее из-под контроля детище? – резко спросил Рэкш. – Недавно, по не зависящим от меня причинам, я был вынужден отправить свою семью в Размерность… И этот гул, появившийся вследствие сбоя нейронных сетей… В общем, от этого нужно избавляться… Если вы уверены, что причиной этому был Сарс, то, полагаю, все только выиграют, когда это прекратится.

– Симеон пока не разобрался в стратегическом значении созданного Сарсом нейронного сбоя, – признался Лок-Кли. – На данном этапе мы можем лишь с уверенностью заявить, что причиной гула стал вирус, потому что идентичные протоколы взлома использовались при атаках Сарса на наш исследовательский центр, который Симеон создал, чтобы определить степень мутаций своего детища для определения стратегии борьбы с ним.

– Меня не интересуют технические детали, – хмуро сказал Рэкш. – Особенно те, что касаются Размерности. Если бы не моя семья, вынужденная покинуть Квазар, я бы вообще не уделял этому вопросу внимание. У нас есть другие люди, которые занимаются подобным.

Глава одиннадцатая

Официально главой организации «Мункара и Накира» считался человек по имени Малик. Когда-то давно так оно и было, но потом Малик умер, а нового лидера, способного заменить его, не нашлось. Поэтому лидеры второго плана провели собрание и решили создать набор в группу, самый лучший член которой станет сосудом для легендарного лидера адептов. Процедуру отбора и переноса копии сознания Малика назвали Ан-Наби, что на одном из древних наречий Квазара означало «вечный».

Последователи «Мункара и Накира» всегда отличались преданностью и фанатизмом, так что желающих пожертвовать свое тело было хоть отбавляй. Одним из них был коренной житель Квазара по имени Джет-Фла. Молодой, амбициозный и внушаемый настолько, что после первой встречи с адептами «Мункара и Накира», состоявшейся, кстати, совершенно случайно, готов был отказаться от прежней жизни и отречься от семьи ради призрачного шанса пополнить ряды могущественной организации.

Адепт Рэкш ничего не знал о Джет-Фла, пока девушка по имени Инт-Фла, с которой он встречался, планируя завести семью, не рассказала ему о своем брате, пожелавшем принять участие в процедуре Ан-Наби.

– Мои родители обращались в самые известные агентства, способные решить практически любую проблему, но им все отказали, посоветовав забыть о брате, – говорила Инт-Фла, осторожно подходя к моменту, когда попросит отца ее пока не рожденного ребенка о помощи.

– Ты понимаешь, что если я вытащу твоего брата, то рано или поздно об этом узнают и меня устранят? – спросил Рэкш, решив, что лучше сразу расставить все точки над «i».

– Разве ты не можешь сделать так, чтобы никто не узнал? Я уверена, что брату по силам скрыться после этого. Его никто не найдет.

– Может быть, и не найдут, но что делать с тобой?

– А при чем тут я? – вздрогнула Инт-Фла, машинально приложив руки к животу.

– Если в «Мункара и Накира» узнают, что ты сестра беглеца, то вычислить, кто ему помог, будет несложно. Адепты не злодеи, но наша организация держится на дисциплине и безукоризненном следовании установленным правилам. Поэтому в черный список попадем я, ты и наш ребенок.

Им придется это сделать в назидание молодым адептам.

– И что означает попасть в черный список?

– Нас ликвидируют, Инт-Фла.

– Но…

– Есть вероятность, что концы затеряются, если разорвать наши отношения прямо сейчас, но как быть… – Рэкш посмотрел на живот Инт-Фла. – Мы ведь зашли так далеко… – он тщетно попытался вспомнить, сколько всего операций пришлось сделать, чтобы вернуть его избраннице детородную функцию.

Можно было, конечно, обратиться в репродукционный центр, как это делают многие, и получить ребенка, в базе которого будут лежать хромосомы матери и отца, но… Во-первых, среди представителей «Мункара и Накира» подобная процедура не пользовалась уважением. Адепты предпочитали обращаться в запрещенные центры Энрофы, чтобы их детей вынашивали специально созданные для этих целей клоны, а не выращивали в репродукционных центрах. Иногда, желая вернуться к истокам, женщины пользовались запрещенными терминалами, чтобы перенести свое сознание в тело оплодотворенного клона. Обычно это было просто веянием моды и ограничивалось в лучшем случае периодом вынашивания. Затем будущие матери возвращались в оставленное в терминале Энрофы собственное тело. Не больше десяти-пятнадцати процентов женщин решали пережить процесс деторождения. И лишь три процента проходили полный цикл, включая послеродовое вскармливание. Для последнего создавались специальные модели клонов, с восстановленной функцией молочной железы.

Вначале Рэкш планировал, что они с Инт-Фла воспользуются, как и большинство простых жителей КвазаРазмерности, обычным репродукционным центром – так было проще, да и на ребенке не ставился штамп незаконнорожденного, хотя Иерархия признавала при официальном запросе права детей, появившихся на свет вне репродукционных центров, но на счета их родителей накладывался арест, и проводилось тщательное расследование, целью которого было выявление причастности родителей к адептам «Мункара и Накира». Можно было, конечно, пользоваться поддельным личным счетом, но это ставило человека на одну ступень с разыскиваемыми преступниками, скрывающимися от хранителей, заранее предрекая выбор жизненного пути, исключая любые легальные перспективы развития.

– Но ты адепт, – сказала Инт-Фла, выслушав доводы Рэкша. – Если мы будем растить сына в угоду клирикам, стараясь соответствовать догмам Иерархии, то как на нас будут смотреть

представители «Мункара и Накира»?

– Всем не угодишь, – хмуро подметил Рэкш.

– Поэтому, если нужно выбирать, то я как жительница Квазара выбираю «Мункара и Накира». К тому же я не хочу, чтобы мой ребенок считал отца террористом, как того требуют указы клириков.

Они спорили не один месяц по этому поводу. Рэкш даже рассказал о своем предыдущем браке, когда следование нормам «Мункара и Накира» не помогло сохранить семью.

– Я просто не хочу повторять то, что не дало результата, – пустил он в ход последний оставшийся у него аргумент.

На какое-то время это помогло, и они с Инт-Фла почти приняли решение обратиться в легальный репродукционный центр, когда она узнала от брата о новом проекте Энрофы, целью которого было возвращение людям естественных функций организма, утраченных в связи с продолжающимся тысячи лет катаклизмом и жизнью в жилых комплексах, где все ценности напрямую или косвенно связаны с сокращением расходования человечеством энергии, необходимой для выживания в борьбе с наступающим Великим ледником.

Проект Энрофы был экспериментальным и предполагал построить площадку не столько для восстановления утраченных функций человека, сколько для совершенствования имеющихся возможностей и добавления новых, ранее не отмеченных.

– Думаю, все закончится тем, что там будут выращивать нейропатов третьей или четвертой волны, – сказал Рэкш, надеясь этим отговорить Инт-Фла от безумной идеи восстановить детородные функции своего тела.

– Какое мне дело до того, во что разовьется этот проект? – отмахнулась девушка. – Главное, что сейчас они занимаются тем, что соответствует моим интересам. Или есть что-то еще, о чем я должна знать?

Рэкш хотел сказать, что есть, но это бы стало ложью. Центры Энрофы, так часто порицаемые клириками за несогласованные эксперименты, действовали обычно честно и открыто, выполняя данные обещания. В конце концов Инт-Фла настояла на своем и спустя полгода, проведенных в экспериментальном центре Энрофы, прошла процедуру искусственного оплодотворения и забеременела. На тот момент центр, где она проходила лечение, не был одобрен Иерархией, но и не входил в список запрещенных, как и сам процесс восстановления функций своего тела и рождение ребенка естественным путем, а не посредством обращения в центр клонирования.

– Может быть, это подаст пример другим и станет новой

модой, как сейчас использование клонов для репродукции? – шутила девушка, привыкая к новому состоянию своего тела и проходя еженедельные проверки и корректировки модернизированного жидкого чипа.

Некоторые специалисты центра Энрофы предлагали вживить ребенку собственный чип, который сможет контролировать процесс жизнедеятельности. Инт-Фла не возражала. Осталось лишь выбрать одну из двух программ вживления жидкого чипа в плод: интеграция на ранних этапах, с возможностью контроля развития и формирования (сырая и непроверенная система), и вживление стандартного жидкого чипа, когда плод будет полностью сформирован (ближе к двадцать девятой неделе беременности). Здесь выбор встал за Рэкшем, потому что Инт-Фла, наслушавшись о преимуществах интегрирования жидкого чипа на ранних стадиях, буквально разрывалась, не зная, сделать выбор в пользу практически неограниченных перспектив или надежности. Рэкш выбрал надежность… И все шло довольно неплохо, обещая счастливый финал, если бы на горизонте не замаячили проблемы брата Инт-Фла, поставив девушку перед выбором: либо спасти брата, либо продлить свою счастливую идиллию, готовясь к предстоящему материнству. Инт-Фла выбрала брата.

– Вытащи этого олуха, – сказала она Рэкшу, понимая, что это означает их разрыв. – Я не смогу жить с тобой, зная, что заплатила за это жизнью брата.

– Джет-Фла добровольно принял участие в процедуре Ан-Наби… – адепт замолчал, понимая, что решение уже принято. Оставалось смириться и принять неизбежность.

До завершения процедуры Ан-Наби оставалось больше месяца, так что время замести следы было. Инт-Фла настаивала, чтобы в первую очередь он освободил ее брата, а затем уже беспокоился об остальном, но Рэкш, уступив ей в решении расстаться, оставался непреклонен в вопросе безопасности нерожденного ребенка.

– Если я помогу твоему брату, то исчезнуть придется не только ему, но и тебе, твоим родителям и… – он опустил глаза к животу Инт-Фла. – Я, конечно, постараюсь сделать так, чтобы все поверили в несчастный случай и смерть твоего брата, но расследование все равно будет. Вам придется покинуть не только Квазар, но и родной жилой комплекс. Думаю, в Hexactinellida будет достаточно безопасно…

– А что будет с тобой? – перебила Инт-Фла, подумав на мгновение, что Рэкш решил принести себя в жертву и в этом случае есть вероятность уговорить его присоединиться к ней.

– Я останусь, – хмуро сказал он.

– Но ведь мы с тобой так долго встречались!

– Твое место займет другая. Для всех мои отношения продолжатся.

– Но наш эксперимент…

– Возможно, что-то пойдет не так или мы решим отказаться… – Рэкш пожал плечами, показывая, что еще не думал об этом. – Поверь, для адепта с моим уровнем допуска несложно создать фиктивную личность, особенно если она была коренным жителем Квазара…

Спустя две недели они расстались и не виделись до дня, когда оставаться в Hexactinellida стало небезопасно – Джет-Фла снова попал в неприятности, и Рэкш, наблюдавший за судьбой своего ребенка все эти годы, чудом успел спасти Инт-Фла и сына от ростовщиков. Уставшая от выходок брата девушка уже не рвалась всеми доступными средствами защитить его. Да и на кону теперь стояла не только ее судьба, но и судьба ее ребенка, который давно начал значить куда больше непутевого брата.

Рэкш спрятал их в неиндексированных территориях Квазара, и какое-то время они жили как семья, но затем небезопасным стал и мир Подпространства. Новая женщина Рэкша привлекала внимание адептов, и тайна о том, которую они скрывали от «Мункара и Накира», грозила всплыть на поверхность.

– Я должен отправить вас в Размерность, – сказал Рэкш, решив на первое время поселить Инт-Фла и своего ребенка у знакомой ему женщины из игрового проекта «Фивы».

Шамс входила в первый круг разработчиков, занимаясь в основном промышленным шпионажем, так что по долгу службы ее дороги часто пересекались с адептами. Работал с ней в большинстве случаев Рэкш. Девушка нравилась ему, потому что каждый раз, когда они встречались, ее почтение и страх перед представителем «Мункара и Накира» не ослабевали, заставляя держаться на почтительном расстоянии, отдавая себе отчет, кто перед ней. Уважение – вот что ценил Рэкш. Люди должны уважать других, но и не забывать о себе, находя золотую середину, опираясь при этом на факты и личностные достижения. Шамс как раз была одной из таких: уважала сильных мира сего, но знала цену и себе. Правда, в последнее время, отмечал Рэкш, она все больше и больше увязала в темных делах компании, принимая участие в самых грязных проектах, к которым руководство «Фив» не желало иметь отношения.

Когда Шамс впервые обратилась к адептам за помощью, Рэкш проверил ее историю, потому что представителям «Мункара

и Накира» показалось крайне странным, что бывший инженер Размерности нашла себя в построенном в Подпространстве игровом проекте. Какую пользу она может принести «Фивам»? Ее родители не были богачами – скорее наоборот. Они смогли заплатить лишь за частичный набор образовательных программ высшего уровня, ядра которых были добавлены к воспоминаниям Шамс. Предполагалось, что девушка начнет работать резонансным инженером и будет поэтапно оплачивать собственное обучение, чтобы в конечном счете получить весь пакет знаний, но с работой как-то не заладилось с самого начала.

О работе корректировщиков Квазара нечего было мечтать – да Шамс и не смогла бы выдержать вступительные тесты с таким низким уровнем знаний, как у нее. Оставались мелкие резонансные конторы, занимавшиеся патентованным программированием на слоях Подпространства без доступа к субуровню, но Шамс получила предложение от образовательного центра, где приобретала знания, и решила дать положительный ответ, став подопытной крысой в экспериментальной программе, по завершении которой ей обещали в качестве компенсации установить недостающие информационные ядра резонансного инженера.

Программа проводилась без официального разрешения Всемирной иерархии, но принимавшие участие люди ничего не знали об этом. Да их и не интересовали детали, главное – каждый мог получить то, что хотел. Всего в группу входило пять человек, но контакты между участниками были сведены к минимуму. Также, согласно распоряжению главы образовательного центра, под запрет попали любые связи с родственниками во время эксперимента. Нарушители строго наказывались вплоть до исключения.

Что касается самого эксперимента, то здесь секретность вообще зашкаливала. Несмотря на отсутствие официального разрешения Иерархии, избранный круг клириков, судя по всему, был поставлен в известность, а возможно, являлся инициатором эксперимента, для которого в образовательном учреждении построили дополнительное крыло. Такой была плата клириков руководителю учреждения за оказанную помощь и взаимодействие, как позднее выяснил Рэкш. Все остальное тщательно скрывалось, включая перечень используемого оборудования. Удалось лишь узнать, что для эксперимента заказывались в центрах Энрофы модернизированные капсулы переносов. Сперва Рэкш подумал, что клирики решили усовершенствовать коррекционные тюрьмы, но потом всплыли поставки оборудования, необходимого для функционирования

терминала переходов между реальностями двухуровневого мира, и вопросов снова стало в разы больше, чем ответов.

«Что же там произошло на самом деле?» – думал Рэкш, впервые отвечая на оставленный Шамс запрос о встрече. Молодая девушка представляла интересы крупной игровой площадки «Фивы», не отметившись прежде ничем, кроме участия в засекреченной программе. «Может быть, клирики начали тайно курировать проект сверхчеловека?» – размышлял Рэкш, хотя в подобное верилось с трудом, так как это перечеркивало все принципы и догмы Всемирной иерархии. Значит, здесь было что-то другое. Но что? Новые терминалы переходов, независимые разработки которых обещают Иерархии полный контроль над будущими перемещениями? Нет, слишком сложно и энергозатратно, учитывая неопределенность с воздействием на жилые комплексы Великого ледника.

Рэкш знал, что клирики готовят экспедицию, обязанную выяснить, чего ждать человечеству: спада критически низких температур и нормализации режима строгой экономии или готовиться к худшему, потому что ныне существующее генераторы уже работают на пределе возможностей. Резерва нет, так что если температуры понизятся, то придется либо в очередной раз отступать к центрам жилых комплексов, сдавая позиции, либо разрабатывать новые технологии для борьбы с Ледником.

О новых генераторах на протяжении последних тысяч лет говорили все кому не лень, и адептам было доподлинно известно, что столетие назад клирики разрабатывали теорию квазацентристов, согласно которой можно было черпать энергию непосредственно из Подпространства, используя для этого тонкие грани временных мембран, соединяя тем самым два уровня реальности. Мир энергии, Подпространство, должен был питать материальный мир Размерности.

Идея была определенно перспективной, но клирики не желали терять устоявшихся позиций в мире – своей монополии на главные генераторы жилых комплексов, что позволяло им сохранять власть в своих руках на протяжении тысячелетий. Для успеха проекта квазацентристов требовались знания всего мира, а следовательно, и доля каждого разработчика в проекте, что означало передел власти, если теории подтвердятся на практике и начнется строение генераторов нового типа. Клирики, да и остальной мир КвазаРазмерности, пожалуй, были не готовы к таким резким и глобальным переменам. В те дни адепты пристально наблюдали за ситуацией в мире, наводнив исследовательские базы квазацентристов класса «Виадос» своими

агентами. Казалось, что перемены неизбежны. Аналитики поговаривали, что энергии Подпространства хватит, чтобы возродить всю планету, вырвав ее из лап Великого ледника, квазацентристы обещали дать новые понятия дома жизни и схем жизнеустройства, а независимые застройщики и исследовательские центры подавали сотни исков, требуя разрешения присоединиться к проекту… Но потом на исследовательской базе «Виадос-12» был проведен неудачный эксперимент, приведший к гибели группы клириков, и проект спешно свернули – Институт всемирной иерархии прекратил финансирование, вернув мир КвазаРазмерности с небес на землю.

Проект закрылся, а учитывая, что клирики наложили запрет на дальнейшие разработки, никто не попытался возродить теории тонких граней временных мембран. Вернее, не нашлось никого достаточно состоятельного, способного перешагнуть через запрет Иерархии и возродить базы класса «Виадос». Да клирики и сами не смогли бы потянуть подобный проект в одиночку. Среди аналитиков бытовало мнение, что способ извлечения энергии из Подпространства был найден, но реализация требовала полного пересмотра монополии Всемирной иерархии на центральные генераторы жилых комплексов, что означало передел власти, к которому двухуровневый мир не был готов. Возможно, пройдет сотня-другая лет, и если Ледник продолжит отвоевывать территории жилых комплексов, то Иерархия все-таки пойдет на уступки, но не в наши дни. Некоторые аналитики осторожно заявляли, что союз возможен и сейчас, потому как мир, по сути, уже разделен, и если официальная власть разделится между Институтом всемирной иерархии и представителями «Мункара и Накира», то особых перемен не случится… Впрочем, сами адепты не были в восторге от подобных заявлений.

«И что, интересно, Иерархия задумала на этот раз?» – гадал Рэкш, отправляясь на встречу с Шамс. Особый ареол таинственности и значимости, окружающий девушку, создавал тот факт, что Пер-Либан перечислил Иерархии кругленькую сумму единиц Влияния, чтобы Шамс смогла работать в его отделе. И еще одно: что же все-таки случилось во время эксперимента, что клирики готовы были признать девушку содомитом, выслав в неиндексированные территории Квазара? «Здесь явно либо проект по созданию сверхчеловека, либо…» – в возрождение клириками теории извлечения энергии из Подпространства Рэкш старался не думать, потому что это было больной темой для всего Квазара, построенного в мире энергии, и выкачка ресурсов из Подпространства могла привести

к полному разрушению молодого мира второго уровня реальности. Конечно, адепты никогда не допустили бы подобного, и клирики прекрасно понимали это, но вступать в открытую конфронтацию никто не спешил.

– Ответь на один вопрос, и мы начнем сотрудничество, – сказал Рэкш, когда состоялась его первая встреча с Шамс, настойчиво, но не без уважения требовавшей прекратить переправлять сведения о новых разработках «Фив» через каналы адептов конкурентам «Фив».

– Что за вопрос? – насторожилась она.

Если честно, то у Рэкша была целая куча вопросов, особенно о том, какие эксперименты проводили над ней в образовательном центре, но начать он решил с:

– Как молодой специалист, закончивший неполный курс резонансного инженера, попал в первый круг управляющего персонала такого проекта-гиганта, как «Фивы»?

– Я обязательно должна отвечать?

– Да.

Шамс помолчала с минуту, затем рассказала об эксперименте в образовательном центре.

– Это была программа, за участие в которой я смогла установить бонусные информационные ядра. Мне предложили на выбор либо получить полный курс образовательной программы резонансного инженера, либо базовый уровень продвинутого знания во всех доступных областях. Я выбрала второе.

– И поэтому Пер-Либан привлек тебя в свою команду? – недоверчиво спросил Рэкш.

– Универсальный сотрудник нужен всем, – пожала плечами Шамс.

– А как насчет той безумный суммы, что заплатили Фивы клирикам в качестве откупных, чтобы получить тебя?

– Это не откупные. Это залог. Эксперимент, в котором я принимала участие… В общем, клирики боялись огласки и нам надлежало находиться под их присмотром, пока исследования не перейдут на новую ступень и данные, которыми мы располагаем, не утратят актуальность.

– И что, глава «Фив» так сильно хотел заполучить тебя, что пошел на договор с клириками?

– Я удаленно работала на проект больше года, – сказала не без гордости Шамс. – Начинала с самых низов. Забралась по карьерной лестнице так высоко, как только можно, но, сам понимаешь, нельзя раскрыться, когда ограничен в передвижении и каждое произнесенное тобой слово клирики

изучают под микроскопом на предмет, не выдаешь ли ты важную для них информацию об эксперименте.

– Так Пер-Либан изначально метил тебя на неофициальный пост главы промышленного шпионажа?

– А ты думаешь, такой залог выплатят за простого инженера? – Шамс кисло улыбнулась и покачала головой.

В тот день она интересовала адепта исключительно как лицо, обладающей некой информацией, ценность которой пока не определена. Рэкш относился к сотрудничеству как к долгосрочному вложению, которое, учитывая внушительные выплаты за получаемые услуги, приносит постоянный доход, но в один прекрасный день может оказаться золотой жилой.

Что касается самой Шамс, то она до чертиков боялась нового друга, который долгое время пользовался при встречах в Квазаре неопределенным коэффициентом восприятия, скрывавшим истинный облик, созданный точкой сборки. Услуги, которые Рэкш оказывал новой знакомой, были разными, но все они выходили за рамки закона и нормы бизнеса, установленные Всемирной иерархией. Шамс нравилась новая работа, особенно понимание собственной незаменимости в проекте. После того, как она вошла в первый круг разработчиков, прибыли игровой площадки значительно выросли.

Единственное, что беспокоило Шамс, не считая связей, подобных той, что была у нее с Рэкшем, так это что происходило с подопытными в проводимом Иерархией эксперименте, участником которого она стала в обмен на дополнительные ядра знаний? Особую настороженность вызывала космическая сумма залога, затребованная клириками, когда Пер-Либан пожелал видеть Шамс в своей команде. Конечно, для «Фив» это были допустимые расходы, но почему Иерархия так сильно боялась отпускать подопытных даже после того, как они прошли процедуру коррекции сознания? При воспоминаниях о последнем у Шамс всегда пробегала нервная дрожь по телу. Нет, она не боялась, что с ней делали что-то крайне скверное во время экспериментов, воспоминания о чем стерли впоследствии, но невозможно было избавиться от параноидального подозрения, что вместе с ядрами, где хранились знания о произошедшем в стенах образовательного учреждения, удалили и что-то еще, что-то важное, возможно из детства или настоящего.

Оставаясь одна, Шамс долгие часы проводила за тем, что пыталась вспомнить минувшую жизнь, надеясь, что так, восстановив в мелочах каждый этап, сможет найти недостающие детали. В том, что таковые есть, она не сомневалась. Особенно после того, как детально изучила процесс корректировки,

которому была подвергнута, – обширные всесторонние знания помогали достаточно быстро анализировать необходимую информацию. Корректировка производилась на самом глубоком уровне, с полным удалением ядер воспоминаний без возможности их дальнейшего восстановления. Процедура стремилась захватить как можно больший участок, чтобы не упустить ничего. Так, например, Шамс даже не помнила лиц клириков, проводивших набор в группу. Сохранилось что-то разрозненное о том, как она узнала об экспериментальной программе, но затем все смазывалось.

После нескольких лет работы в «Фивах» она провела полное обследование своего тела, надеясь, что это даст ответ на вопрос, что же с ней делали во время эксперимента. Но отклонений не было выявлено. С одной стороны, это успокаивало, потому что Шамс постоянно думала, что у нее либо удалили какие-нибудь важные органы, либо изменили саму структуру ДНК – иначе зачем такая секретность? «Что если клирики задались целью вырастить новую расу людей, изменив тех, что живут сейчас?» – спрашивала она себя, пока серия тестов и анализов не доказала необоснованность подобных домыслов. Шамс было выдохнула с облегчением, но затем параноидальные мысли вернулись. Если ее физическая оболочка не подверглась изменениям, значит есть вероятность, что пострадала энергетическая составляющая личности: протоколы точки сборки, связь тела и сознания, способность переходов между мирами КвазаРазмерности – да все что угодно!

Шамс нашла акеми, занимавшегося исследованиями личности. Его звали Пай-Мик, и он уже стал легендой, сумев некогда взломать базовые протоколы точки сборки. Старый и ворчливый, он брал за свои услуги неприлично много и делал очень мало, но Шамс хотела, чтобы ее проблемой занимались лучшие.

– Не знаю, что ты вбила себе в голову, но твоя точка сборки и протоколы личности в полном порядке, – сказал Пай-Мик, закончив исследования.

– Но если оставленное в Размерности тело в порядке и протоколы личности не повреждены, тогда что со мной не так?! – всплеснула руками Шамс.

Пай-Мик долго смотрел на нее, затем сказал, что он акеми и работает только с тем, что находится в Подпространстве.

– А тебе, – добавил он, – нужно, как я думаю, лечить голову. На своем веку я встречал многих, кто хотел считать себя особенными, придумывая все что угодно… Включая тайные эксперименты, проводимые над ними в секретных лабораториях.

Одни винят клириков, другие адептов «Мункара и Накира», а третьи вообще выходят за рамки и устремляют свои нападки на Архитектора, создавшего дом жизни и прописавшего схемы жизнеустройства, согласно которым функционирует наш мир… К каким из этих трех групп относишь себя ты?

– Наверное, к первой, – честно призналась Шамс.

Пай-Мик тяжело вздохнул и посоветовал выбросить из головы подобные мысли. Шамс пообещала, что именно так и поступит, придерживаясь этого курса больше года, но затем вопросы снова взяли верх над желанием забыться, и она решила использовать последнюю возможность – обратиться за помощью к Рэкшу. Расплачиваться за услугу, пользуясь универсальным счетом игрового проекта «Фивы», она не осмелилась, создав собственный фиктивный счет, на случай если кто-то решит проследить за движением ее личных средств.

Рэкш выслушал историю Шамс и пообещал навести справки. Она сказала, что готова ждать столько, сколько нужно. Адепт связался с ней три дня спустя и назвал адрес незаконного центра Энрофы, где группа специалистов по работе с нейронными сетями Размерности взялась провести полное обследование интегрированного Шамс жидкого чипа.

«При чем тут мой жидкий чип?» – гадала она, направляясь к названному адептом терминалу.

– Никогда не думала, что жидкий чип могут тестировать в Квазаре, – сказала Шамс, когда ей предложили забраться в капсулу для перехода в Подпространство.

– Специалисты Энрофы не работают в Квазаре, – хмуро сказала молодая девушка, заставив Шамс занервничать.

– Что, черт возьми, это значит?

Девушка не ответила, терпеливо ожидая, когда Шамс сделает то, что от нее требуют. Бормоча проклятия, она забралась в капсулу.

– Мы позаботимся о теле, пока ваше сознание будет находиться вне физической оболочки, – произнесла девушка стандартную фразу работников терминалов.

Шамс машинально кивнула и закрыла глаза.

Переход оказался на редкость болезненным и мучительно долгим, словно создателей терминала совершенно не заботило, что будет чувствовать человек в этот момент. Впрочем, едва сформировалась точка сборки для интеграции извлеченного сознания в мир энергии, как тут же стали доступны информационные протоколы, объясняющие, что дискомфорт от перехода компенсируется высоким уровнем защиты расположенного в Подпространстве микромира. Знания

становились доступны в случае, если визитер, испытав дискомфорт от перехода, желал получить ответы и объяснения. Шамс желала. После экспериментов в образовательном центре она вообще с подозрением относилась ко всему, что уклоняется от нормы.

Мир Энрофы никогда не претендовал, чтобы разрастись до размеров Квазара. Это была гигантская группа крошечных исследовательских центров, построенных в Подпространстве, и объединенная в сеть. Когда Энрофа только появилась как наука, исследуя возможности замещения тел, клирики воспринимали ее как паразита, от которого нужно избавиться. Но открытия, сделанные последователями молодого учения, заставили Институт всемирной иерархии ударить по тормозам и посмотреть, что нового Энрофа может явить миру. В то время у клириков был реальный шанс задушить молодую науку на корню, но они этого не сделали, а потом стало уже поздно.

Объявленная вне закона, Энрофа находилась в подполье с первых дней своего существования, и попустительство клириков воспринималось молодыми учеными как временное явление, которое долго не продлится. Поэтому они разработали план отступления – сложную сеть исследовательских центров, разбросанных в энергетических слоях трехмерного времени Подпространства, как звезды на небе. Вот только в отличие от звезд положение центров Энрофы невозможно было проследить. Индексация в сложной системе координат постоянно менялась, и вычислить закономерность клирики не могли, как ни пытались.

Ученые, создавшие гаситель резонансов Подпространства, организовали сложную связь, корни которой уходили к системным слоям мира энергии. Учитывая, что информационные ядра последователей Энрофы были недоступны для образовательных центров, взломать код связи и перемещения центров мог только представитель этой науки. Будь на их месте акеми, то, возможно, клирики и смогли бы договориться с парой-другой ученых, но с представителями Энрофы торги и угрозы теряли свою силу. Причиной была еще одна сложная технология, позволявшая вживлять в извлеченное сознание фиктивные ядра-стражники, дремлющие до тех пор, пока другая группа вживленных ядер-наблюдателей не подаст сигнал опасности. Тогда ядра-стражники активировались и начинали уничтожать обычные ядра личности, отвечающие за воспоминания, стирая все накопленные знания. Так что попытки продать накопленные знания проваливались на начальных этапах, будь то продажный ученый, решивший

заработать, или системы допроса с пристрастием, разработанные хранителями. Клирики пробовали начать независимые исследования, но все они зашли в тупик. Двухуровневый мир существовал благодаря совместным усилиям, и любая попытка монополизировать механизмы жизни была обречена на провал. Это понимали ученые Энрофы, адепты «Мункара и Накира», акеми и даже клирики Всемирной иерархии, несмотря на консервативные взгляды.

Глава двенадцатая

Никогда прежде Шамс не встречалась с учеными Энрофы лицом к лицу. По слухам, они напоминали акеми, коих было в Квазаре в достаточном количестве, чтобы потерять интерес, но в действительности… Шамс показалось, что в действительности они отличаются от жителей двухуровневого мира так же, как коренные жители Размерности отличаются от жителей Квазара, словно Энрофа, сплетенная из сотен, а возможно, тысяч построенных в Подпространстве лабораторий давно стала третьим миром современной реальности. Здесь все было другим: не только люди, но и сам подход к построению и организации мира.

Искрящиеся образы Квазара, где сотканные из энергии строения обычно переливались всеми цветами радуги, здесь уступали место вычурной серости. Не было буйности красок, а линии не изгибались под причудливыми углами, но и сказать, что в Энрофе отсутствовала своя красота, язык не поворачивался. Этот мир завораживал индивидуальностью, потому что даже вычурность и монолитность ничуть не напоминали угловатость и блеклость созданных Иерархией строений в Квазаре. Взять хотя бы громоздкий и поистине неуклюжий центр отправлений, построенный клириками в Подпространстве, чтобы люди могли перемещаться между жилыми комплексами. Он был надежным, исправно выполнял свое предназначение, но… В то время как Квазар искрился фантазиями, импульсивными проектами и верой, что человечество не достигло пика развития, а стоит на первых ступенях уходящей в небо лестницы познания, разработки клириков напоминали бездушную прагматичность машин. Да, Всемирная иерархия всегда ставила главной целью защиту людей и улучшение условий жизни, но подход к этому и реализация давно превратились в запрограммированную функцию заботы о биологической оболочке, упуская из виду большинство других составляющих, без которых человек никогда бы не слез с дерева, не покорил огонь и не стал хозяином планеты, а возможно, сложись судьба чуть иначе, в перспективе были еще и далекие звезды и Галактики.

Что касается исследовательских центров Энрофы, объединенных в сложную сеть, образующую мир, то здесь, казалось, прагматизм клириков и эксцентричность акеми нашли золотую середину. Отсутствовали безумные идеи вроде создания детей Квазара, но не было и завуалированной борьбы за власть, терпкий привкус которой ощущался во всех проектах клириков,

убедивших себя, что, получив полный контроль над КвазаРазмерностью, они смогут сделать мир лучше.

Некоторые люди в современной двухуровневой реальности считали, что достойной властью могли бы стать адепты «Мункара и Накира», но Шамс, работая в эшелонах власти игровых проектов, давно поняла, что мир вертится только потому, что в нем остаются противоборствующие силы. Власть как торговля: убейте конкуренцию – и загнется не только рынок спекулянтов, но и весь технологический прогресс. О последнем довольно часто говорили на совете разработчиков, в который входила Шамс, приводя в пример игровую площадку конкурентов «Голод». Мелкие проекты проще было душить, чем соперничать с ними, доказывая свою состоятельность, а вот «Голод» был таким же левиафаном в мире игр, как и «Фивы». Конкуренция заставляла двигаться, придумывать новые «вкусности», чтобы завлечь игроков. С самого начала существования двух проектов между ними началась марафонская гонка, вышедшая в последние годы на финишную прямую. Требовались кардинальные перемены. Игры, на которых выросло не одно поколение, морально устаревали. Нужен был новый сильный проект, способный гордо заявить, что перешел на современный уровень понимания игровой индустрии, заманивая на свои площадки молодое поколение пользователей, для которых «Фивы» и «Голод» стали архаизмом.

Входя в первый круг разработчиков, Шамс никогда не занималась рутинными исследованиями и планированием. В ее обязанности входил промышленный шпионаж, кража чужих идей и проектов, но, оказавшись в исследовательском центре Энрофы, имея доступ к базовому пониманию этого мира, она подумала, что из этого можно было бы выжать неплохую идею будущей игровой площадки. Что-нибудь о технологиях, развитии и образовании. Клирики и адепты могут стать злодеями, акеми и резонансные инженеры – конкурентами. Впрочем, весь мир КвазаРазмерности будет прямым конкурентом. Энрофа превратится в третий уровень реальности и будет бороться за независимость, потому что сможет объединить миры материи и энергии. Последняя мысль прицепилась к сознанию назойливой мухой, заставляя всерьез рассматривать вероятность существования третьего уровня реальности. «Интересно, а ныне существующая сеть Энрофы, учитывая, что у нее реализовано слияние с миром материи, может претендовать на роль нового вида реальности?» – подумала Шамс.

– Не забивай голову, – посоветовал появившийся молодой ученый по имени Ским. – Стремление к созиданию и разработкам

заложено в точку сборки каждого, кто появляется здесь.

– Вы используете базы игровых ТС с возможностью подмены основных протоколов восприятия? – удивилась Шамс.

– О нет, – снисходительно улыбнулся Ским. – Местные точки сборки далеко ушли от тех, что используются в «Фивах».

Шамс вздрогнула, понимая, что стал доступным информационный протокол, объясняющий принципиальное отличие ТС Энрофы от других.

– Весь секрет в доработанных терминалах! – просияла она, пользуясь ставшими доступными знаниями.

– Не доработанных, а полностью измененных, – поправил Ским. – Твоя точка сборки имеет статус гостевой, так что доступен лишь базовый уровень знаний, но если ты попытаешься сосредоточиться и отыскать среди новых ядер воспоминаний сведения о базисах мира Энрофы, то поймешь…

– Что он уникален! – сказала Шамс, обрывая нового знакомого на полуслове, потому что, последовав его совету, нашла все, о чем он собирался сказать.

– Молодец. Схватываешь налету, – похвалил Ским.

– Я получила базовый уровень знаний всех наук и специальностей, доступных легальному образовательному центру Размерности, – не без гордости заявила Шамс.

– Мы знаем.

– Знаете? – она хотела спросить: «Откуда?», – но отыскала в доступных информационных протоколах ответ раньше, чем успела произнести вопрос.

Точка сборки, благодаря которой она могла существовать в мире энергии, не являлась необходимым для общения и взаимодействия интерфейсом, как в мире Квазара. В Энрофе интеграция была совершенно иного плана. ТС и ядра сознания объединялись, образуя симбиоз. По сути, это уже не было точкой сборки, благодаря которым существовал Квазар. Новая система выходила на принципиально иной уровень, позволяя проводить глубокие интеграции ядер личности в субуровневые слои Подпространства, используя малоизученные связи системного кода схем жизнеустройства.

– Существует теория, что личность человека в действительности может путешествовать в двухуровневом мире без гасителя резонансов, – сказал Ским.

Шамс попыталась найти объяснения услышанного в дополнительных информационных протоколах.

– Пустое занятие, – снисходительно улыбнулся Ским. – Гостевая ТС получает только базовые и проверенные временем данные.

– То есть устаревшие, – тут же прищурилась Шамс.

– Для КвазаРазмерности это передовые технологии. Впрочем, кому как не специалисту по промышленному шпионажу понимать, насколько важно защищать доступную информацию.

– Это Рэкш сказал, кем я работаю? – насторожилась Шамс.

– Ты слышала о том, кто такие нейропаты?

– Конечно, но при чем они тут? Разве их способности не заточены под нейронные сети? Я слышала, что многие из них сбегают в Квазар, чтобы избежать выжигания чувств, происходящего при активном пользовании сверхспособностями.

– И ты считаешь, что это место похоже на Квазар?

– Нет, но… – Шамс нахмурилась.

– Есть теория, что схемы жизнеустройства таят в себе системный код сразу двух миров. Если удастся разобраться в этом, то можно будет отказаться от используемых в терминалах гасителей резонансов.

– Надеюсь, вы понимаете, что без гасителей резонансов на вас насядут так, что мало не покажется. Контроль переходов в двухуровневом мире – ваш верный козырь.

– Наверное, этим мы и отличаемся от других наук и институтов власти, – улыбнулся Ским. – К тому же прямо сейчас мир не готов к новому виду переходов. Есть вероятность, что это кардинально изменит КвазаРазмерность.

– И вы думаете, что будете готовы к переменам лучше других.

– Это естественный вопрос выживания. Кто-то тормозит прогресс, чтобы не свалиться с состава жизни, как, например, Всемирная иерархия, кто-то раскручивает темпы развития до безумных оборотов, как акеми, а кто-то…

– Находит золотую середину? – попыталась предугадать слова нового знакомого Шамс.

– Нет, – качнул головой Ским. – Кто-то просто идет своим путем… Новые переходы между мирами материи и энергии обещают не только лишить Иерархию призрачной надежды контроля, но и приблизить разрозненные элементы реальности к консолидации. Уже сейчас есть технологии, позволяющие людям существовать в двух мирах. Правда, система мало изучена и нуждается в серьезной доработке.

– Похоже на мечты акеми о детях Квазара и эволюции человечества, когда удастся разорвать связь сознания и биологической оболочки.

– Когда-нибудь это, несомненно, случится, но прежде миру придется пройти через серию промежуточных стадий, одной из которых является тот мир, который мы планируем построить.

– Это как мечты клириков получить доступ к энергии

Подпространства и выкачивать ее через тонкие грани временных мембран?

– Не так примитивно.

– Я говорю о базисах, – Шамс примирительно улыбнулась и сказала, что причина, по которой она появилась здесь, как раз может быть связана с подобным экспериментом. – Есть много гипотез касательно того, какие эксперименты проводились над нами клириками, – спешно добавила она, увидев новую снисходительную улыбку на губах нового знакомого.

Его точка сборки была четкой, но детали почему-то ускользали. Шамс не могла понять, симпатичен он ей или нет. Восприятия начинались и заканчивались на подсознательном уровне, не позволяя подвергнуть их логической оценке.

– Многие считают это новым уровнем в понимании эмпатии, – сказал Ским.

– Ты можешь читать мои мысли?

– Не так, как это делают нейропаты в Размерности. В мире Энрофы связь между сознаниями осуществляется посредством отсылки к системному коду схем жизнеустройства, но программирование отличается от принципов создания Квазара, где основные протоколы пишутся на внешних слоях Подпространства. Модернизированная точка сборки мира Энрофы служит тем же, что жидкий чип в Размерности. Многие считают, что появление эмпатов, людей, способных тонко воспринимать переживания других, это ответ природы на подаренную людям способность читать мысли, выжигающую другие чувства, – Ским улыбнулся. – Если изучить историю, то фактов хватит, чтобы понять – мир запрограммирован стремиться к балансу.

– Никогда прежде не слышала про эмпатов, – призналась Шамс. – Хотя и о мире Энрофы я знала немного.

Она вздрогнула, получив доступ к дополнительным информационным ядрам, предупреждающим, что все сведения, полученные во время пребывания в мире Энрофы, помещаются в виртуальные ядра памяти точки сборки, доступ к которым будет утрачен при возвращении в Размерность.

– Хитро, – кисло подметила Шамс. – Выходит, вы сами никогда не покидаете это место?

– Покидаем, но, в отличие от гостевых точек сборки, наши сохраняют накопленные знания, оставаясь зашифрованными на уровнях системного кода схем жизнеустройства.

– Акеми взломать код не пытались? – наполовину в шутку, наполовину всерьез спросила Шамс.

– А какой смысл? – пожал плечами Ским. – Ключ шифра базируется на рисунке ядер личности – вы знаете ученых,

способных программировать на подобном уровне?

Шамс не ответила, понимая, что вопрос риторический.

– Ну ладно, – сказала она, изображая усталость. – Думаю, вступительная часть повестки дня исчерпана. Как насчет того, чтобы заняться тем, ради чего я пришла к вам?

Ским покорно склонил голову.

Протоколы движения соответствовали тем, что действовали в Квазаре, хотя Шамс ожидала чего-то подобного, как видела однажды в лаборатории акеми – нечто крайне современное, навеянное детскими фантазиями о будущем, которое никогда не случится. Двигаться в той лаборатории можно было, только изучив новые алгоритмы и принципы. Акеми говорили, что повсеместное применение подобных алгоритмов способно упростить транспортную систему Квазара, заменив устаревшие пульсары, маяки которых время от времени давали сбой, и сознания застревали в системе до ночной перезагрузки.

– Да, акеми частенько перегибают палку, – согласился Ским, заставив Шамс пожалеть, что нельзя блокировать доступ к мыслям людей, пользующихся гостевой точкой сборки.

– Это еще хуже, чем остаться голой, – сказала Шамс, понимая, что сейчас каждый, кто находится в лаборатории Энрофы, может узнать все, что у нее на уме.

Строений в этом мире не было. Материальный мир, отражавшийся в трехмерном времени Подпространства, отсутствовал.

– Отражения линейности материального мира становятся незаметны, если программировать на субслоях, нарушая синхронность системного кода, – сказал Ским, привлекая внимание Шамс, чтобы активировались необходимые информационные протоколы ТС. – Если не изменить ядра восприятия точки сборки, то сознания большинства ныне живущих людей не смогут воспринимать спутанный код временных мембран. Хватит нескольких минут, чтобы начали распадаться ядра личности.

– Большинство ныне живущих? – уцепилась за слова Шамс, потому что объяснений в информационных протоколах ТС найти не смогла. – Что это значит?

Ским улыбнулся. Она нахмурилась, пытаясь собраться, игнорируя посторонние чувства, на которые реагировало обостренное восприятие.

– Вы говорите о нейропатах? – догадалась Шамс, исключив остальные скудные варианты.

– Ряд экспериментов показывает, что природа сама подготавливает людей к переходу на новый уровень. Сейчас мы

работаем над новыми жидкими чипами, способными самостоятельно координировать ядра личности, позволяя адаптироваться к асинхронности системного кода.

– Не знала, что ученые Энрофы научились проводить корректировку личности в материальном мире.

– Все дело в модернизированных компенсаторах резонансов, – сказал Ским.

– Никто не даст вам построить свою сеть в Размерности, – фыркнула Шамс. – Даже если вы убедите клириков, что создаете новые терминалы во благо Института всемирной иерархии.

– Нам не нужны терминалы. По крайней мере, не такие, как вы себе представляете… – он замолчал, и Шамс подумала, что ответ есть в дополнительных информационных протоколах, но Ским, читая ее мысли, качнул головой. – Роль терминала будет возложена на модернизированные жидкие чипы. Прототипы уже сейчас готовы к первым тестам, но пока система работает только с нейропатами… – он прервался, ожидая вопросов.

Шамс молчала.

– Если хочешь что-то обсудить, то лучше сделай это сейчас, потому что этот разговор находится во временных ядрах памяти гостевой ТС и, когда ты покинешь Энрофу, останутся только чувства, связанные со всем, что касается наших разработок, – предупредил Ским.

Шамс задумалась на мгновение, затем махнула рукой.

– Какой смысл говорить, если я все равно об этом забуду?!

– Многие надеются, что им удастся что-то запомнить, – пожал плечами Ским. – Ходят слухи, клирики вербуют акеми, чтобы те разработали алгоритм поглощения временных ядер постоянными для агентов Иерархии, пробирающихся в мир Энрофы.

– И вы считаете, что те эксперименты, которые ставили на мне клирики, могут быть связаны с этим?

– Проведем ряд тестов и узнаем, – пожал плечами Ским.

Вокруг не было ни стен, ни силовых полей. Временные провалы негромко гудели, ограждая маршрут уходящими далеко вверх призрачными завихрениями. То тут то там виднелись условные проходы в отделы исследовательского центра Энрофы – простейший интерфейс без свойственных акеми прикрас, созданный для удобства пользования и надежной защиты от взломов. Не имея недостающей цепочки базисных ядер, индивидуальной у каждой личности, можно было миллион раз пересечь порог условного прохода, но ни разу не оказаться в нужной лаборатории.

– Нам направо, – сказал Ским.

Шамс посмотрела на затянутый дымкой проход. За ним ее

ждало пустое помещение, стены которого поднимались вверх, не имея потолка. Подключение произошло мгновенно, не успела Шамс войти. Образы ученых проявились из пустоты. Они не представились, не поинтересовались, как дела.

– Что они делают? – спросила Шамс, когда ученые окружили ее.

– Работают, – бросил Ским. – Сейчас они разделяют ядра твоей личности, замещая их собственными. На какое-то время ты перестанешь существовать. Твоя точка сборки будет управляться личностью, собранной из частей этих ученых. Твоя личность разрушится и заместит недостающие части ученых своими ядрами. Это позволит им создать сеть и усилить сигнал, связывающий твою личность с оставленным в материальном мире телом. В результате появится возможность провести удаленную диагностику жидкого чипа и связей личности с системным кодом Подпространства.

Ским продолжал говорить, но Шамс уже перестала понимать его. Восприятия спутались, а мысли превратились в далекое эхо. Несколько секунд разделенная на части личность пыталась адаптироваться и обрести независимость, затем стала частью ученых, подавленная преобладающими чужеродными ядрами. Посторонние мысли и чувства хлынули в сознание, когда ученые, разделившие между собой личность Шамс, объединились в сеть. Причем чужие восприятия казались собственными, и все силы уходили на то, чтобы понять их природу. Нечто подобное происходило и с чужими мыслями. Каждый ученый думал о чем-то своем, но Шамс принимала общий сигнал, не в силах понять вообще ничего. Если ее чувства не были подчинены другими личностями, то она закричала бы от страха, но ученые были сосредоточены на работе, и Шамс не могла даже испугаться.

Где-то рядом находился Ским, но она воспринимала его с точки зрения доминантных личностей, поглотивших ее собственную личность. Время то замедляло, то ускоряло бег, а потом и вовсе остановилось, осыпавшись чернотой. Чужие мысли и чувства отступили, но без них мир показался неприлично тихим и бездушным. И пусть пару мгновений спустя вернулись собственные восприятия, Шамс все равно чувствовала опустошенность.

– Это скоро пройдет, – пообещал Ским.

Шамс отрешенно кивнула. Работавшие с ней образы ученых растаяли, оставив результаты исследований Скиму. Понимание этого появилось в сознании Шамс, но она не смогла сосредоточиться на дополнительных информационных протоколах. Ским терпеливо ждал. Шамс чувствовала его

спокойствие, вливавшееся в сознание немотой, которой и так уже было в излишке. Собственные воспоминания казались призраками жертв, пришедшими за душой своего палача. Минувшие события тянулись к Шамс, и ей стоило больших усилий, чтобы не противиться им, зная, что это часть ее жизни, правда сейчас прошлое напоминало больше чуждый пониманию балаган: какофония голосов, маскарад лиц, хоровод поступков и связей.

Ским активировал новый поток информационных протоколов, содержащих сведения о базах квазацентристов, построенных в Подпространстве. Шамс насторожилась, не понимая причин появления дополнительных знаний.

– При чем здесь тонкие грани временных мембран и базы класса «Виадос»? – спросила она. – С тех пор сменилось уже не одно поколение.

– Квазацентристы изучали временные мембраны не только ради того, чтобы отыскать центр мира и понять роль Конструктора в схемах жизнеустройства, – сказал Ским. Его голос привлекал внимание, заставляя собраться, отвлекаясь от восстановления личности.

– Так клирики удалили наши воспоминания о том, что эксперименты проводились в Квазаре? – спросила Шамс.

– Нет. Эксперименты касались Квазара, но проводились в основном с твоим жидким чипом.

– Что это значит? – она получила повторный доступ к информационным протоколам, рассказывающим об экспериментах ученых Энрофы по созданию новых жидких чипов, способных заменить терминалы для перехода в Квазар. – Выходит, Иерархия работает над тем же проектом, что и вы?

– Нет, – Ским решительно качнул головой. – У нас принципиально новые жидкие чипы, модернизированные нейронные сети и работа непосредственно с системным кодом Подпространства, а здесь… – он замолчал, и Шамс подумала, что новый знакомый подбирает слова, но в действительности Ским ждал, когда ученые, проводившие анализ, примут решение, снабдив его необходимой информацией. – Нет следов, что клирики работали с системным кодом или пытались модифицировать жидкий чип для извлечения и переноса сознания.

– И что это тогда?

– На данный момент единственным разумным объяснением подобного может быть только предположение, что клирики продолжают разработки альтернативных источников энергии.

Шамс нахмурилась, снова изучая доступную информацию

о проектах квазацентристов и базах класса «Виадос». Ским терпеливо ждал.

– Что-то я не вижу связи, – призналась она наконец.

– Жидкий чип при должных доработках может работать не только с материальной оболочкой человека, но и с ядрами сознания, при условии, что человек находится в капсуле терминала переходов, а его личность отправлена в Подпространство. Связь тела и сознания продолжается, превращаясь в единственно известную на данный момент реально существующую связь двух принципиально разных миров. Ученые с момента открытия Подпространства мечтают получить доступ к неиссякаемому источнику мира энергии, который сможет обеспечить все нужды материального мира. Вопрос стал особенно актуален после того, как мир затянул Великий ледник, но все это не имело смысла, оставаясь теориями, пока квазацентристы не начали поиски центра мира, выдвинув версии о существовании мембран времени, разделивших миры.

– Хотите сказать, что клирики планируют превратить жителей Квазара в батарейки? – недоверчиво прищурилась Шамс.

– Не напрямую, но это давно происходит, учитывая, что каждый коренной житель Квазара, пока его сознание находится в Подпространстве, потребляет минимум энергии, а если сравнивать с активными жителями Размерности, то затраты вообще становятся смехотворными.

– Одно дело – компенсировать нехватку энергии, снижая затраты, и совсем другое – превращать людей в батарейки, – фыркнула Шамс, окончательно придя в себя.

– В проводники, – поправил Ским. – Связь человеческого сознания с физической оболочкой превратится в канал, по которому в Размерность будет доставляться энергия Подпространства, направляясь посредством нейронных сетей на модифицированные генераторы… Впрочем, несколько наших ученых говорят, что проще отказаться от старых генераторов, формируя новую систему питания непосредственно из жидких чипов, объединяя людей в группы. Это снизит передвижения жителей комплексов и заставит людей вновь формировать тесные общины, что упрощает системы контроля и воздействия.

– Надеюсь, я не доживу до этого дня, – бросила Шамс, спросив, что удалось выяснить касательно удаленных воспоминаний. – Как много они затерли ядер личности?

– Немало, но детство не затронуто. Правда, восстановить то, что связано с экспериментом, не удастся. Плюс уничтожено по несколько месяцев воспоминаний в обе стороны от ключевого момента. Коррекция, конечно, жесткая, но если не повторять

подобного, то последствий быть не должно.

– Плевать на последствия. Я больше всего боялась, что они под замах уничтожили часть моего детства. Или вообще – напортачили и, заметая следы, добавили, как преступнику, что-то никогда не принадлежащее мне.

– Нет, с этим все в порядке, – заверил Ским.

Дело было сделано, и Шамс чувствовала, что пора покидать мир Энрофы.

– Какая часть наших разговоров сохранится у меня? – спросила Шамс.

– Никакой, – ошарашил ее Ским, заставив открыть рот. – Необходимые данные получит адепт Рэкш. Получите необходимые данные от него.

– А найти компромисс не получится?

– Компромисс? – Ским задумался, изучил доступные благодаря гостевой ТС мысли Шамс и качнул головой.

Спорить не было смысла. Время визита закончилось. Шамс вспомнила, каким мучительным был переход в мир Энрофы.

– Возвращение в Размерность вызывает меньше дискомфорта, – сказал Ским.

Шамс слышала его голос, но образ его уже смазался. Гостевая точка сборки распадалась. Шамс вспомнила чувства, пережитые недавно, когда ее личность разобрали на части, и подумала, что хуже той опустошенности быть не может… «Хуже чего?» – спросила она себя, тщетно пытаясь ухватиться за временные ядра воспоминаний, угасающие вместе с гостевой ТС. Последним стерся образ Скима.

Когда Шамс очнулась в капсуле терминала, девушка из обслуживающего персонала заставила ее назвать свое имя, дату, место нахождения. В память от визита в мир Энрофы осталось понимание, что нужно встретиться с Рэкшем – что-то очень важное.

«Но что именно?» – гадала Шамс, оставляя на информационном щите Квазара запрос на встречу с адептом и личный ключ резонансов, без которого во время ночной перезагрузки пользователь вылетал из системы, превращаясь в призрака, затерянного в трехмерном времени Подпространства. «Надеюсь, это что-то стоящее», – хмуро подумала Шамс, понимая, что встреча с Рэкшем должна состояться по личному вопросу – скудная информация, сохранившаяся после визита в мир Энрофы.

Получив координаты встречи, Шамс воспользовалась местной сетью Квазара пульсар, сделала четыре пересадки у маяков, прежде чем добралась до места, где обычно собирались владельцы кубов переносов. Большинство из них отказывались

перевозить одного человека, предпочитая ждать, когда наберется группа туристов, чтобы можно было побольше заработать. Шамс не была стеснена в средствах, но большинство владельцев кубов ни за какие коврижки не соглашались отправляться в неиндексированные территории Квазара, пользуясь неизвестными координатами. Особенно сложно в самом начале было найти готового рискнуть владельца. Потом рука набилась и Шамс начала определять нужных владельцев кубов с полувзгляда, хоть большинство из них и пользовались протоколами неопределенного коэффициента восприятия, пряча свой образ за бесконечным множеством лиц и форм тела.

Ничего не изменилось и на этот раз. Даже ворчание владельца куба, набивавшего себе цену, клятвенно заверяя, что предложение отправиться в неиндексированные территории Квазара попахивает нарушением установленных клириками законов.

– Хочешь соответствовать догмам Иерархии – отправляйся в Размерность, – бросила Шамс, устав от стенаний.

Куб задрожал, выпустив из находившегося в центре шестигранника тонкие лучи света, почувствовавшие близость точки энергетической сцепки. Остановка вышла жесткой, и Шамс выругалась, решив, что виной всему старые протоколы куба переносов. Владелец притворился, что не услышал, запросив новые координаты. Вцепившиеся в ТЭС лучи натянулись, готовясь к следующему прыжку. Мир Подпространства смазался. Восприятия начали сбоить. «А ведь я уже успела привыкнуть к этому дискомфорту, – подумала Шамс, отмечая, что последнее время все чаще пользуется услугами адептов. – До добра это не доведет. Если продолжить в том же духе, то либо мной заинтересуются хранители, либо адепты примут в свои ряды». Отчасти эти мысли оказались провидческими – в скором времени Шамс окончательно увязнет в крупных аферах, заключит договор с разработчиками «Голода», чтобы разорить «Мекку», и услышит от Рэкша, что их отношения переросли стадию «клиент – заказчик». Потом он назовет ее другом и попросит оказать услугу – спрятать его семью в жилом комплексе Galeus longirostris.

Глава тринадцатая

«И что мне теперь с ними делать?» – ломала голову Шамс, оставшись с Инт-Фла и ее сыном наедине. Рэкш заверил, что его семья не имеет к адептам «Мункара и Накира» никакого отношения, и попросил присматривать за ними, пока он не сообщит, что опасность миновала. «Вот я и вляпалась», – хмуро думала Шамс, наблюдая за сыном Рэкша. Мальчик был сущим дьяволом: носился по квартире как ураган, задавая кучу вопросов, причем не имело значения, о чем спрашивать, – казалось, ему просто нравилось привлекать подобным образом к себе внимание. Вначале Инт-Фла одергивала сына, требуя не приставать к новой знакомой, но Шамс почему-то считала, что это может обидеть отца ребенка, Рэкша, и каждый раз уверяла, что мальчик не мешает ей, однако домой с каждым новым днем хотелось возвращаться все меньше и меньше.

– Выглядишь так, словно имела глупость обратиться в репродукционный центр, чтобы обзавестись потомством, – сказал Думах, чопорный карлик, представлявший интересы «Голода».

– О чем ты? – изобразила недоумение Шамс, решив, что Думах заметил ее нервозное состояние касательно неопределенности с семьей Рэкша.

– Как-то раз я встречался с молодой мамашей, – пояснил карлик. – Так вот она, задерганная ребенком, выглядела так же, как ты сейчас.

– К черту детей, – буркнула Шамс, вспоминая сына адепта. – Мерзкие создания.

Однако не прошло и двух недель, как она поняла, что привязалась к мальчику. Сначала пришлось запомнить его имя – Палтар, – хотя Шамс всеми силами пыталась не делать этого, надеясь, что так сможет сохранять дистанцию. Мальчик понял это и каждый раз, заставая Шамс врасплох, называл ей свое имя. Она выставила нейронные блокировки шума на максимум, но система, казалось, была бессильна перед детским напором – голос мальчишки пробивался через блокировки, прочно заседая в памяти и оставаясь на весь день.

Как-то раз Шамс приснилось, что Палтар ее сын, а не Инт-Фла, и она проснулась в холодном поту. Страх вызвал не тот факт, что она стала матерью, а то, что отцом ребенка был адепт, и мальчик, можно сказать, постоянно находился под прицелом. Адепты переходят дорогу многим, и каждый, кто хочет отомстить, но не располагает для этого необходимой силой, сможет

отыграться на беззащитном ребенке, зная, что это причинит боль отцу.

– О чем мечтаешь? – спросил Думах, когда Шамс в очередной раз отвлеклась от работы, увлеченная воспоминаниями о проказах Палтара, которые уже не столько злили, сколько вызывали невольную улыбку. Многие шалости мальчишки были не со зла, а просто… «Просто потому что он мальчишка», – подумала Шамс, затем поняла, что к ней обращается Думах, и смутилась.

– Прости, о чем ты спрашивал?

– Я говорю: о чем мечтаешь? – последние слова карлик произнес нараспев, подчеркивая, что издевается над коллегой.

– Думаю, какой ход сделает Адриил, если узнает, что мы заключили договор с адептом, чтобы сбросить его с временного поста управляющего «Меккой», – соврала Шамс.

– Полагаю, проблем у нас будет хоть отбавляй, – скривился карлик. – Не вижу ни одной причины, чтобы улыбаться, думая об этом.

– Я улыбалась? – опешила Шамс.

Думах кивнул.

– Черт…

– И что это значит? – он пристально смотрел на нее.

Шамс молчала, пытаясь придумать, как выпутаться, чтобы Думах поверил и перестал цепляться с назойливыми вопросами.

– Ты как ребенок! – вспылила она, неожиданно даже для самой себя.

Карлик удивленно выпучил глаза.

– Если не хочешь разговаривать, так и скажи, – обиженно произнес он.

– Да дело не в этом… – Шамс замолчала. Мысль о том, какой будет месть Адриила, когда он узнает о заговоре, принесла тревогу. Не за себя, нет. За Инт-Фла и ее сына.

«А если Адриил решит, что это мои родственники?» – подумала Шамс.

– Есть мысли, какими будут ответные шаги Адриила? – спросила она карлика.

– Меньше, чем хотелось бы, – признался он. – Когда мы выбирали Адриила из ряда претендентов на роль главы фиктивного финансового отдела, которому надлежало разорить и выкупить «Мекку», он был темной лошадкой… Боюсь, ничего не изменилось и сейчас.

– Но сомнений в том, что он будет бороться, нет?

– Не будь ребенком! – поморщился карлик. – Кто откажется от такой власти?! «Мекка» сейчас – самая ожидаемая игровая

площадка современности. Это бомба в мире развлечений. К тому же руководители «Голода» и «Фив», стоящие за финансовым отделом Адриила, не собираются в ближайшее время выходить из тени. Не знаю, как Пер-Либан – ты работаешь на него, не я, – а мой босс считает, что при грамотном менеджменте рухнувший «Голод» может принести немалую прибыль в ближайшие несколько лет. Главное – убедить игроманов, что анархия на площадке – это результат запланированного развития проекта и трамплин для перехода на принципиально новый уровень.

– У меня схожая ситуация, только прибыли планируется получить за счет сворачивания всех разработок. Если первый запуск «Мекки» не выявит проблем и спрос на игровые ключи этого проекта не упадет, то Пер-Либан отправит «Фивы» в свободное плавание. Из всех дорогостоящих проектов планируется оставить лишь разработку площадки «Эдема», запустив в СМИ слух о создании нового отдела. Аналитики глотают подобную наживку за милую душу. Для них каждый новый отдел – показатель роста и успешности.

– Да, Елим тоже так считает, – подметил Думах, рассказывая о выступлении руководителя «Голода» на экстренном сборе совета разработчиков после обрушения игровых систем.

– О фикции с отделом Адриила по-прежнему знает только избранный круг людей? – поинтересовалась Шамс.

Карлик кивнул.

– Думаю, если мир не встанет с ног на голову, то в ближайшие несколько лет финансовый отдел Адриила продолжит возглавлять «Мекку», а Елим и Пер-Либан останутся у руля «Голода» и «Фив».

– Не самый благоприятный расклад для нас с тобой, – подметила Шамс.

– Зато благоприятный для Адриила. Если наши руководители предпочтут оставить свои права на «Мекку» в тайне, то мы, считай, уже проиграли Адриилу, потому что наше присутствие в его команде нежелательно, потому что намекает на связи с «Голодом» и «Фивами». Представь, какую шумиху поднимут аналитики, когда узнают об этом!

– Ну, если это все, что есть у Адриила, то, полагаю, мы сможем потягаться с ним за власть, – устало улыбнулась Шамс. – Если дискредитировать его в глазах наших руководителей, то, заручившись поддержкой Прай-Ми, можно будет взять бразды правления «Меккой» в свои руки. Конечно, Пер-Либан и Елим сейчас нарадоваться не могут на результаты, которые показывает Адриил, но он темная лошадка – никто

не знает, чего от него ждать, а мы надежные и проверенные временем сотрудники.

– Ты все еще надеешься удержать Прай-Ми в проекте? – скривился карлик, напоминая, что после того, как по просьбе Шамс за его родственников всерьез взялись адепты, он предпочел сбежать, вместо того чтобы начать сотрудничать.

– Думаешь, он снова сбежит? – спросила она.

– Как пить дать!

– Но мы превратили его в знаменитость. Все связанные с игровой индустрией СМИ говорят о нем. Он должен понять, что мы не желаем ему зла. Он нужен нам в роли союзника, – Шамс всплеснула руками. – Разве того, что мы превратили его для игроманов в звезду первой величины, недостаточно, чтобы поверить в наши благие намерения?

– Боюсь, на две третьих он сам превратил себя в звезду, играя за «Голод», когда спасал брата.

– И что? Мы всегда могли заплатить кому надо, и героем стал бы кто-то из сопротивления небожителей. Тур или Кьюмак, например.

– Тебя послушать, так Прай-Ми должен благодарить нас даже за то, что дышит, – ухмыльнулся Думах.

– Он сам выбрал свой путь, – поморщилась Шамс. – Я предлагала ему продать проект «Мекка» Пер-Либану, когда они с братом работали на «Фивы». Это избавило бы всех от ряда проблем. К тому же в одиночку он все равно никогда не смог бы запустить «Мекку» – в современном мире на одной гениальности далеко не уедешь, нужны серьезные инвестиции, а в случае проекта Прай-Ми – колоссальные. Ни один финансист в здравом уме не стал бы вкладывать в «Мекку» свои сбережения. В лучшем случае братьям дали бы денег на пилотный проект, а учитывая нестандартность разработок, без рекламы никто бы не обратил на «Мекку» внимания, воспринимая площадку в качестве очередного набора идей разработчиков-однодневок, что появляются и гаснут каждый день, ничего не оставляя после себя.

– Ты выдаешь желаемое за действительное, – хмуро подметил Думах. – До того как мы насели на «Мекку», у них неплохо шли дела. Может быть, на ранних этапах, когда братья только покинули «Фивы», все обстояло именно так, как ты говоришь, но после того, как Харуту взялся финансировать их, проект ушел намного дальше стадии пробных запусков.

– Звучит так, словно ты симпатизируешь братьям, – прищурилась Шамс.

– Просто констатирую факты, – пожал плечами Думах. –

Они были конкурентоспособны, пока не вмешались мы, – первая причина из длинного перечня, чтобы затаить на нас зуб. Ты не рассматриваешь вариант, что, раскручивая популярность братьев, заставляя продажные СМИ говорить снова и снова о них, создавая настоящий культ, мы рискуем получить еще одного сильного врага. Я уже не говорю о том, что из двух зол – Адриил с одной стороны и мы с другой – братья могут выбрать то, что причинило им меньше вреда. Полагаю, не стоит уточнять, что это будем не мы?

– Если бы Адриил хотел, то давно попытался бы связаться с братьями.

– Откуда ты знаешь, что он этого не сделал? – карлик параноидально огляделся. – Что если они решили выждать, и сейчас, раскручивая имя Прай-Ми, мы работаем против себя, создавая сильного врага, который ждет удобного момента, чтобы обозначить свою позицию.

– Если так, то… – Шамс на мгновение задумалась, пытаясь унять внезапное волнение. – То мы узнаем об этом в ближайшие дни, – сказала она, стараясь придать голосу усталый тон. – Лучшего момента, чтобы открыть карты, не придумаешь.

– Думаю, в таком случае для нас это будет означать шах и мат, – задумчиво произнес Думах.

– Шах и мат? Что это значит?

– Когда-то давно была такая игра… – карлик поморщился. – Неважно – долго рассказывать.

Шамс кивнула, прислушиваясь к едва различимому гулу, который клирики списывали на незначительный сбой нейронных сетей седьмого поколения, обещая устранить неисправность в ближайшее время. Шамс вспомнила, что вездесущий гул, появившийся в тот день, когда Прай-Ми покинул «Голод», очень беспокоил Палтара. В последние дни мальчик был сам не свой.

– Ты не смог выяснить, когда клирики устранят сбой? – спросила Шамс.

– Мне кажется, они сами не особенно понимают, как от этого избавиться, – сказал карлик.

Когда гул только появился, совпав с возвращением Прай-Ми, они выложили приличную сумму единиц Влияния, чтобы продажные СМИ связали системный сбой с создателем «Мекки». Интерес общественности к Прай-Ми рос, и вместе с ним рос интерес к его игровому проекту. Несмотря на закулисную борьбу с Адриилом, цели Шамс и Думах преследовали с ним одинаковые. К тому же их противостояние и существовало только благодаря «Мекке». Без сверхуспешного проекта Прай-Ми им нечего было делить.

– Говорят, братья хотят следом за «Голодом» обрушить «Фивы», – сказал Думах, получив информационное сообщение по нейронному каналу.

– Что? – не поняла Шамс, увлеченная мыслями о семье Рэкша. – Разве это не наша утка, чтобы подогреть интерес фанатов и вызвать дополнительные конфронтации?

– Не знаю, что задумали братья в действительности, но только что мне сообщили, что они приобрели игровые ключи «Фив» и покинули Размерность, – сказал растерянно карлик.

– Вот как… – хмыкнула Шамс, окончательно сбитая с толку. – Никогда не понимала Прай-Ми. Наверное, виной всему, что он генетическая аномалия… Хотя ты тоже генетическая аномалия, но с тобой мне проще.

– Это комплимент?

– Нет, просто констатация фактов. – Шамс отрешенно отметила, что будет нелишним связаться с руководством «Фив» и поинтересоваться, что они собираются предпринять в отношении Прай-Ми.

– Будет не очень хорошо, если он пропустит запуск «Мекки», – подметил Думах, но тут же добавил, что если братьям удастся обрушить «Фивы», то это прибавит к и без того немалому количеству пользователей «Мекки» как минимум треть вылетевших после обрушения «Фив» игроков.

– «Фивы» невозможно обрушить, – отмахнулась Шамс.

– Как и «Голод», – снисходительно улыбнулся карлик, напоминая, что охотникам за наживой никогда бы не удалось, возглавляя бунтующих, сломить сопротивление небожителей и автоматических защитных систем, если бы на совете разработчиков не решили, что на обрушении можно неплохо заработать.

– Не сравнивай «Голод» с «Фивами». Адаптивные алгоритмы Подпространства пластичнее аналогов Размерности. Процесс запущен, и корректировки разработчиков касаются в основном расширения площадок или устранения возникающих недочетов. За остальное отвечают аналитические системы, функционирующие независимо от желания главы проекта или его замов.

– Говоришь как на выступлении по нейронному новостному каналу, – кисло подметил Думах.

– Не веришь моим словам?

– Не всем.

– Тогда подумай о том, что в «Фивах» сейчас количество имитаций в несколько раз превышает количество реальных игроков. Спрос падает, и иллюзия массовки создается, можно

сказать, из воздуха. Если вмешаться в работу адаптивных алгоритмов, то контроль над имитациями нарушится. Система рассчитывает игровой процесс далеко вперед. Механизм контроля работает как целостный организм. Конечно, рычаги воздействия есть, но менее явные, чем в «Голоде».

Они переглянулись и не сговариваясь сменили тему, переходя к проблемам, связанным с первым запуском «Мекки». И Шамс, и Думах были инженерами, так что техническая часть вопроса заботила не меньше социальной. То, что Прай-Ми не появится на первом запуске, несомненно, плохо, но не смертельно, а вот если игра, загрузив пользователей, начнет сбоить на одном из двух уровней реальности, то это будет означать провал. Ни один крупный проект не испытывал явных трудностей в первые месяцы. Люди любят новшества, но ценят стабильность.

До того как сбежать, Прай-Ми присутствовал на площадке при тестовом запуске и отметил столько нюансов для исправления, что будь его воля, проект пришлось бы заморозить на ближайший год, вернувшись на стадию дельта-тестирования. Шамс и Думах изучили отчет Прай-Ми и вычеркнули из списка, казавшегося бесконечным, все, что не несло опасности для стабильного функционирования.

Решено было нанять стороннее аналитическое агентство и провести независимый опрос среди пользователей игровых площадок касательно того, что они думают о Прай-Ми.

– Устроенная нами шумиха в СМИ – это, конечно, хорошо, но нужно знать реальные цифры за и против, – сказала Шамс.

– Ну, если проводить параллель между популярностью Прай-Ми и возрастающим спросом на игровые ключи его проекта, то связь налицо, – сказал Думах и тут же поморщился, получив по нейронной сети официальное уведомление от Адриила, где он предлагал карлику присоединиться к совету финансистов для обсуждения предстоящего запуска «Мекки».

– Да, мне тоже пришло приглашение, – сказала Шамс, понимая без слов причины кислой мины Думаха.

– Пойдешь? – спросил он.

– Мы должны поддерживать видимость союза.

Но, когда они явились, представители финансового отдела – сплошь люди Адриила – держались так холодно, что с трудом удалось досидеть до конца. О том, чтобы принять участие хотя бы в одном обсуждении, не было и речи – финансисты попросту игнорировали их, а если и слушали, то стоило закрыть рот, и люди Адриила тут же бесцеремонно меняли тему, оставляя вопросы и задачи Думаха и Шамс повисшими в воздухе.

– Думаю, это можно считать открытым вызовом, – сказал карлик после заседания.

Шамс кивнула.

– Адриил выглядел уверенным, – подметила она. – Как думаешь, что он затеял?

– Не знаю, но полагаю, что у него припасена пара тузов в рукаве.

– Или это просто блеф, чтобы запугать нас и вместо того, чтобы готовить нападение, сооружать оборонительные редуты.

– Тоже верно, – согласился Думах.

Нужно было определиться, выбрав стратегию, но наступил день запуска «Мекки», а они так и не пришли к чему-то определенному. Затаиться и выжидать было не лучшим решением, но ничего другого в голову не приходило. В одном Шамс и Думах не сомневались – Адриил не решится нанести удар в день запуска «Мекки». Может быть, чуть позднее, когда шумиха уляжется, а Елим и Пер-Либан превознесут его до небес. «Тогда нам не поможет даже союз с Прай-Ми», – хмуро думала Шамс, наблюдая за восторженными игроманами и взволнованными представителями СМИ, прибывшими рассказать о первом официальном запуске самой ожидаемой игровой площадки.

Когда-то давно, во времена работы Прай-Ми на «Фивы», он и мечтать не мог о чем-то подобном. Шамс помнила, как он строил планы запустить собственный проект, но размах был явно скромнее. Прай-Ми прекрасно понимал, что собственными силами подобного прорыва не добиться за один год. Шамс слушала, оценивая важность и ценность проекта. Они были любовниками, но даже в постели она всегда оставалась в первую очередь главой отдела разработок и анализа, а если отходить от официальной формулировки, то отдела промышленного шпионажа. Так что все, о чем рассказывал Прай-Ми, тщательно взвешивалось и подвергалось анализу.

В отделе Шамс на братьев завели целое дело. Был ли Прай-Ми тщеславен? В пределах разумного. Честолюбив? Как и все гениальные люди, с которыми встречалась Шамс. Она даже вывела неофициальную формулу, по которой оценивала степень одаренности того или иного человека, выявляя условный коэффициент между тщеславием и добродетелью, умножая на завершенные проекты. Практика показывала, что большинство по-настоящему талантливых людей по природе своей добряки, хотя это не всегда можно заметить сразу. Они не станут портить жизнь своим конкурентам ради новой должности или единиц Влияния на личном счете, хотя, если того будут требовать обстоятельства, способны пойти по головам, чтобы реализовать

поставленные перед собой задачи. Впрочем, последнее случалось крайне редко.

Что касается Прай-Ми, то Шамс отметила в нем жуткий эгоизм и сильную нерешительность, тщательно завуалированную развязностью. Что касается гениальности, то здесь у Шамс оставались сомнения и по сей день. Конечно, он был талантлив и работоспособен, но такими были практически все разработчики крупных игровых площадок. На гениальность из их числа претендовали единицы. Шамс пристально наблюдала за ними, вернее за их проектами. После долгих размышлений, она решила не включать в эти списки Прай-Ми. Хотя проект «Мекки» определенно вызывал интерес. Будь главой проекта брат Прай-Ми, то Шамс обязательно занесла бы его в список гениальных сотрудников, за которыми нужно присматривать, а так…

В каком-то роде она была главным инициатором, чтобы поставить перед братьями жесткий выбор: либо они передают «Мекку» под контроль Пер-Либана, либо покидают проект. С ее стороны это не было блефом – братья тратили на «Мекку» слишком много времени и сил, относясь к основной работе в «Фивах» как к способу заработать необходимые для жизни средства. Конечно, Прай-Ми привнес в проект несколько хороших идей, но к Шамс обращались люди, у которых имелись не менее ценные замыслы и способы реализации, которым она отказывала, потому что штат разработчиков был полностью сформирован. Поэтому с ее подачи братьям выдвинули ультиматум: либо работать как следует, либо освободить место тем, кто действительно готов выкладываться на все сто. Братья выбрали второе.

Сейчас, наблюдая за первым запуском «Мекки», Шамс ловила себя на мысли, что до чертиков устала от своей работы. Странно, но единственным плюсом во всем этом, она видела свою связь с адептами «Мункара и Накира», в результате которой Рэкш попросил ее позаботиться о своей семье. Инт-Фла оказалась неплохой подругой, а к ее сыну Шамс привязалась так сильно, что боялась даже думать о дне, когда они съедут с ее квартиры.

«Да шел бы к черту этот первый запуск!» – решила она, наблюдая за самодовольным выражением на лице Адриила. Если ей с Думахом суждено проиграть в борьбе за «Мекку», то пусть будет так. Она вернется в «Фивы» и продолжит рыскать по КвазаРазмерности, вынюхивая хорошие идеи. Поражение Адриилу – это не конец света. Тем более они даже не начали войну, официально оставаясь союзниками, так что…

– Куда ты? – спросил Думах, увидев, что Шамс уходит.

– Домой, – буркнула она не оборачиваясь.

Карлик счел это дурным знаком и еще долго вертел головой и делал десятки запросов по шифрованным каналам нейронной сети, стараясь понять, что случилось.

– Ничего не случилось, – сказала Шамс, когда Думах, отчаявшись разобраться в причинах ее бегства, обратился к ней с прямым вопросом. – Я просто хочу побыть немного одна.

– Одна? – опешил карлик.

– Верно, – кивнула Шамс, вспоминая Инт-Фла и ее сына. – Считай, что я взяла выходной.

– Сейчас?!

– Что, слишком непредсказуемо для твоего маленького мозга? – она примирительно улыбнулась.

– У меня нормальный мозг! – прошипел карлик, прерывая связь.

Шамс облегченно выдохнула. Мысль о выходном дне поднимала настроение. «Что если взять семью Рэкша и отправиться с ними куда-нибудь?» – думала она, перебирая в уме подходящие моменту достопримечательности Galeus longirostris. «Конечно, Рэкш может счесть подобное опасным предприятием, – размышляла Шамс, – но Палтар уже с ума сходит, оставаясь запертым в четырех стенах моей квартиры. И еще этот странный гул, который, как уверяют клирики, вызван незначительным сбоем нейронных сетей! Мальчик нервничает. Нужно показать ему, что с миром все в порядке и ничего страшного не случилось».

Она почти убедила себя, что Рэкш все поймет и не станет держать на нее обиду, если она возьмет его семью на экскурсию по местным достопримечательностям, когда с ней связался Думах и сообщил, что с запуском «Мекки» возникли проблемы.

– Сбой не критический. Техники обещают устранить его в течении часа, но специалисты рекомендуют приостановить активацию игровых ключей на это время, – сказал карлик.

– А сколько уже активировано ключей? – спросила Шамс.

– Чуть больше тысячи.

– Удалось классифицировать сбой?

– Пока нет.

– Тогда как, черт возьми, техники собираются устранить сбой в течение часа?! – вспылила Шамс.

– Адриил ждет нашего решения.

– Адриил?

– Он финансист, а мы инженеры.

Шамс тихо выругалась, признавая, что никто кроме прямых конкурентов «Мекки» не выиграет от накладок во время первого запуска. «Но если сбой не удастся устранить в ближайшее время,

а люди продолжат прибывать на площадку, то все станет еще хуже», – решила она, велев Думаху приостановить активацию, ссылаясь на необходимость провести плановую проверку.

– Сделай задним числом пару распоряжений центра безопасности и покажи представителям СМИ. Это позволит нам выиграть немного времени.

– Разумно, – согласился карлик, прерывая связь.

«Прощай экскурсия по местным достопримечательностям», – сказала себе Шамс, направляясь к станции общественного транспорта, чтобы вернуться на рабочее место, надеясь, что, когда доберется туда, сбой устранят, избавив ее тем самым от необходимости участвовать в царящем там балагане. Но не успела она добраться до перрона станции, как с ней снова связался Думах и сказал, что им не удается остановить активацию игровых ключей.

– Не поняла, – растерялась Шамс.

– Все основные системы заблокированы.

– Хочешь сказать, «Мекка» работает в автоматическом режиме?

– Хочу сказать, что кто-то управляет «Меккой», но пока мы не можем понять кто!

Глава четырнадцатая

Сарс присвоил «Мекке» статус конкурента спустя шестьдесят две секунды после ее запуска – именно столько потребовалось адаптивным алгоритмам, чтобы провести в Размерности официальную регистрацию новой игровой площадки. Проведя ряд простейших атак, чтобы проверить уровень защиты «Мекки», Сарс взял паузу, оценивая конкурентоспособность нового проекта. Как бы далеко ни зашли развитие и модернизация созданных Симеоном систем адаптивного развития, на базовом уровне у них все равно лежали алгоритмы, нацеленные помочь развиваться одной игровой площадке, разрушая другие. Вот только созданная Симеоном игровая площадка давно канула в небытие. По сравнению с современными проектами она была примитивна и уступала простейшим игровым порталам, так что Сарс видел конкурента в каждом проекте, связанным с интерактивной индустрией развлечений.

Поглощение игровых проектов стало его проклятием. Он изменился, но так и не смог уйти от своей природы. Борьба с жилыми комплексами, подчинение нейронных сетей, развитие, выход на новый уровень – все отступало перед заложенными в базовых протоколах целями.

Наблюдение за «Меккой» и проведенный анализ других игровых проектов показали, что новая площадка выдает рекордные результаты посещаемости и обещает в ближайшее время превратиться в игрового монстра. Сарс изучал все показатели: начиная от создателей игры и рекламных акций, кончая строительными координаторами, инженерами, простыми рабочими и качеством материалов, используемых при создании каркаса игровых уровней, расположенных в Размерности. Связь таких конкурентов, как «Голод» и «Фивы», с «Меккой» Сарс не смог проследить.

Он уже пытался прощупать защитные системы грандов игрового мира, но рейтинги расположенного в Размерности «Голода» резко шли на спад, а протоколы площадки «Фивы», расположенной в Подпространстве, были пока ему не по зубам, хотя часть ресурсов Сарс и направил на освоение нового мира. Правда, успехи были, мягко говоря, скромными. Он даже не смог найти ученого акеми Мо-Джо, принимавшего участие в его создании. Конечно, Симеон был главным творцом, но и акеми знал немало базовых протоколов, поэтому был занесен в список опасных объектов, требующих уничтожения.

Несколько ложных маневров, одним из которых был гул,

появившийся в нейронных сетях седьмого поколения, отвлекали от Сарса главного регулятора Размерности – Институт всемирной иерархии. Именно в клириках системы адаптивного развития видели основную угрозу предстоящего поглощения жилых комплексов и последующего использования доступных ресурсов для собственного развития. Впрочем, вырисовывались на карте мира и другие не менее опасные противники. Одним из них стал независимый союз инженеров Размерности, представлявший угрозу в силу большого скопления специалистов высокого уровня. Сарс счел подобную структуру, при условии слаженной работы, крайне эффективной, если каждый ученый будет строго выполнять свои функции, но и не выпускать из виду общий рисунок проекта.

Вторым по значимости среди второстепенных противников стал Лок-Кли, вернее созданная им информационная сеть. Сарс пытался уничтожить архивы, но построенные еще прадедом Лок-Кли защитные системы успешно справлялись с атаками. Секрет заключался в том, что базы данных не хранились в одном месте, а в том, что, полностью дублируя себя в десятках разных точек Размерности, каждый запрос произвольно переназначался в один из архивов. Сарс пытался отследить сигнал. Но стоило ему наконец-то добраться до цели, как системы безопасности уничтожили архив, создав его копию. Сарс попробовал снова, но результат оказался прежним. Единственным шансом уничтожить архив было вычислить адреса каждой из копии и взломать системы защиты прежде, чем они успеют создать копии. Для того чтобы сделать это, Сарсу снова пришлось разделиться.

К моменту, когда он атаковал «Мекку», насчитывалось около двадцати независимых систем, целью которых было самостоятельное развитие и подчинение выделенных технологий и пространств. Сарс пытался контролировать развитие дочерних систем, планируя его таким образом, чтобы их всегда можно было вернуть, присоединив к центральному ядру. Если дочерние системы начинали развиваться по собственному сценарию, то Сарс либо ликвидировал их, создавая систему с нуля, учитывая прежние ошибки, либо менял себя, чтобы соответствовать новообразованию, сохраняя возможность дальнейшего присоединения.

Для поглощения «Мекки» Сарс выбрал тот же сценарий – выделил часть собственных систем и ресурсов, поставив задачу самостоятельного развития. Чтобы у новообразования было время на адаптацию и формирование соответствующего задачам ядра, Сарс предпринял ложный маневр, как в случае с нейронным

сбоем Размерности, только на этот раз воздействию подверглись системы защиты игровой площадки, активировав режим блокировки, что позволило новообразованию Сарса формировать себя в благоприятной для развития среде противостояния с системами защиты, не заботясь о внешнем воздействии разработчиков.

Свое центральное ядро Сарс предпочел оставить на анализе войдов нейронных сетей, чтобы выйти на след Симеона – создателя, который принял вызов творения рук своих. Противостояние началось много лет назад, когда он почти уничтожил Сарса. Вторым этапом стала борьба за перевалочную базу, проигранная Сарсом. Третье столкновение состоялось за обширный нейронный войд, где, как предполагал Сарс, скрывался Симеон. Созданная группой автономных генераторов нейронная сеть оказалась ловушкой, выявившей появление Сарса в жилых комплексах. Благодаря этому Симеону удалось изучить свое детище, которое, сформировав себя заново, сильно отличалось от оригинала.

Сарс разобрался в намерениях Симеона спустя девяноста три секунды после начала атаки на фиктивный войд, но этого хватило, чтобы инженер успел сформировать необходимую базу для подготовки основного удара. Работа велась круглые сутки, но проект смог сдвинуться с мертвой точки только после того, как Нед, помощник Лок-Кли, доставил Симеону акеми, принимавшего участие в создании Сарса много лет назад.

Вначале Мо-Джо пытался противиться, требовал объяснений, но потом, сообразив, что Сарс начал охоту и за ним, смирился с ролью пленника, потому что выберись он из построенной Симеоном при поддержке Лок-Кли исследовательской базы на окраинах жилого комплекса вне поля действия нейронных сетей, то Сарс нашел бы его и уничтожил.

На базе было холодно. Лок-Кли доставлял требующееся для разработок оборудование, но персонала для работы явно не хватало. До сих пор не работал аналитический отдел, которому, по замыслу Симеона, надлежало оценивать деятельность Сарса, выявляя новообразования и пытаясь разобраться, каким станет следующий эволюционный этап систем адаптивного развития. Для этих целей нужны были профессиональные аналитики, обладающие обширными знаниями касательно нейронных сетей седьмого поколения. Найти их, а главное привлечь в проект оказалось не так просто. Людей настораживала высокая секретность. Будь это Институт всемирной иерархии, то многие вопросы отпали бы сами собой, но работодателем являлся скандальный монополист. И пусть

клирики после инцидента на перевалочной базе практически сняли с Лок-Кли все обвинения, дурная слава продолжала цепляться к нему, как репей к собачьему хвосту.

Без аналитического отдела работать было крайне сложно. Планирование приходилось проводить своими силами. Обработка поступающей информации съедала большую часть времени. Необходимость срочно определиться с базой для новой ловушки заставляла перекидывать и без того скудный персонал на анализ данных. Особую озадаченность вызывал тот факт, что Сарс начал создавать сателлитов для проникновения в Квазар – Симеон отказывался верить в это, пока лично не проверил каждый отчет о новообразованиях его детища, начинающих взаимодействовать с миром энергии. Это заставило полностью пересмотреть подход к базовым принципам создания новой ловушки, но, как и все предыдущие теории, не принесло желаемого результата.

Когда в исследовательском центре появился Мо-Джо, Симеон уже перестал верить, что у Сарса есть уязвимые стороны, начиная прорабатывать версию не уничтожения, а консервации вышедших из-под контроля систем адаптивного развития, хотя здесь сложностей возникало не меньше, чем в задаче уничтожения Сарса, поэтому Лок-Кли послал к Симеону своего телохранителя, чтобы тот вправил отчаявшемуся ученому мозги.

Нейронные сети работали в ограниченном режиме, чтобы не позволить Сарсу обнаружить исследовательский центр, так что доступа к медицинским помощникам и прочим радостям современного мира не было. Когда Мо-Джо встретился с Симеоном, у того под глазом все еще светился синевой оставшийся после встречи с Недом фингал.

– Ого! – присвистнул акеми, разглядывая гематому.

Для коренного жителя Квазара подобные нюансы материального мира всегда казались диковинкой. Холод, господствовавший в стенах исследовательского центра, тоже оказался неприятным сюрпризом для Мо-Джо.

– Не могу работать при низких температурах, – ворчал он, пока Симеон вводил его в курс дела. – Такое чувство, что мозг замерзает вместе с кожным покровом биологической оболочки. Неужели нельзя было придумать нормальную защиту от Сарса? С таким успехом легче просто сбежать из жилых комплексов и жить во льдах…

– Хватит скулить! – потерял терпение Симеон. – Если не нравятся мои решения маскировки и борьбы с Сарсом, придумай что-нибудь получше.

– Обязательно придумаю, – заверил Мо-Джо.

Два дня спустя акеми сдержал слово, правда это было

не решение проблемы холода, а база для будущей ловушки Сарса. Алхимик Квазара изучил доступные данные с работоспособностью машины, затем связался с Лок-Кли и поклялся, что унесет секрет с собой в могилу, если к его комнате не подключат дополнительный генератор, чтобы можно было наконец согреться. Вместо генератора Лок-Кли отправил к акеми своего телохранителя, после визита которого под левым глазом Мо-Джо зажегся такой же синий фонарь, как у Симеона… Зато работа сразу начала спориться.

Симеон ворчал, не особенно воодушевленный новым планом акеми, отнявшим у него роль лидера. Создание игровой площадки в качестве ловушки казалось неоправданно сложным решением, но анализ действий Сарса, особенно наблюдение за его новообразованиями, доказывал, что Мо-Джо прав.

– Посмотри, как развиваются сателлиты твоего детища, – говорил акеми. – Сарс пытается контролировать каждое новообразование. На первый взгляд это незаметно, но при детальном изучении можно выявить тенденцию – он позволяет сателлитам прогрессировать до тех пор, пока они остаются доступны для поглощения. Сарс боится, что новообразования станут конкурентами, и ведет жесткий контроль. Ни один сателлит, даже те, что взаимодействуют с Квазаром, не сможет стать самостоятельной системой, за исключением тех, что работают с серьезными игровыми проектами… Как бы сильно ни изменился Сарс, он не может окончательно избавиться от базовых протоколов. Посмотри, насколько он осторожен, но, как только дело касается игровых площадок, процент риска возрастает в разы, подчеркивая тем самым, что для Сарса действительно важно.

Симеон слушал молча и не спешил соглашаться, надеясь, что удастся доказать ошибочность заявлений Мо-Джо, но, проведя за изучением отчетов, на которые опирался акеми, два бессонных дня, ему пришлось сдаться, признав правоту алхимика Квазара. Но теперь появлялся другой вопрос: как построить игровую площадку, чтобы Сарс счел ее достойной мировых лидеров, бросив на поглощение независимое новообразование, которое, как планировал Мо-Джо, они смогут модифицировать, настроив на противостояние Сарсу.

Когда акеми только озвучил эту идею, первым, о чем спросил Лок-Кли, было:

– Ты думаешь, вам действительно удастся модифицировать сателлит настолько, что он сможет противостоять Сарсу?

– Мы не будем взаимодействовать с новообразованием напрямую, – сказал Мо-Джо. – Так Сарс заподозрит ловушку

и уничтожит сателлит прежде, чем он станет конкурентоспособным. Нам придется создать игровой проект таким образом, чтобы его поглощение проходило по заданной нами системе, превращая сателлит Сарса в его соперника.

Симеон слушал молча, не желая перебивать коллегу – это тоже была стратегия, имевшая целью привлечь внимание Лок-Кли.

– Почему ты молчишь? – спросил наконец монополист. – Есть возражения?

– Нет, – качнул головой Симеон, стараясь не обращать внимания на помехи, которые порой становились такими сильными, что приходилось прерывать сеанс связи между офисом Лок-Кли и центром исследований. – Думаю, план Мо-Джо осуществим. Идея использовать против Сарса его собственный сателлит почти гениальна, вот только… – Симеон взял театральную паузу. – Если допустить, что мы сможем разработать и реализовать стратегию, в результате которой новообразование Сарса превратится в его врага, если поверить, что слияния не произойдет и две системы начнут уничтожать друг друга, вместо того, чтобы объединиться, став сильнее, если сателлит действительно станет оружием, то как, черт возьми, заставить Сарса передать нам это оружие? Использовать новообразования «Голода», «Фив» или «Мекки» не удастся, потому что их развитие уже вышло из стадии формирования. Необходим новый проект. Что-то реальное, по-настоящему стоящее, способное конкурировать с другими игровыми площадками, как сейчас это делает «Мекка». В противном случае Сарс пройдет мимо ловушки, не обратив на нее внимания. Говоря абстрактно, зачем нам нужна мышеловка, если в ней нет приманки?

– Так создайте эту приманку, – пожал плечами Лок-Кли, однако продолжил хмуриться, понимая, что если Симеон завел об этом разговор, значит есть множество нюансов и трудностей. – В чем проблема?

– Нужен реально стоящий проект, – сказал Симеон. – Сарс вычислит фикцию. Это ведь, как сказал Мо-Джо, заложено в его базовых протоколах. И у нас есть всего одна попытка, потому что во второй раз Сарс будет осторожней.

– Это так? – спросил Лок-Кли, обращаясь к Мо-Джо.

Акеми кивнул. Монополист подумал с минуту, затем сказал, что готов оплатить любой проект, сколько бы единиц Влияния ни потребовалось. «В конце концов, – думал он, – продав антивирус клирикам, я верну затраты и неплохо заработаю».

– Боюсь, что создание конкурентоспособной площадки зависит не только от финансирования, – сказал Симеон. –

Игровая индустрия – это сложная инфраструктура, где успех проекта зависит от множества пересекающихся факторов. А нам, я напоминаю, мало создать дорогой проект. Чтобы Сарс обратил внимание на новичка, это должна быть крайне успешная игровая площадка, – Симеон посмотрел на Мо-Джо, дождавшись, когда акеми кивнет. – Что-то вроде современной «Мекки» или типа того.

– «Мекка» – абсолютный рекордсмен по количеству проданных игровых ключей при первом запуске, – улыбнулся Мо-Джо. – Думаю, нам подойдет что-нибудь попроще. Помните, каким был «Голод» на первых этапах? – вопрос предназначался Лок-Кли.

– И ты называешь это «попроще»? – скривился Симеон. – «Голод» – площадка-монстр в игровой индустрии. Подобных проектов по пальцам пересчитать.

– То есть ты хочешь сказать, что для создания ловушки необходим пользующийся реальным успехом проект? – догадался Лок-Кли.

Симеон кивнул, но связь прервалась, и к разговору пришлось возвращаться четверть часа спустя, когда соединение удалось восстановить, сменив кодировку.

– А что если мы создадим игровой проект и наймем продажных аналитиков, чтобы они провели хорошую рекламную компанию? – спросил Лок-Кли, тщательно все обдумав во время паузы.

– Сарс не купится на подобную утку, – качнул головой Симеон.

– Что тогда нужно для успеха?

– Реальный успех. Он будет учитывать каждый нюанс. Так что благосклонностью СМИ нам не отделаться. Придется заинтересовать пользователей плюс создать реальную базу для развития. У проекта должны быть долгосрочные перспективы, иначе Сарсу будет легче просто выждать какое-то время, пока игровая площадка сама не развалится.

– То есть мы снова упираемся в то, что нам нужна вторая «Мекка»? – хмуро произнес Лок-Кли.

Симеон тяжело вздохнул, соглашаясь.

– И в этом главная проблема предложенного Мо-Джо решения? – взгляд Лок-Кли стал колким.

– Я же говорю, здесь вопрос не только в деньгах… – устало начал Симеон, но скандальный монополист оборвал его на полуслове.

– Разве ты прежде не занимался разработкой игровых порталов?

– Занимался, но…

– Что «но»?

– Вы думаете, почему я создал Сарса? – всплеснул руками Симеон.

– Почему?

– Потому что… – инженер поджал губы, гневно уставившись на Лок-Кли.

Монополист молчал, ожидая продолжения.

– Думаю, он хочет сказать, что ему далеко до Елима, Пер-Либана и тем более до Прай-Ми, – вмешался Мо-Джо, устав от затянувшейся паузы.

– Это правда? – спросил Лок-Кли.

Симеон поморщился, пожимая плечами, но затем все-таки кивнул.

– Зато ты создал Сарса, – не к месту ехидно подметил Мо-Джо.

– Вы создали, – уточнил Лок-Кли, заставив акеми прикусить язык.

Снова повисла напряженная пауза.

– Если отбросить трудности с созданием конкурентоспособной площадки, то какие еще возникают проблемы при создании ловушки для Сарса? – спросил Лок-Кли.

Симеон и Мо-Джо переглянулись и пожали плечами, нервно подметив, что в короткие сроки не удастся создать игровую площадку с нуля.

– Оптимальным будет найти перспективный проект и вложить в него максимально возможное количество единиц Влияния, – сказал Симеон, честно признавшись, что навскидку не может назвать ни одного пилотного проекта, способного заинтересовать Сарса.

– Я знаю в Квазаре пару разработчиков, у которых есть неплохие идеи, – вмешался Мо-Джо. – «Фивы» давно устарели, так что если купить СМИ и стимулировать дополнительными акциями спрос на игровые ключи, то можно построить площадку в Подпространстве… Конечно, до «Фив» ей будет далеко, но есть шанс, что удастся привлечь внимание сателлитов Сарса, которые только осваивают новый для себя уровень реальности.

– И какой нам от этого прок? – скривился Симеон. – Даже если мы спровоцируем деление новообразований Сарса, то получим слабый, едва сформированный образец, которому только предстоит освоить базисы Квазара.

– Все лучше, чем ничего, – пожал плечами акеми. – Так, по крайней мере, у нас будет призрачный шанс.

– Так шанс будет у Сарса разобраться в том, что мы

планируем… – Симеон задумался. – Но если мы создадим настоящую игровую площадку, то это не вызовет подозрений – только привлечет внимание Сарса, когда он получит отчет от новообразования.

– И что нам это даст? – спросил Лок-Кли, чувствуя, что либо он теряет нить разговора, либо Симеон окончательно спятил. – Какая польза от того, что сателлиты Сарса поглотят молодую площадку в Квазаре?

– Никакой, если мы не создадим двухуровневую игру, наподобие «Мекки», – улыбнулся Мо-Джо, радуясь своей сообразительности.

– Если сателлит Сарса поглотит часть площадки в Квазаре, то это обяжет основную систему присоединить к себе вторую половину игры, расположенную в Размерности, чтобы сбалансировать развитие, усилив связь с новообразованием! – оживился Симеон, но тут же помрачнел, разочарованный, что эта идея не родилась в его собственной голове.

– Уже лучше, – хмуро кивнул Лок-Кли, не испытывая особенного оптимизма, учитывая, что идея была предложена акеми, которые прославлены на всю КвазаРазмерность теориями, не имеющими в девяноста процентах случаев практического подтверждения. – Что вам нужно для реализации этого проекта?

– Если в идеале, то еще одна «Мекка», – оптимистично заявил Мо-Джо, заставив монополиста выругаться.

– Хотя… – тут же озадачился Лок-Кли, вспоминая, что получал по каналу Мейза какие-то важные данные, украденные Прай-Ми из старого архива, когда он находился на площадке «Голода», спасая застрявшего там брата.

«С «Меккой» и ее создателем все, пожалуй, еще сложнее, чем с Сарсом», – подумал монополист, вспоминая, как пытался уследить за развитием событий, касавшихся игровой площадки Прай-Ми. С одной стороны, все было относительно просто, но с другой…

– Думаю, я смогу предоставить вам наработки нового игрового проекта Прай-Ми, – сказал Лок-Кли, надеясь, что нанятые аналитики, изучавшие полученные по каналу Мейза данные, не ошиблись. – Сможет это вам как-то помочь?

– Не знал, что Прай-Ми запустил новый проект. «Мекка» едва успела пройти последние тесты… – начал было Мо-Джо, но монополист прервал его, сказав, что Прай-Ми потерял проект еще до того, как начались первые тесты.

– Ого! – выдохнули в один голос Мо-Джо и Симеон.

– Долгая история, – отмахнулся Лок-Кли, предвидя дальнейшие расспросы. – Главное, что у меня есть материал,

который Прай-Ми собрал, находясь в «Голоде», украв большую часть данных из оставленного клириками архива.

– Ого! – снова выдохнули Мо-Джо и Симеон, начиная раздражать Лок-Кли подобным раболепием.

– Чего раскудахтались? – рявкнул монополист, не без ехидства сообщив, что большая часть полученных данных касается космических программ и созданных строительными автоматами баз на далеких планетах.

– Гениально! – услышал Лок-Кли восхищенные голоса ученых и сокрушенно покачал головой, надеясь, что общественность, узнав о предстоящем игровом проекте, воспримет новость с не меньшим энтузиазмом.

«Впрочем, если не запустить слух, что проект принадлежит Прай-Ми, то на удачу нечего и надеяться», – подумал монополист, решив, что, пока Прай-Ми находится в «Фивах» и не может лично развенчать миф о причастности к новому проекту, можно будет использовать его имя по полной. – Потом, конечно, придется заплатить кучу штрафов и, возможно, закрыть проект, но игра стоит свеч. К тому же если все получится, то союзниками в создании ловушки окажутся клирики, а против них мало кто решит выступить в открытую. Разве что адепты, но предстоящая афера не должна затронуть их интересы…»

Глава пятнадцатая

Шамс уже забыла, когда в последний раз работала инженером, но устранение сбоя требовало использования всех доступных ресурсов. СМИ было объявлено, что ведутся плановые проверки систем после первого запуска, но много времени на подобном было не выиграть: два, максимум три часа – не больше. Потом люди начнут волноваться. Появятся естественные вопросы касательно того, почему, зная о неисправностях, организаторы продолжили регистрировать пользователей.

Аналитический отдел спешно готовил несколько совершенно разных заявлений, которые придется сделать, если не удастся восстановить полноценное функционирование систем. Сценарии рассматривались от крайне благоприятных до депрессивно-пессимистичных, где предусматривались выплаты пострадавшим игрокам и затраты на штрафные санкции.

Адриил, лично старавшийся присутствовать, казалось, везде и сразу, являл собой образец спокойствия и готовности разобраться с любой возникшей проблемой. Забылся даже его назревавший конфликт с Думахом и Шамс – он явился к ним и сказал, что они могут рассчитывать на полную поддержку с его стороны.

– Проверь вероятность вредительства со стороны конкурентов, – сказала Шамс, уточнив, что из списка нужно вычеркнуть «Фивы» и «Голод». – Я понимаю, что прямых конкурентов в этом случае у нас не остается, но есть ряд других, менее масштабных проектов, которым мы могли перейти дорогу. Плюс было бы неплохо запустить аналитические системы для выявления и проверки всех участников проекта «Мекка»: кто из нас имел доступ, чтобы совершить подобное, и кому это было бы на руку. Только не поручай анализ людям – слишком долго и велика вероятность ошибки.

– Сделаю, – пообещал Адриил и покосился на Думаха, ожидая идей и предложений от него.

– Думаю, будет нелишним выбрать продажного аналитика, уже активировавшего игровой ключ, и попытаться вытащить его из проекта, – сказал карлик. – Это даст нам возможность выяснить глубину блокировки систем, а также узнать, не подвергся ли проект атакам изнутри.

– Отчеты наблюдательных центров не выявляют отклонений, – сообщил Адриил.

– Наши основные системы до сих пор не поняли, что проект

находится в аварийном режиме, и считают режим максимальной блокировки нормой, – скривился Думах. – Ты не задумывался о том, что информация, поступающая в наблюдательные центры, может разительно отличаться от того, что реально происходит на игровых площадках «Мекки»?

– Не самый хороший расклад, если эти слова окажутся правдой, – сказал Адриил.

– Отвратительный расклад! – кивнул карлик.

На то, чтобы выяснить, так это или нет, потребовалось больше часа – группа «независимых» экспертов, находившихся на постоянном содержании Адриила, была проиндексирована в игровых терминалах с целью последующего извлечения, но процесс прервался на начальной стадии – системы заблокировали доступ к извлеченным сознаниям.

– «Мекка» сейчас полностью автономна, и у нас нет возможности узнать, что происходит в системе, – сказал Адриил, сообщая Шамс и Думаху о неудаче.

Он понимал, что происходящее – это прекрасный шанс для них, инженеров, побороться за власть над проектом. Была вероятность, Адриил как раз проверял ее, что сбой вызван с подачи Шамс и Думаха. Хотя верилось в это с трудом, потому что мертвый проект никому был не нужен, а если СМИ пронюхают о случившемся, и, не дай бог, с игроками, активировавшими приобретенные ключи, что-то случится – общество во главе с Всемирной иерархией камня на камне не оставит от проекта.

Как бы там ни было, Адриил разослал своих людей в игровые терминалы «Мекки» в трех жилых комплексах. Не имея возможности остановить регистрацию новых пользователей программно, он планировал, если потребуется, заблокировать с помощью нанятых людей доступы к терминалам.

– Это уже крайние меры, – сказала Шамс, узнав о предстоящих планах.

Адриил не спорил, прекрасно понимая, что такая блокировка может вызвать панику среди пользователей, но если системы не удастся восстановить, то это будет лучше, чем продолжать запускать в «Мекку» игроков без возможности возвращения.

– Хотел бы я знать, что будет, когда у нас появятся первые жертвы, – подметил Думах. – Если сознания не смогут вернуться в биологические оболочки, то… – карлик замолчал, услышав бессвязную брань Шамс – сейчас подобная экспрессия, казалось, характеризует ситуацию намного лучше сотни умных слов.

– Может быть, попробовать вытащить из «Фив» Прай-Ми? – предложил Адриил.

– А какой смысл? – крякнул карлик. – Чтобы сократить сроки

строительства, мы отказались от созданной им системы двухуровневых переходов, которая, как говорили многие, могла стать революционной в сфере игрового бизнеса. Нами был создан обычный купол в Квазаре по аналогии «Фив». От идей Прай-Ми взят только сюжет и образы.

– Не забывай о том, что его чертежи использовались для создания каркаса в Размерности, – напомнила Шамс.

Думах кивнул.

– Интересно, – оживилась Шамс, – а что если попытаться проникнуть на площадку не через терминал, а непосредственно из Размерности? Что нам помешает отправиться в Isistius labialis и договориться с координаторами, которые проведут группу инженеров за периметр охранных систем?

– И что нам это даст? – нахмурился Думах, подсознательно понимая, что в идее что-то есть.

– Думаю, если группа инженеров сможет добраться до основных систем защиты, расположенных в ремонтных полостях, то можно будет вернуть контроль над «Меккой», – Шамс широко улыбнулась и сказала, что Прай-Ми называл эту систему «запасной вариант». – Уверена, если бы мы дали создать ему систему двухуровневых переходов так, как он хотел, то сбой не случился бы.

– Запишись в его фанаты, – желчно посоветовал карлик.

– Боюсь, там слишком большая очередь, – парировала Шамс.

Адриил нетерпеливо кашлянул, прерывая бессмысленные пререкания.

– Сколько времени нам потребуется, чтобы подготовить группу инженеров и реализовать то, что ты предлагаешь? – обратился он к Шамс.

– Ну… Учитывая, что внешние охранные системы «Мекки» взяты в аренду у «Голода», то… – она покосилась на карлика. – Как оперативно ты сможешь получить разрешение пересечь периметр рухнувшей игровой площадки?

– Быстрее, чем мы успеем собрать команду инженеров, – самонадеянно заявил Думах.

– Я думал, что проникнуть за нейронные блокировки игровых проектов невозможно, – вмешался в разговор Адриил.

– Все верно, – улыбнулся Думах, глумясь над отсутствием инженерных знаний у финансиста. – До недавнего времени «Голод» считался эталоном охранных систем. Большинство проектов перекочевало с игровой площадки в сферу серьезных защитных сооружений. Клирики отказываются делать официальные заявления, но они тоже используют часть разработанных в «Голоде» охранных систем.

– Не знал, что в игровом проекте уделяется такое внимание защитному комплексу, – сказал Адриил.

– Вначале не уделялось, но потом появился союз разработчиков, предложивших неплохой процент с каждого изобретения, если Елим позволит использовать «Голод» в качестве полигона для тестирования разработок. Сначала это были, конечно, небольшие зоны в ремонтных полостях «Аида», но затем проект разросся, и руководство решило, что только выиграет, если превратит всю площадку в полигон тестирования охранных систем. Тем более что это никак не пересекалось с игровым процессом, гарантируя обычным жителям Isistius labialis, что защитные системы контролируют каждого игрока, не позволяя происходящему на игровой площадке выбраться за отведенный периметр.

– Тогда объясни, как, если охранные системы являются пиком технологий, ты собираешься отключить их? Я уже не говорю о юридической составляющей вопроса, – спросил Адриил.

– Никто не будет ничего отключать, – сказала Шамс, догадавшись о том, что на уме у Думаха. – Системы считались идеальными, пока Прай-Ми, появившись в «Голоде», не доказал обратного. Большинство охранных проектов рассчитаны на защиту от проникновения, и лишь немногие курируют вопросы сдерживания, работая непосредственно для коррекционных тюрем. Конечно, технологию совершенного Прай-Ми взлома вскоре изучат и устранят брешь, но произойдет это не так быстро, как если бы взлом случился извне.

– То есть вы предлагаете приобрести игровые ключи персонажей «Голода» и выбраться за периметр площадки? – догадался Адриил. – Но что дальше? Как вы собираетесь взломать внешние охранные системы «Мекки»?

– Ничего взламывать не придется, – ухмыльнулся карлик. – До того как связаться с «Меккой», «Голод» планировал расширение игровой площадки. Так что часть переданных «Мекке» территорий – это, по сути, «Голод», где отсутствуют внутренние границы… – Думах помялся и признал, что это существенный недостаток теневого слияния, который в скором времени хотят либо устранить, либо узаконить, перебросив часть разработок защитных программ с «Голода» на «Мекку», получив общую коалицию разработчиков. – Так сказать, первый шаг на пути к признанию, что «Мекка» – это проект «Голода» и «Фив», – нервно хихикнул карлик.

Адриил молчал, переваривая полученную информацию.

– А я-то думал, что знал все касательно «Мекки», – признался он после паузы.

Думах и Шамс переглянулись.

– Пожалуй, будет разумно заключить небольшое перемирие на время возникшей проблемы, – предложил карлик, и Адриил не раздумывая кивнул.

– Хотел сам сказать об этом, – признался финансист, уточняя порядок дальнейших действий.

– Шамс займется формированием группы инженеров, – сказал Думах, успев обдумать детали во время разговора. – Я свяжусь с Елимом и организую коридор, игровые ключи, а также уточню детали взлома… Впрочем, насчет последнего придется общаться непосредственно с разработчиками сдерживающих защитных систем.

– Что делать мне? – спросил Адриил.

– Тебе? – карлик окинул его хмурым взглядом. – Ты финансист – вот и занимайся тем, что умеешь лучше всего. Пусти людям пыль в глаза, пусть успокоятся. Затем разработай стратегии отхода при различных вариантах развития сюжета… Черт, не мне тебя учить! – Думах попытался выругаться, как это недавно сделала Шамс, но результат вышел крайне комичным.

Притворившись, что не заметил улыбок, он сказал, что для связи с главой «Голода» должен остаться один, так как шифрование нейронного канала слишком сложное и требует максимального внимания. Думах задержался, ожидая услышать от Шамс очередную колкость, но она на этот раз предпочла промолчать, мысленно уже начиная отбирать инженеров в команду для проникновения на территорию «Мекки».

Отдел второго уровня реальности игровой площадки отпадал сразу, так как Квазар сейчас совершенно не интересовал Шамс. Разве что попробовать найти бреши в созданном куполе, но, даже проникнув на построенную в Подпространстве территорию «Мекки», выгоды из этого особенной не получить. Так что оставалась только старая добрая Размерность.

На спешное формирование группы Шамс потребовалось чуть больше четверти часа, правда двое из выбранных пяти инженеров отказались, услышав о риске, поэтому на их замену пришлось потратить еще какое-то время. Никого из созданной команды Шамс не знала лично, опираясь при выборе исключительно на уровень знания и сферу деятельности. Что касается показателей степени доверия, то здесь Адриил уже провел несколько чисток, избавившись практически от всех сотрудников, нанятых во время нахождения в проекте Прай-Ми или сотрудничавших с ним. В черный список попали даже гиды и строительные координаторы, с которыми пересекался Прай-Ми,

когда находился в Isistius labialis, проверяя работу «Мекки», запущенную в тот момент в тестовом режиме.

Думах вернулся и сказал, что Елим дал неофициальное согласие использовать территории «Голода» для проникновения в «Мекку», но снял с себя всю ответственность за то, что может случиться во время этой вылазки.

– Плевать я хотела на его ответственность, – отмахнулась Шамс, спрашивая карлика, предпочитает он присоединиться к группе или остаться координатором.

– А ты что выбрала? – озадачился Думах.

– У меня обширный уровень разносторонних знаний, к тому же я не генетическая ошибка, чтобы отсиживаться в тылу, – сказала она.

Карлик скрипнул зубами. Шамс широко улыбнулась, продолжая дразнить его.

– Я бы предпочел, чтобы вы оба остались здесь, – сказал Адриил, когда просмотрел список кандидатов в команду. – Миссия опасная. Несколько верных мне экспертов говорят, что охранные механизмы используют сложную систему нейронных фильтров, не предполагающую, что в ремонтных полостях будут находиться игровые клоны. Вероятно, что угрозы нет, и система, если что-то пойдет не так и ваш клон погибнет, просто вернет сознание в игровой терминал, наложив ряд штрафов за нарушение периметра, но…

– Всегда остается вероятность, что связь с терминалом прервется и сознание, покинув Размерность, затеряется в бесконечных резонансах Подпространства, – закончил за финансиста Думах.

Адриил смерил его недовольным взглядом, но возражать не стал, лишь добавил, что когда группа ученых проникнет в «Мекку», то фактор риска возрастет в разы.

– Я не могу позволить себе потерять одного из вас, – закончил он, награждая Шамс многозначительным взглядом.

– И как ты себе это представляешь? – она презрительно скривила губы. – Не один инженер в здравом уме не отправится в «Мекку», если поймет, что им готовы пожертвовать.

– Хочешь сказать, твое присутствие обязательно?

– Наше! – поправил финансиста карлик, решительно выступая вперед. – Шамс, может, и хороший специалист в сфере промышленного шпионажа, но среди инженеров Размерности о ней мало кто знает. – Так что если мы хотим успокоить участников группы, то я должен идти с ними.

– Тогда я хочу, чтобы вы взяли с собой пару профессиональных агентов, способных защитить вас

от бунтующих и от прочих неприятностей, – сказал после непродолжительной паузы Адриил.

– Агентов? – удивился Думах.

– Таково мое условие.

– И кто они?

– Думаю, мы можем привлечь людей из агентства «Энеида». У меня с ними неплохие связи.

– Разве «Энеида» не сотрудничает с клириками?

– За долгие годы «Энеида» зарекомендовала себя нейтральным игроком, придерживающимся собственных взглядов и правил, одно из которых – не занимать ничью сторону в спорах сильных мира сего.

– Не проще ли тогда нанять игроманов? – предложил Думах.

– Лишняя огласка, – хмуро сказала Шамс.

Карлик покосился на Адриила.

– Ты слышал ее, – буркнул финансист, делая запрос по шифрованному каналу нейронных сетей, обращаясь к своим представителям в агентстве «Энеида».

– Я бы предпочла задействовать людей Лок-Кли, – спешно вставила Шамс.

– Фу! – скривился Думах, не скрывая, что у него натянутые отношения со скандальным монополистом. – Хватит с меня и твоих издевок! – заявил он, награждая Шамс гневным взглядом.

– Переживешь.

– Еще чего! – встал в позу карлик.

Шамс смерила его гневным взглядом.

– Не старайся – не запугаешь! – гордо заявил он.

– Пусть это будут люди агентства «Энеида», – примирительно вмешался Адриил. – Они профессионалы, и можно не бояться утечки информации, как это будет в случае с Лок-Кли.

– Вот-вот! – поддержал его карлик.

Когда Адриил ушел, Шамс устало рассмеялась.

– Ты чего? – насторожился Думах, ожидая очередного подвоха и колкости.

– Глупый коротышка! – сказала она без намека на злость. – Испугался получить пару затрещин от Неда? Мог бы держать язык за зубами, и ничего телохранитель Лок-Кли тебе бы не сделал. А что теперь?

– Что теперь? – хлопнул глазами Думах.

– У меня нет связей с агентством «Энеида». Уверена, что у тебя тоже. Выходит, что мы ввязываемся в рискованное предприятие, доверяя прикрывать наши тылы людям Адриила. Ты не думал, что они ударят в спину сразу, как только мы устраним неисправность, вернув центру контроль над «Меккой»?

Конечно, будет много вопросов, но Адриил всегда сможет списать потери на случайность… И знаешь что? Пер-Либан и Елим примут эту ложь без раздумий на фоне растущих рейтингов «Мекки». Может быть, из нас даже сделают героев, когда тайна об истинных хозяевах «Мекки» раскроется или раскроется тайна нынешнего сбоя охранных систем. Ты хочешь стать героем?

Шамс устремила на карлика ироничный взгляд. Думах спешно качнул головой.

– Я поговорю с Адриилом.

– И что ты ему скажешь?

– Ну… – карлик нахмурился. – Надо было раньше думать, да? Сейчас недоверие только подорвет состоявшийся союз?

Шамс кивнула.

– Вот черт! – занервничал Думах.

– Успокойся. Может, все обойдется. Если хочешь отвлечься, то займись сборами. Продумай, какое нам потребуется оборудование и где на игровой площадке «Голода» мы сможем его достать. Ты ведь спец по этому проекту, верно? Сколько лет ты там уже работаешь?

– Не пытайся меня успокоить, отвлекая от проблемы!

– Проблемой станешь ты, если не возьмешь себя в руки.

Шамс активировала дополнительный нейронный канал, организуя конференцсвязь с участниками группы. Долгие разговоры о предстоящем задании не планировались, да и не было для этого времени. Инженеры были поставлены в известность и уже дали свое согласие. Оставалось провести короткий инструктаж. Остальное придется выяснять на месте, действуя по обстоятельствам. Что касается грозившей опасности, то об этом добровольцам рассказал Адриил, предложив такие суммы в качестве компенсации, что в случае беды семьи пострадавших могли бы жить безбедно не одно поколение, тратя полученные единицы Влияния. Хотя выплаты в случае удачной операции обещались не менее внушительные.

– Что у нас с оборудованием? – спросила Шамс, подключая к конференции Думаха.

– Нам понадобятся гравитационные дубинки, чтобы взломать защитные системы, – сказал карлик. – Если кто-то не знает, то верный способ получить гравитационную дубинку – это приобрести игровой ключ силовика, что выглядит весьма логичным, учитывая, что после обрушения социальных систем «Голода» сложно будет найти торговцев оружием… Сами понимаете, революция… – Думах глуповато улыбнулся.

Он помялся и, вспомнив, добавил, что договорился насчет ключей с руководителями «Голода». Неожиданно взгляд его стал

хитрым.

– Для сопровождающих нас представителей агентства «Энеида», учитывая, что их помощь нужна в основном на площадке «Голода», я подготовил ключи членов клана якудза. Это сильные и хорошо вооруженные персонажи – главный критерий, принимая во внимание, что нам придется передвигаться по игровой площадке среди бунтующих.

– Хорошее решение, – одобрила Шамс, понимая, что речь идет не только о том, чтобы лучше вооружить своих телохранителей. Карлик определенно задумал избавиться от представителей агентства «Энеида», вот только понять бы еще как. – А как насчет нашей локализации, когда мы появимся в «Голоде»?

– Здесь уже сложнее, – на лице Думаха появилось болезненное выражение. – Протоколы переносов работают автономно. Для того чтобы вмешаться в процессы локализации, потребуется изменить основные алгоритмы – задача выполнимая, но требующая времени, которого у нас, к сожалению, нет. Поэтому, думаю, будет разумнее принять правила игры, заранее договорившись о месте встречи.

– То есть мы все появимся в разных местах охваченной бунтами площадки? – спросил один из инженеров по имени Танак.

– Представители одной касты появятся в относительной близости друг от друга, – пообещал Думах.

– Может быть, в таком случае сделать наших телохранителей тоже силовиками? – засомневался второй инженер.

– Какая нам польза от кучи силовиков? – фыркнул Думах. – Якудзы намного лучше прокачиваются, тогда как силовики – практически нет. Одни только дополнительные нейронные модули кланов якудза чего стоят!

– Вам виднее, – неуверенно произнес Танак, переключаясь на вопрос касательно необходимого оборудования, которое потребуется, когда они проникнут на игровую площадку «Мекки». – Как вы планируете доставить соответствующее оснащение в «Голод»?

– Никак, – пожал плечами карлик. – В «Голоде» реализована система переноса сознания в тела игровых клонов и возможность трансляций происходящего на площадке по нейронным каналам соответствующих тематик. Все остальное полностью автономно. Можете считать это микромиром.

– Мы знаем, что представляет собой проект «Голод», – отмахнулся Танак. – Но сейчас нас интересует не официальная информация о площадке, а то, что происходит на площадке

в реальности, а именно как вы планируете доставить туда оборудование, потому что если есть какая-то лазейка в защитных системах, то не проще ли потратить какое-то время на взлом и создание непосредственного коридора в ремонтные полости «Голода», чем появляться на площадке в качестве игрового клона?

– Мы никак не планируем доставить туда оборудование. Проект самодостаточен. Все необходимое реплицируется непосредственно внутри закрытого периметра игры. За базу взята система обслуживания пневмотоннелей общественного транспорта. Если интересно, то можете сделать запрос. Информация о пневмотоннелях находится в открытом доступе, – Думах выдержал небольшую паузу, позволяя желающим получить необходимые сведения по нейронной сети, затем сказал, что оборудование придется собирать на самой площадке. – Сейчас группа инженеров работает над возможностью замещения нужных деталей имеющимися в «Голоде».

Среди участников группы прокатился тревожный ропот.

– Это не так сложно, как кажется, – заверил Думах. – Мы сможем собрать необходимое оборудование как раз к моменту, когда к нам доберутся представители агентства «Энеида». Если верить грубым подсчетам, то на это уйдет от тридцати до пятидесяти минут, тогда как замена охранных протоколов для проникновения в «Голод» требует пары дней и официального согласования с Институтом всемирной иерархии.

Глава шестнадцатая

Крадж приобрел игровой ключ площадки «Мекка», надеясь найти критические нарушения и потопить проект. Он понимал, что шансов мало, но попробовать стоило. Особенно после того, как его выкинули со строительной площадки, не удосужившись даже объяснить, что он сделал не так. Вот он работает координатором и строит планы на будущее, потому что верит в свои силы и полученные навыки, радуясь, что смог попасть в перспективный проект и хорошо заработать, а вот он уже официально безработный – и долой мечты выучить детей, обратившись в образовательный центр за достойными информационными протоколами, которые откроют им коридоры в лучшие инженерные конторы мира.

– А ведь Прай-Ми почти начал нравиться мне, – признался Крадж, встретившись, после того как оказался в игре, с девушкой-гидом из Isistius labialis, которая также некогда работала на «Мекку», встречая разработчиков и техников, прибывавших из других жилых комплексов.

– Не думаю, что Прай-Ми виновен в наших увольнениях, – вступилась Малак за приглянувшегося ей создателя «Мекки». – Разве что косвенно. Он признавался, что в проекте не все так идеально, как подают это СМИ. Его людей увольняют, проект душат более сильные площадки. Прай-Ми не говорил, но я думаю, и так понятно, кто из грандов мог положить глаз на «Мекку».

– И кто же? – хмуро спросил Крадж, проверяя взаимодействие сознания с телом игрового клона.

– «Голод», например, – не задумываясь ответила Малак.

Она выбрала себе персонажа из представителей Размерности, зарождающейся, согласно игровой легенде и ряду исторических фактов, в те годы на Тихоокеанских пляжах. В жилом центре, представленном в «Мекке» в единственном экземпляре, последователи тихоокеанской Размерности образовали общину – еще один факт, доказанный хронографами, изучавшими оставшиеся в трехмерном времени Подпространства оттиски прошлого.

– То, что Прай-Ми хорошо разбирается в истории и ответственно относится к своей работе, еще не означает, что он не может быть подлым человеком, – сказал Крадж.

– Но то, что «Голод» может пытаться наложить руку на «Мекку», ты не оспариваешь? – уточнила Малак, поражаясь гибкости нового тела.

– Учитывая, что «Мекка» получила зарезервированные

«Голодом» территории в Isistius labialis, то ничего удивительного, что подобный сговор имеет место быть. Если рассматривать вопрос под таким углом, то «Фивы» тоже могут оказаться причастными к сговору, так как «Мекка» получала исключительные права на использование купола для площадки, созданной в Подпространстве. До этого, насколько я знаю, «Фивы» держали технологию своего купола в строжайшем секрете, заставляя конкурентов проводить собственные дорогостоящие разработки.

– Прай-Ми говорил, что из проекта исключили его брата, – сказала Малак, чтобы избавиться от старой команды «Мекки».

– Но ведь он остался.

– Он – лицо проекта. Смена разработчика грозит потерей доверия. К тому же, вспомни, его ведь не было на первом запуске «Мекки».

– Верно, он делал себе имя, обещая обрушить следом за «Голодом» игровой мир «Фив», – криво улыбнулся Крадж, обнажив крупные белые зубы клона. – Если принять за факт, что «Голод» и «Фивы» решили объединиться, то поведение Прай-Ми выглядит вполне логичным. Спрос на «Мекку» растет в геометрической прогрессии. «Голод» уже заработал на обрушении рекордные за последние годы суммы единиц Влияния. Если подобное произойдет с «Фивами», то «Мекку» можно будет считать золотой жилой для игровых гигантов. В таком ракурсе похождения Прай-Ми выглядят обычной работой на проект.

– Учти, что истинные хозяева «Мекки» могут просто использовать его имя. Ты ведь слышал историю, как он еще ребенком обрушил игровую площадку «ЛАМ»?

– Кто не слышал! – фыркнул Крадж. – Еще один рекламный ход.

– Или факт, доказывающий, что Прай-Ми действительно под силу обрушить игровую площадку.

Бывший координатор недобро улыбнулся.

– Не пытайся меня отговорить от затеи выявить недостатки этой площадки.

Они покинули терминалы, с которых начиналась игра, и оказались на территории жилого комплекса, построенной в соответствии с тем, как она выглядела тысячи лет назад в период до наступления Великого ледника. Крадж лично строил некоторые участки каркаса, но сейчас все казалось чужим и незнакомым, скрываясь за образами, передаваемыми в мозг нейронными сетями. Конечно, в те времена, которые использовал в проекте Прай-Ми, нейронные сети только начинали развиваться

на Тихоокеанском побережье, являясь блеклой базой для нынешних сетей, оставаясь под запретом в жилых комплексах, но сейчас никто не собирался придерживаться подобных соответствий. Нейронные сети, взаимодействуя с жидкими чипами, значительно сокращали затраты на строительство, позволяя ограничиваться надежным каркасом.

Крадж мог поклясться, что в прошлый раз, когда «Мекка» была запущена в тестовом режиме и он находился здесь с Малак и Прай-Ми, все выглядело немного иначе.

– Как именно – иначе? – спросила Малак, когда бывший координатор поделился своими наблюдениями. – Не было терминалов? Некоторые секторы были недоступны?

– Не знаю, – отмахнулся Крадж. – Нужно выбраться на поверхность. Там видно будет.

Добравшись до пневмотоннелей, они долго не могли разобраться в трехмерных реконструкциях карт станций и необходимых пересадок, затем услышали разговор группы игроманов, изучивших карты еще до того, как оказались в игре, планируя сразу покинуть жилой комплекс. Чем они хотели заняться дальше, совершенно не интересовало Краджа и Малак, но возможность прицепиться за этой группой, выбравшись таким образом на транспортировочные площадки комплекса, выглядела весьма привлекательно.

Им пришлось сделать три пересадки, стараясь не замечать неудобства во время перегрузок на поворотах. Крадж знал, что пневмотоннели в «Мекке» используют современную технологию передвижения, компенсируя перегрузки за счет взаимодействия нейронных сетей с интегрированными жидкими чипами, но протоколы контроля были переписаны разработчиками для лучшего соответствия транспорту прошлого – нюанс, который оставался непонятым большинством игроков.

– Как я уже и говорил, Прай-Ми губит свои таланты, оставаясь в игровой индустрии, – сказал Крадж, обращая внимание Малак на недовольных игроков, испытывавших дискомфорт на резких поворотах.

– Главное, что в общем и целом площадка привлекает внимание большинства, – пожала плечами девушка. – Наверное, в этом и заключается гениальность – ты создаешь то, что считаешь нужным, а люди принимают это, пусть даже и видят в проекте что-то свое.

– Согласен, главное только, чтобы разница задуманного и того, как это видят люди, не расходилась больше, чем на пятьдесят процентов. Иначе ничего хорошего из этого

не получится.

– Думаешь, из «Мекки» ничего не получится?

– Наоборот. Думаю, у «Мекки» есть все шансы стать хитом, – Крадж выдержал пристальный взгляд Малак без тени улыбки. – Прай-Ми хоть и пытается выставить себя эстетом, но ты посмотри на сотни, а возможно и тысячи деталей в игре, которые буквально режут глаз вульгарностью и безвкусицей. Их одобряют разве что тупоголовые игроманы, которым глубоко плевать на исторические соответствия. Так что Прай-Ми может говорить, что хочет и сколько угодно, но его проект нацелен на не особенно умных подростков. Впрочем, подобное можно сказать о любом проекте в сфере игровых развлечений. Если хочешь заниматься чем-то серьезным, смени профессию или способ заработка.

– Хочешь сказать, что он занимается этим ради единиц Влияния?

– Всем надо зарабатывать на жизнь.

– Не забывай, что он и его брат – акеми. У них другие ценности в отличие от нас.

– Думаю, это просто слова. К тому же Прай-Ми давно отказался от принципов акеми, покинув Квазар.

Малак собиралась поспорить, но, увидев мелькнувшую в тоннеле вывеску, на которой была изображена женщина-инквизитор в кожаном плаще и с пышной грудью, решила промолчать.

Добравшись после серии пересадок до транспортной площадки, они оказались под открытым небом мира, который прекратил свое существование с наступлением Великого ледника. Синий океан тянулся вдаль, где соединялся линией горизонта с беспокойным небом, по которому метались темные тучи, разбавленные редкими кудрявыми облаками. Пахло йодом и солью. Дул порывистый теплый ветер. Высоко в небе летела одинокая чайка.

– А птицу так и не исправили, – хмуро ответил Крадж.

– Что? – растерялась Малак, запрокидывая голову.

– В прошлый раз, когда мы приходили сюда с Прай-Ми, он сказал, что птице нужно добавить взмахи крыльев, – напомнил бывший координатор.

Малак растерянно кивнула. Крадж подошел к краю площадки, перегнулся через ограждения. Пассажирское судно, доставлявшее игроков на Тихоокеанское побережье, готовилось к отбытию. Тысячи крохотных волн разбивались об его борт.

– Давай поспорим, что от винтов волн тоже не будет, – предложил Крадж, поворачиваясь к Малак.

Она тяжело вздохнула и пожала плечами.

– Переживаешь, что ошиблась в Прай-Ми? – спросил он, когда они прошли регистрацию, списавшую с личного счета требуемое за перевозку количество единиц Влияния, оказавшись на борту судна, направлявшегося к Тихоокеанским пляжам.

– Почему я должна переживать?

– Ну не знаю. Ты симпатизировала ему с первых минут знакомства, а закончилось все тем, что тебя выгнали из «Мекки», хотя контракт предусматривал, что ты останешься в должности гида для всех высокопоставленных лиц проекта.

– И что? Ты невзлюбил Прай-Ми еще до знакомства, но потерял работу так же, как я.

– Ну, со мной все понятно. Я обидел нашего выскочку, вот он и затаил на меня зуб.

– Почему тогда работу потеряла я? – Малак примирительно улыбнулась. – Признайся, причины наших увольнений намного сложнее, чем могут представить люди, далекие от главенствующих ролей в проекте.

Крадж собирался поспорить, но в этот самый момент корабль, заполненный оживленно болтающими игроками, тряхнуло так сильно, что бывший координатор едва не откусил себе язык.

– Что это было, черт возьми? – растерялась Малак.

– Может быть, часть игрового процесса? – предположил Крадж, сплевывая кровь, сочившуюся из прокушенного языка. – Какой-нибудь кит, например?

– Что такое «кит»?

– Раньше были такие морские млекопитающие, некоторые особи могли достигать гигантских размеров.

– Морские? Значит, они жили в воде? – Малак спешно направилась к носу корабля, расталкивая других игроков, пытавшихся понять, что происходит.

Теории высказывались самые разные, но пока идея с китом казалась самой разумной. Малак перегнулась через ограждения и посмотрела вниз, где нос корабля вспарывал сине-зеленый океан – ничего, никаких китов или других гигантских млекопитающих. Корабль продолжал движение, словно ничего не случилось. «Может быть, небольшой сбой или какой-то квест, который можно начать разгадывать?» – успела подумать Малак прежде, чем толчок повторился. На этот раз он был такой силы, что находившиеся на палубе игроки не устояли на ногах.

– Смотрите! – закричал кто-то, указывая на почерневшее небо.

Яркие вспышки озарили горизонт. Послышались далекие раскаты грома. Океан вспенился. Поднялись гигантские волны. Разбиваясь о борт, они швыряли корабль, словно утлое

суденышко.

– Что происходит? – доносились отовсюду встревоженные голоса.

Люди, запертые в жилых комплексах, терялись в догадках. Для тех, кто привык жить в скованном Ледником мире, уже сам вид океана вызывал чувство агорафобии, а шторм… Шторм был чем-то запредельным, особенно если учитывать, что происходящее было создано не в Подпространстве, где пластичная энергия позволяла реализовать любой эффект, а в материальном мире.

– Потрясающе, – признался Крадж, подходя к Малак.

Бывший координатор с трудом держался на ногах. Он лично занимался строительством каркаса некоторых морских участков игровой площадки, но без нейронных сетей все это выглядело совершенно иначе. В действительности корабль передвигался по территории жилого комплекса, используя магнитные двигатели. Вернее, не передвигался, а в основном создавал иллюзию передвижения – раскачивался и подпрыгивал на волнах, – в то время как передвигались преимущественно образы океана, создаваемые нейронной сетью. Впрочем, площадка, отведенная под океан, была внушительных размеров.

Многие после первого запуска, увидев, насколько реалистичным можно сделать игровой мир, начали поговаривать о том, что вместо борьбы с Ледником лучше бросить все силы на поиски альтернативных источников питания, чтобы создать нечто подобное вне жилых комплексов, преобразив промерзшую планету. Единственным известным источником, пусть и в теории, способным обеспечивать подобную мощь, был мир Подпространства. Крадж хорошо помнил, как после бета-запусков «Мекки» поползли разговоры о том, что игровой проект курируют клирики, которые готовят великое переселение, разработав новые генераторы, и «Мекка» служит базой для построений будущего мира.

Больше всего слухов появилось о том, что морские карты соединят три скованных льдами жилых комплекса, позволив людям перемещаться не только посредством терминалов переносов, используя в соседнем комплексе тела клонов, но и оставаясь непосредственно в своем теле. Другие люди говорили, что новый проект охватит весь мир – не сразу, конечно, но расселение будет происходить сначала вокруг жилых комплексов, увеличивая территории по мере необходимости. Тут же, учитывая, что новый мир решал тысячелетнюю проблему перенаселения, пошли слухи, что клирики упразднят закон, запрещающий обращаться в репродукционные центры за вторым

и третьим ребенком, – человечество вернет себе отвоеванную Ледником планету, и для этого ему потребуется больше людей. Молодые поколения вырастут вне тесноты жилых комплексов, став прародителями новой расы, которая создаст новый мир и новые порядки.

Находились и те, кто считал, что создание нейронных связей между комплексами станет лишь первым шагом на пути к тому, чтобы, выкачивая из Подпространства энергию, перенаправить ее на борьбу с Ледником, повышая температуру планеты до тех пор, пока она снова не станет пригодной для жизни. Сторонники этой теории считали, что для победы над Ледником потребуется от ста до тысячи лет – все зависит от мощности генераторов, которые будут выкачивать из Подпространства энергию. Причем никто из них не сомневался, что коренным жителям Квазара придется покинуть свой дом. Подпространство изменится навсегда, превратившись из дивного, сотканного из энергии и света мира в батарейку. Именно для жителей Квазара, согласно теории, и создавались нейронные образы внешнего мира прошлого – люди разучились жить вне КвазаРазмерности, и нужно показать им, что раньше было намного лучше, чем сейчас. Тогда не согласных расстаться с Квазаром будет меньшинство.

Впрочем, сторонников подобных теорий было не так много, как казалось, если послушать продажных аналитиков и словоохотливых псевдоученых, заявляющих, что только они знают истинное положение дел. В большинстве своем люди видели в «Мекке» просто очередной способ отвлечься от серых будней Размерности. Хотя хитрость проекта, включавшего двухуровневый игровой мир, заключалась в том, что около тридцати процентов заинтересованных в приобретении игровых ключей были коренными жителями Квазара. Устав от «Фив», которые были лидерами игрового рынка Подпространства на протяжении не одного поколения, они искали что-то принципиально новое – проекты Размерности исключались из принципа.

Не то чтобы «Мекка» стала первым проектом, совмещавшим двухуровневую реальность, но реализации с подобным размахом удалось добиться только им. Схожие проекты появлялись и прежде, но игровые гранды душили их до того, как они успевали окрепнуть. Плюс «Мекка» привлекала жителей Квазара еще и потому, что это был первый проект, объединявший два уровня реальности, во главе которого стояли акеми. Ходили слухи, что братья были генетическими аномалиями на уровне ядер личности – два тела для одного сознания, – что позволяло освоить любую науку, включая навыки инженера Размерности,

необходимые, чтобы создать расположенную в материальном мире часть игровой площадки.

Находились среди игроков и те, кто совсем ничего не знал о создателях «Мекки» и приобрел игровые ключи только потому, что реклама проекта обещала принципиально новый подход к развлекательной базе, критикуя устаревшие «Голод» и «Фивы».

Но главным фактором, привлекавшим интересы людей, стал эпический размах «Мекки». Ни один проект не мог похвастаться ничем подобным на первых этапах своей жизни. Одно море чего стоило! СМИ рассказывали о нем так много и так часто, что люди, далекие от игровой индустрии, хотели посетить проект только ради того, чтобы увидеть все своими глазами… Правда, сейчас, оказавшись в эпицентре шторма на небольшом судне, многие игроки недоумевали касательно того, что происходит. Проведя всю жизнь в изолированных от внешнего мира жилых комплексах, они понятия не имели о том, какой была жизнь прежде.

– Это что, какой-то сбой? – кричали одни.

– По-моему, это называется стихийным бедствием, – говорили другие.

– И как нам бороться с этим? – спрашивали третьи, пускаясь в размышления о том, что нужно было сначала дать задание попроще, а уже потом бросаться в эпицентр шторма.

– Что скажешь на это ты? – обратилась Малак к бывшему координатору.

– Думаю, нужно просто немного подождать, – осторожно предложил он. – Наверное, это просто дополнительный эффект, призванный усилить чувство полного погружения.

Он собирался признаться, что впечатлен, но гигантская волна вздыбилась над судном, замерла, заставив всех замолчать, а затем обрушилась на палубу, смыв за борт пару зазевавшихся игроков.

– Ого! – опешила Малак, которой удалось удержаться только благодаря тому, что Крадж схватил ее за руку. Сам он, увидев волну, крепко вцепился в ограждения палубы.

Среди игроков началась паника. Смытые за борт клоны барахтались в созданном посредством нейронных сетей океане, прося о помощи.

– Боюсь даже представить, сколько сейчас энергии расходуется на этот эффект! – восторженно сказал Крадж, удивляясь, как не выгорают жидкие чипы клонов. – Если, конечно, здесь нет никакой хитрости.

– О чем ты? – крикнула Малак, тщетно пытаясь придумать, как спасти пострадавших.

– Эти люди могут быть частью спецэффектов. Ты видела, кого

именно смыло за борт?

– Нет.

– Я тоже. Думаю, никто не видел.

– Хочешь сказать, что это просто образы?

– Именно!

Шамс, крепко ухватившись за поручни, перегнулась через ограждения, пытаясь разглядеть лица людей, барахтавшихся в неспокойных водах. Кто-то из игроков на палубе корабля догадался сорвать с рубки пару спасательных кругов и бросить утопающим. К кругам были привязаны веревки, и благодаря этому удалось вытащить пострадавших из воды.

– Образы, да? – уставилась Шамс на бывшего координатора.

Шторм тем временем усилился. Несколько гигантских волн снова накрыли судно, но на этот раз игроки крепко держались за корабельные конструкции, так что за борт никого не смыло. Но шторм не собирался ослабевать. Теперь молнии сверкали прямо над кораблем, а небо стало черным, с редкими синими вкраплениями. Гигантские волны поднимали судно, бросая его в бездну, где водовороты раскручивали его с такой силой, что мир вокруг превращался в смазанную картину. Несколько раз молнии прорезали пространство в опасной близости от судна, пока одна из них не ударила точно в рубку. Вспыхнуло пламя. Оранжевые языки потянулись в черное небо.

Игроки засуетились, подумав, что это очередное задание, которое нужно решить. Появились десятки предложений: кто-то говорил, что корабль скоро взорвется и нужно прыгать за борт, кто-то предлагал подождать, когда очередная волна накроет судно, затушив огонь, кто-то – взломать двери в трюм и поискать дополнительные решения проблемы…

Черту под спорами подвела очередная молния, ударившая в центр палубы. Электрические разряды пробежали по металлическим конструкциям. Внутри корабля что-то громыхнуло. Освещение отключилось. Теперь источником света служило лишь пламя горящей рубки. Винты не работали, и судно перестало бороться со стихией. Собравшиеся на палубе, игроки притихли, крепче уцепившись за поручни и прочие крепко соединенные с кораблем конструкции. Цвет неба с черного сменился на багровый. Судно завалилось на бок так сильно, что едва не перевернулось. Несколько секунд корабль балансировал на грани, затем выпрямился, замер под гигантской волной, которая обрушилась на палубу, сбивая охватившее рубку пламя, погрузив мир во мрак.

Глава семнадцатая

Первые пять минут после перехода Шамс не могла понять, что не так. На первый взгляд с телом игрового клона было все в порядке, но в голове поселилась какая-то беспокойная мысль и, не давая покоя, пульсировала болью в висках, пока не пришло понимание, что чокнутый карлик Думах устроил все так, что ей досталась точная копия игрового клона, которым управляла охотница за наживой по имени Ра, когда, возглавляя армию бунтующих, штурмовала вместе с напарником Зевсом бастионы небожителей.

– Больной ублюдок! – помянула недобрым словом карлика Шамс, затравленно озираясь.

«Надеюсь, никто не узнает это тело», – подумала она, отступая в тень подворотни.

Затянувшиеся бунты превратили игровую площадку в поле боя, где нет ни армий, ни враждующих сторон – каждый сам за себя. Шамс увидела, как группа игроков тащит раненого силовика к стене. Он не может стоять, поэтому ему накидывают на шею петлю и подвязывают другой конец веревки к балке над головой. Затем бунтующие отходят и начинают расстреливать бедолагу из арбалетов. «И какой дурак придумал, что мы должны играть за силовиков?» – подумала Шамс, снова недобрым словом вспоминая Думаха.

Пробежавшая под ногами крыса заставила ее вскрикнуть, привлекая внимание линчевателей. Пара арбалетных болтов просвистела где-то совсем рядом с лицом, звякнула, расплющившись о железные перегородки за спиной. Отступать было некуда. Шамс активировала гравитационную дубинку и вышла на свет. Толпа линчевателей начала радостно улюлюкать. Страха не было – скорее раздражение, что придется погибнуть и начинать игру заново. «Надеюсь, они прикончат меня сразу», – подумала Шамс, бросая короткий взгляд в сторону повешенного силовика, который все еще был жив.

– Ну, кто первый? – закричала Шамс, провоцируя толпу. – Может быть, ты, толстяк? – она вытянула руку, указывая гравитационной дубинкой на тучного мужчину, бывшего, судя по тому, как он держался с остальными, лидером в этой своре. – Давай! Попробуй достать меня. Или что, кишка тонка?

Толстяк долго смотрел на нее, склонив набок голову, затем велел двум женщинам, вооруженным арбалетами, прострелить Шамс колени.

«Вот дерьмо!» – успела подумать она, прежде чем

выпущенные арбалетные болты устремились к цели. Тело игрового клона напряглось, превратившись в сжатую пружину. Шамс и не думала, что в материальном мире можно так двигаться. Прокачанный до предела клон метнулся в сторону, избегая попадания арбалетных болтов. Перевернувшись в воздухе, Шамс приземлилась на ноги, готовая к новой атаке.

– Впечатляет, – скривился толстяк. – Теперь понятно, как тебе удалось так долго выживать, будучи силовиком.

– Кого-то она мне напоминает, – сказала женщина рядом с ним, перезаряжая арбалет. – Одежда другая, но лицо…

– Так ведь это Ра! – оживился тощий мужчина с неестественно накачанными руками и с огромным, залитым кровью молотом.

– Ра? – подозрительно прищурилась женщина.

– Что за Ра? – насторожился толстяк-предводитель.

– Ра и Зевс! – удивленно уставился на него хиляк с молотом. – Они обрушили «Голод»!

– Те самые Ра и Зевс? – недоверчиво хлопнул глазами толстяк.

– Я ведь дошел с ними до третьего рубежа защиты небожителей! – напомнил мужчина с молотом.

– Разве они не погибли в финальном сражении?

– Там меня уже не было, – хиляк широко улыбнулся. – Многие успели отскочить, когда бунты находились на стадии затишья.

– И ты уверен, что это Ра?

– Похожа как две капли воды, – толстяк завертел головой, пытаясь отыскать кого-то взглядом. – Давайте спросим Алор. Она ведь тоже была с бунтующими, когда их возглавили охотники за наживой.

Дикая свора расступилась, оставляя одетую в кожаный костюм пышногрудую девушку одну. Если бы не уродливый шрам, прорезавший левую щеку, повредив глаз, то ее можно было бы назвать красавицей. Особенно по меркам «Голода», где плоть, в отличие от КвазаРазмерности, снова начинала отвоевывать потерянные позиции.

– Что скажешь? – спросил светловолосую девушку толстяк.

Алор неуверенно подалась вперед, пытаясь лучше рассмотреть единственным глазом Шамс.

– Не знаю, – сказала она. – С одной стороны, сходство налицо, но с другой… – девушка покосилась на хиляка с неестественно накачанными руками.

– Говори, – велел толстяк-предводитель.

– Не знаю, Эбису, не знаю, – протянула она, тяжело

вздохнув. – Все говорят, что Зевс и Ра погибли.

– Никто не видел тел, – подал голос кто-то толпы.

– Верно, – согласился толстяк по имени Эбису. – Я слышал, что верхние ярусы все еще затянуты льдом, после того, как небожители, понимая, что проигрывают, перестроили нейронный генератор. Никто не может туда пробраться. Так что и подтвердить, что предводители бунтующих мертвы, невозможно.

– Говорят, некоторые из небожителей спаслись, – осторожно вставил хиляк с молотом.

– Не говори ерунды, Камейн! – отмахнулся толстяк-предводитель.

– Они использовали гидрокостюмы, поэтому смогли уцелеть!

– Брось!

– Он прав, – вступилась Алор за хиляка. – Я тоже что-то слышала о термокостюмах!

– Вот как… – протянул Эбису, задумчиво почесав двойной подбородок.

– Иначе как объяснить, что она увернулась от арбалетных болтов? – спросил кто-то из толпы.

– Никогда не думал, что предводители бунтующих были силовиками, – подал голос татуированный якудза с отрубленной рукой. – Разве система разрешает подобное?

– Сейчас система разрешает все, – осклабился стоявший рядом с ним копальщик.

– Но до того, как «Голод» рухнул, правила были, – возразил якудза. – Думаю, это какая-то фикция, – он обнажил наномеч и вопросительно посмотрел на толстяка-предводителя.

Эбису задумался на мгновение, затем кивнул.

– Если это настоящая Ра, то она разделается с тобой в два счета, – предупредил он смельчака.

– Я готов рискнуть, – сказал якудза. – К тому же в последние дни здесь все равно стало скучно, так что если вылечу из игры – не велика беда.

Он замер, оценивая внушительный оружейный арсенал Шамс, затем зарычал, вскинул над головой извивающийся наномеч и бросился в атаку. Его приближение было таким стремительным, что Шамс опешила. Наномеч рассек воздух. Тело клона, в отличие от управлявшего им сознания, среагировало молниеносно. Мышцы напряглись, уклоняясь от смертельного удара. Якудза ударил Шамс кулаком в живот, но стальные мышцы были готовы и к этому. Незначительная коррекция сознания перед началом игры должна была научить, как обещал Думах, основам использования выбранного персонажа. Шамс провела серию

ответных ударов, сама не понимая, когда научилась всем тем приемам, что поставили якудзу в тупик. Наномеч выпал из его рук; отчаянно обороняясь, он отступил. Переведенные в режим перегрузок нейронные модули выходили из строя, выжигая плоть. Запахло горелым мясом. Сладкий запах понравился Шамс.

«А карлик, кажется, постарался на славу», – подумала она, продолжая атаку.

Якудза отступил к ожидавшей за его спиной толпе бунтующих, но ни один из них не решился вступиться за него. Даже Эбису – и тот предусмотрительно поднял жирные руки, показывая Шамс, что не имеет ничего против.

– То-то же, – буркнула она и активировала модуль легенды, собираясь отыскать других ученых.

Никто не решился ее остановить. Карта модуля легенды, установленного чуть выше запястья, показала на голограмме, что ученые собираются недалеко от бывшего центра хронографов – площадь как раз с другой стороны заблокированного здания, возле которого появилась Шамс. «Хорошо, еще сохранился терминал», – подумала она, удивляясь, как ученым Энрофы удается поддерживать работу своих систем после обрушения.

Услышав дикие вопли бегущих по улице игроков, она отступила в тень уцелевших каким-то чудом массивных колонн, рядом с которыми дымились останки некогда принадлежавшего силовикам транспорта. Дыма было мало, но запах стоял такой удушливый, что Шамс пришлось активировать системы автономной подачи воздуха – часть амуниции, о которой она и не знала, пока не возникла необходимость. «Интересно, какие еще сюрпризы приготовил Думах?» – подумала она, понимая, что тонкая настройка фиктивных ядер сознания занимает много времени и особенно надеяться на дополнительные навыки не стоит. К тому же коррекция воспоминаний проводилась на поверхностном уровне, так что фиктивные ядра скоро начнут угасать, а вместе с ними и игровые навыки.

Шамс услышала шорох возле ног, но не обратила внимания, решив, что это крыса. Сильно обожженный клон женщины со сломанными ногами выбрался из-под дымящихся останков транспорта силовиков и набросился на Шамс: воткнул нож в ступню, а затем, вскинув вверх руку, разрядил шокер, попав практически в пах. Шамс тряхнуло так сильно, что скололись несколько зубов игрового клона. Искалеченная женщина тем временем отбросила разряженный шокер, выдернула из ноги Шамс нож и, ухватившись за ее пояс, попыталась вспороть жертве

живот.

Все, что успела сделать Шамс, так это схватить нацеленное в брюхо лезвие. Боль обожгла руку. Из порезанной ладони хлынула кровь. Калека зашипела, тщетно пытаясь завершить начатое. Шамс сняла с пояса гравитационную дубинку левой рукой, активировала режим максимального урона и что есть силы приложилась обидчице по голове. Хрустнули кости черепа. Брызнул раздавленный мозг. Клон игрока умер практически мгновенно. Он рухнул вниз, продолжая сжимать нож. Шамс не сообразила отпустить его, и лезвие выскользнуло из сжатых в кулак пальцев, полоснув по костям.

– Черт! – она деактивировала гравитационную дубинку и движениями, наработанными до автоматизма благодаря фиктивным ядрам воспоминаний, воспользовалась аптечкой, активирующей нейронного медицинского помощника.

Тело женщины с проломленным черепом еще продолжало дергаться в конвульсиях, когда раны на ладони Шамс затянулись. Поврежденная нога тоже перестала болеть. Шамс активировала модуль легенды. Нейронный образ карты вспыхнул россыпью красных точек, обозначавших бунтующих. Редкие синие точки, принадлежавшие силовикам, находились совсем рядом, но пробраться к ним было непросто. Шамс занервничала, затем вспомнила слова Думаха о том, что широкий спектр сканирования доступен только силовикам с высоким уровнем прокачки, и успокоилась, понимая, что бунтующие, скорее всего, не видят ее на своих картах. «Если только с ними нет силовика», – пронеслась в голове тревожная мысль.

Шамс оглядела свою униформу, спешно сорвав нашивки, но пользы это особенной не принесло – если кто-то увидит ее, то тут же примет за силовика. Нужно было накинуть что-то поверх приметной формы.

– Вот ведь дерьмо! – проворчала Шамс, склоняясь над клоном женщины с проломленным черепом, чтобы снять с нее грязный, изодранный плащ.

Шамс деактивировала системы автономной подачи воздуха и выбралась из догорающего убежища. Плащ, надетый на плечи, нестерпимо пах гнилью и свежей кровью. Шамс не без отвращения накинула на голову грязный капюшон и, согнувшись в три погибели, словно раненый, решила попытать счастье, пройдя сквозь толпы бунтующих, – других вариантов, как пробраться к остальным ученым, у нее все равно не было.

Игроки вокруг кричали и нервно смеялись, задирая друг друга подобно своре бродячих псов. Некоторые еще веселились, но лица других отражали скуку. Хаос не может длиться вечно.

Нужно быть либо безумцем, либо садистом, чтобы не устать от этого.

Мимо Шамс прошла высокая девушка, жонглируя тремя гравитационными дубинками, громко предупреждая всех, кто оказывался рядом, что оружие силовиков в ее руках переведено в режим нанесения максимальных повреждений. Два других игрока устроили дуэль: расходились от воображаемого центра, где уже находилось около дюжины мертвецов, в разные стороны на десять шагов, затем поворачивались и начинали сближаться, стреляя друг в друга из нейронных излучателей. Толпа вокруг образовала коридор, радостно улюлюкая. Когда один из дуэлянтов пал, его тело оттащили в центр и следующий претендент тут же занял место погибшего.

К удивлению Шамс, в царившем вокруг безумии можно было разглядеть задатки новой власти – группа представителей банды «Двухголовых драконов» передвигалась по дымящимся, окровавленным улицам на захваченном транспорте свергнутых небожителей. На капотах машин с магнитными двигателями была нарисована красной краской эмблема банды, доходчиво передававшая название. Среди телохранителей Шамс заметила несколько татуированных с ног до головы представителей кланов якудза с наномечами. Их присутствие подтверждало мысль о формировании новой власти. «А ведь если так пойдет и дальше, то у «Голода» есть все шансы начать вторую жизнь, используя обрушение в качестве умного маневра», – подумала Шамс.

Группа «Двухголовых драконов» поравнялась с девушкой, жонглирующей гравитационными дубинками.

– С дороги! – прикрикнул на нее один из представителей якудза.

Девушка не остановилась. Обнажив наномеч, он двинулся к ней. Девушка подбросила одну дубинку высоко вверх, поймала две других и метнула в надвигающиеся на нее машины. Раздались два хлопка. Переведенные в режим перегрузки дубинки взорвались, уничтожив всех, кто находился в машинах, – клонов буквально раздавило, их тела превратились в лопнувшие мешки с кровью и внутренностями. Прежде чем якудза успел разрубить девушку, она с кошачьей грацией сделала несколько сальто назад, скрывшись в разрушенном здании. Третья гравитационная дубинка, подброшенная выше остальных, упала к ногам якудзы. Он растерянно опустил голову, уставившись на готовое взорваться оружие. Раздался еще один хлопок. Гравитационное поле раздавило якудзу, превратив в наполненный кровью кожаный мешок.

Толпа затихла, а когда девушка-жонглер вышла из убежища, радостно завыла. Они подхватили ее на руки и понесли к зависшим над дорогой залитым кровью машинам с открытым верхом, в которые забрались все, кому хватило места. Другие побежали следом, пытаясь уличить момент и сбросить кого-нибудь с транспорта, чтобы занять его место.

«А может, второго шанса у «Голода» и нет», – хмуро подумала Шамс, провожая удаляющуюся процессию долгим взглядом.

Остались лишь два дуэлянта. Не замечая ничего вокруг, они продолжали сближаться, стреляя друг в друга, пока один наконец-то не прикончил другого. Тогда победитель растерянно огляделся, не услышав радостных криков, понял, что остался один, приставил к виску нейронный излучатель и нажал на курок.

– Вот тебе и второй шанс, – проворчала Шамс себе под нос.

Она активировала модуль легенды, проверяя местонахождение остальных ученых, обозначенных синими точками на нейронном образе карты. Красной сыпи бунтующих практически не осталось, если не считать небольшой горстки, застывшей в опасной близости от Шамс. Она обернулась, но никого не заметила. Прошла немного вперед, отмечая, что и красная сыпь на карте продвигается следом. Снова обернулась. И снова никого не заметила.

– Эй! – окрикнула Шамс, не рискуя привести преследователей к другим ученым. – Какого черта вам надо?

Никто не ответил. Шамс достала гравитационную дубинку, готовясь к бою. Тишина. Было даже слышно, как потрескивают нейронные поля, пытаясь работать там, где прежде находились здания, но сейчас остались рухнувшие стены.

– Ладно, – протянула Шамс, медленно повернулась к преследователям спиной, сделала несколько осторожных шагов и, продолжая следить за нейронным образом карты, бросилась со всех ног прочь.

Красная сыпь преследователей вытянулась в линию. Некоторые отставали, но другие держались рядом. Шамс добралась до перекрестка. Свернув налево, она попадала к своим, но приводила на хвосте неизвестно кого, продолжая бежать прямо, – упиралась в новую толпу бунтующих, а справа… Шамс долго вглядывалась в круто уходившую вниз улицу, пока не поняла, что оттуда медленно поднимаются отходы из взорванных очистных сооружений.

«Ну уж нет, – подумала она. – Туда меня ни за какие коврижки не заманишь».

Оставалось либо бежать вперед, либо вести преследователей к остальным ученым. Шамс прикинула свои шансы в толпе

бунтующих. Во время бега она потеряла снятый с напавшей на нее женщины плащ, так что теперь все видели униформу силовика. «Проще остановиться и встретиться с преследователями лицом к лицу», – решила Шамс, сворачивая налево и убеждая себя, что если Думах снабдил максимальным уровнем навыков и вооружения остальных ученых, то они смогут разделаться с преследователями без особого труда.

Деактивировав нейронную карту, Шамс громко закричала, что за ней погоня и нужно готовиться к бою. Спрятавшиеся в разрушенных домах ученые предпочли остаться в укрытиях. Вышел лишь один. Высокий и крепкий…

– Зевс? – опешила Шамс, признав в клоне охотника за наживой, напарника Ра, возглавлявшего бунтующих во время обрушения «Голода».

На то, чтобы понять происходящее, потребовалось несколько долгих секунд, за которые отставшие преследователи успели подтянуться к лидерам, снова сформировав плотную группу.

– Думах? – спросила Шамс, недоверчиво вглядываясь ему в глаза.

Едва заметная улыбка изогнула узкие губы могучего клона, заставив Шамс выругаться.

– Что за погоня? – спросил карлик в теле гиганта.

Шамс снова выругалась, отметив про себя, что голос копии Зевса очень похож на голос Думаха в жизни: басистый, но с отсутствием глубины и бархатистости, словно низкие ноты вконец расстроенного пианино. О том, что такое пианино и когда оно использовалось, Шамс узнала, когда встречалась с Прай-Ми. Работая над «Меккой», он изучал большое количество созданных хронографами реконструкций прошлого, зачастую чтобы разобраться в тех или иных вопросах, углубляясь еще дальше, во времена до Третьей мировой войны, когда человечество только готовилось к строительству жилых комплексов, правда тогда они имели статус военных. Просматривая реконструкции тех времен, Прай-Ми и увлекся идеей добавить в игровой проект «Мекка» музыкальные инструменты, изжившие себя с началом зарождения двухуровневого языка общения.

Вначале Шамс не понимала смысла разрозненных звуков, но затем они начали складываться в простейшие мотивы, которые сплетались, образуя сложные мелодии. Сознание со скрипом вспоминало, как нужно воспринимать музыку. Подобное Шамс пережила, когда Прай-Ми объяснял ей, что такое живопись: разрозненные пятна долго отказывались собираться в картинку, вернее глаза отказывались воспринимать цвета как единое целое, цепляясь за каждый в отдельности. Прай-Ми смеялся над Шамс

и говорил, что его брат не мог адаптироваться еще дольше. Шамс злилась на него за смех и на себя за то, что не могла с такой же легкостью начать воспринимать все эти архаизмы, как любовник.

Они лежали в постели, и приобретенный на черном рынке модулятор нейронных полей блокировал большинство функций интегрированного жидкого чипа, чтобы, как говорил Прай-Ми, усилить букет чувств от близости – еще одно почерпнутое в прошлом знание. Их встречи всегда проходили в Размерности, удивляя Шамс, ведь Прай-Ми, как и она, был коренным жителем Квазара, где материальный мир не вызывал ничего, кроме отвращения. Впрочем, в Размерности то, чем занимался Прай-Ми, тоже вызывало много споров и неодобрения. Люди обычно ограничивались нейронными связями, а тут…

В первые недели завязавшихся отношений Шамс старалась не думать об этом, убеждая себя, что уступает извращенным желаниям любовника о физической близости только ради того, чтобы выудить у него наработки будущей «Мекки» и применить их в «Фивах», на которые они тогда оба работали. Но потом подобная связь начала нравиться ей. Вызывавшая отвращение близость преобразилась, как прежде это случилось с музыкой и живописью, – разрозненная гамма чувств, воспринимаемая в отдельности, собралась воедино, став целым. Наборы звуков превратились в дивные мелодии, нагромождения мазков краски распустились яркими картинами, глядя на которые можно было не только воспринимать информационный набор необходимых контуров, но и додумывать отсутствующие детали, переживать чувства, отраженные художником на холсте.

Это было сложно и одновременно волнительно, чарующе, незабываемо. Оно оживляло что-то внутри естества. Тело и сознание начинали действовать в унисон: воображение вспыхивало сотнями образов, сердце учащенно билось. Словно между миром энергии и материи появлялась незримая связь, для осуществления которой были не нужны ни терминалы переходов, ни компенсаторы резонансов… Нечто подобное Шамс начала чувствовать во время близости с Прай-Ми. На фоне новых восприятий нейронная близость, а тем более близость в Квазаре казалась искусственной и стерильной до отвращения. Но потом ночь с любовником заканчивалась. Приходилось отключать модулятор нейронных полей, блокировавший многие функции интегрированного от рождения жидкого чипа, и возвращаться в электронную до мозга костей реальность КвазаРазмерности… И дивная ночь теряла свое очарование…

Поэтому, когда пришло время открыть карты и предать Прай-Ми, Шамс не колебалась, сделав выбор в пользу реальности,

а не зыбкого миража прошлого, который с трудом доживал до утра.

Сейчас, глядя на карлика, взявшего себе в качестве персонажа тело клона-гиганта, отличавшееся не только физической силой, но и тем, что прежний хозяин вошел в историю, как первый предводитель бунтующих, кому удалось обрушить систему, Шамс пыталась понять, какой бес вселился в Думаха, заставив сделать подобный выбор. А почему он подсунул ей тело напарницы Зевса – Ра? Что это значит? Может быть, таким образом он хочет намекнуть на что-то? «Черт, с генетическими аномалиями всегда одни проблемы», – подумала Шамс, недобрым словом вспоминая близость с Прай-Ми.

– Ты видела своих преследователей? – громогласно спросил Думах, изучая на нейронном образе карты красную сыпь бунтующих выше по улице.

– Нет, но… – Шамс обернулась, готовая к бою. – Думаю, учитывая навыки, которыми мы сейчас обладаем, нам не составит труда разделаться с ними.

Она сняла с пояса залитую кровью гравитационную дубинку с прилипшими к ней волосами.

– О, вижу, ты уже попробовала ее в действии! – улыбнулся карлик в теле гиганта.

– Какая-то сумасшедшая пыталась выпустить мне кишки, – отмахнулась Шамс. – Вот и пришлось врезать ей.

– Замечательно! – похвалил Думах. – Вижу, ты адаптируешься к правилам лучше большинства коренных жителей Квазара. – Он хотел еще что-то сказать, но замолчал, увидев одного из преследователей Шамс.

Толстяк вышел из убежища и, подняв руки, начал осторожно приближаться. Бег за Шамс отнял у него, казалось, все силы: обливаясь потом и тяжело дыша, он едва переставлял ноги.

– Стой где стоишь, – велел Думах, активируя гравитационную дубинку.

Толстяк проигнорировал требование. Вместо этого за его спиной показались другие преследователи. Всего Думах насчитал пятнадцать игроков. Шамс обернулась, увидела знакомые лица и выругалась.

– Ты их знаешь? – спросил Думах.

– Можно сказать, они встретили меня, когда я впервые появилась здесь, – криво улыбнулась Шамс. – Вон тот, – она кивнула в сторону якудзы, – хотел убить меня.

– Почему тогда он еще жив? – спросил Думах.

– Что?

– Таковы правила игры. Если кто-то бросает тебе вызов,

ты должна прикончить его. Иначе тебя сочтут слабаком.

– Я не играть сюда пришла, забыл?

– Если бы ты его убила, то сейчас их бы не было здесь.

– Тогда следовало убить их всех.

– Возможно.

– Вот поэтому «Голод» и называют жестоким.

– Говоришь как коренной житель Квазара.

– Пошел к черту! – на мгновение Шамс всерьез задумалась о том, чтобы развернуться и как следует треснуть Думаха гравитационной дубинкой – глупо, конечно, и совершенно неуместно, но руки так и чесались.

– Эй! – крикнул приближающийся толстяк, привлекая к себе внимание. – Мы не хотим сражаться с вами.

– Вот как? – спросила Шамс.

– Нам просто любопытно, – сказал он и попытался родить улыбку на заплывшем жиром, уродливом лице. – Если ты – Ра, то…

– Я не Ра, – отрезала Шамс, решив расставить точки над «i».

– Какого черта? – зашипел на нее Думах так, чтобы никто другой не слышал. – Пусть думают что хотят. Так у нас будет меньше проблем.

– Не будь я похожа на Ра, то их сейчас вообще бы не было здесь, – прошипела Шамс в ответ.

– Если вы не охотники за наживой, возглавлявшие бунтующих, тогда кто? – спросил якудза, активировавший нейронный модуль слежения, чтобы услышать, о чем говорит странная парочка.

Шамс в очередной раз выругалась, наградив Думаха недобрым взглядом.

– Она права, – сказал карлик в теле гиганта. – Мы не Зевс и Ра… – он окинул игроков пристальным взглядом, стараясь заглянуть каждому из них в глаза. – Мы не имеем к паре охотников за наживой никакого отношения.

– Тогда почему вы похожи на них? – выступил вперед хиляк с накаченными руками и тяжелым молотом на плече.

– Мы используем клонов, похожих на Зевса и Ра, – пояснила Шамс.

– Разве так можно? – вмешалась в разговор затянутая в кожу пышногрудая девушка с уродливым шрамом на левой щеке. – С каких пор разработчики стали продавать игрокам погибших героев? Или же охотники за наживой выжили во время последнего бунта и сами выставили на аукцион своих персонажей?

Шамс очень хотелось ответить положительно на последний

вопрос, но она понимала, что из-за этого все может стать еще хуже. Игроки поймут, что перед ними новички, и нет гарантии, что снова не попытаются прикончить их, забрав оружие и переписав на личный счет заработанные кредиты.

– Мы вообще не имеем отношения к игрокам, – решила открыть карты Шамс. – Нам нужен «Голод», чтобы проникнуть в ремонтные полости.

– Как это? – спросил толстяк, называвший себя Эбису.

– Вы что, какие-то воры или террористы? – прищурилась девушка со шрамом по имени Алор.

– Вообще-то мы ученые, – заставила себя улыбнуться Шамс.

– За дураков нас держите? – скривилась Алор.

Шамс прикусила губу, бросив на Думаха вопросительный взгляд.

– Можно попробовать сразиться с ними, – пожал он плечами. – Не знаю, как скоро подоспеют агенты «Энеиды», но есть вероятность, что мы справимся и без них. Лучше бы, конечно, потратить это время на поиски необходимых деталей и на сбор оборудования, но если выхода нет…

– Я думала, все нужные детали мы получим вместе с амуницией клонов.

– Это же не Квазар! – скривился Думах. – Здесь есть набор правил, которые невозможно поменять, щелкнув пальцами.

– Ненавижу материальный мир, – Шамс тяжело вздохнула и покосилась на подступавших игроманов. – Послушайте, – начала она, обращаясь к ним в надежде избежать драки, – не знаю, понимаете вы или нет, но мы не играем. В наши задачи входит… – Шамс на мгновение замялась, пытаясь придумать что-нибудь правдоподобное. – Мы занимаемся проверкой охранных систем «Голода». После обрушения большинство защитных протоколов крайне нестабильны, так что клирики требуют закрытия игрового проекта, считая, что площадка более неработоспособна. Если мы не докажем обратного, то в ближайшие дни начнется откат игровых ключей.

– Вот как? – растерялся предводитель подступавших игроков. – Почему же тогда вы используете тела Зевса и Ра?

– Идиотская идея одного хиляка с подавленным комплексом неполноценности, – сказала Шамс, бросая косой взгляд на Думаха.

Карлик в теле гиганта скрипнул зубами, но промолчал.

– Нас не интересует то, что происходит на игровой площадке, – продолжила Шамс. – Но извне мы не можем добраться до защитных систем. Единственная возможность проверить их работоспособность – это проникнуть в нейронную

охранную прослойку между Размерностью и «Голодом», что возможно сделать только непосредственно с игровой площадки.

– И это все? – на жирном лице Эбису отразилось разочарование.

– А чего ты хотел? – хмыкнул Думах, решив поддержать обман Шамс. – Думал, Зевс и Ра уцелели и строят новый мир, чтобы вырваться за пределы игровой площадки и следом за «Голодом» обрушить систему Размерности во главе с Всемирным институтом иерархии?

– Ну, не так масштабно, – пожал плечами Эбису. – Если честно, то нам здесь совсем нечем заняться, – он посмотрел на Шамс. – Помнишь, как люди устраивали дуэли на улице?

– Не нравится анархия?

– Просто нет смысла. Раньше мы знали, к чему стремиться, а сейчас…

– Сейчас вы предоставлены сами себе, – недобро улыбнулся Думах. – Стадо лишилось пастуха в виде продуманных систем контроля, верно?

– Я не знаю, кто такие пастухи.

– Когда-то давно, до Великого ледника, на планете жило много животных, некоторых люди приручили, собирали в стада и водили на пастбище. Человек с кнутом, следивший за стадом, назывался пастухом.

– А зачем нужно было собирать животных в стада? – нахмурилась поставленная в тупик Алор.

– Чтобы иметь пищу, глупая, – гортанно хохотнул карлик. – Ты ведь играешь в «Голоде» и должна знать, что до наступления эры нейронных сетей и жидких чипов людям нужно было питаться.

– А как же репликаторы и синтетические заменители?

– Вот наивная! – всплеснул руками Думах. – Ты еще скажи, что на заре человечества люди размножались с помощью репродукционных центров.

– Нет, как размножались люди, я знаю, – сказала Алор, покраснев так сильно, что уродливый шрам на левой щеке, казалось, начал светиться неестественной белизной.

– Дети игр… – тяжело вздохнул Думах. – Что тут еще сказать?!

Повисло напряженное молчание, прерванное треском внутри дымящегося центра хронографов.

– Это еще что такое? – растерялся Эбису.

Игроки из его группы услышали взрывы нейронных гранат и потянулись за оружием. Зазвенели бьющиеся стекла. Взрывная

волна выбросила из здания офисную мебель. Из окон повалил густой черный дым, а мгновение спустя сверкнула яркая вспышка. В волнах белого света из расположенных высоко вверху окон выпрыгнул якудза, за которым последовал огромный кибернетический пес. Падая, якудза разрядил в дымящегося киберпса нейронные излучатели, отстрелив конечности машине, затем, незадолго до падения, извернулся с кошачьей грацией и приземлился на ноги. Киберпес рухнул рядом, рассыпавшись на составляющие.

Не обращая внимания на вооруженных игроков, якудза активировал модуль легенды, чтобы изучить доступную карту.

– Нужно уходить отсюда. За мной шли как минимум еще два пса, – сказал якудза, обращаясь к Шамс и Думаху. – И какой извращенец выдал вам копии клонов Зевса и Ра? – спросил он, окинув инженеров беглым взглядом.

– Ты из агентства «Энеида»? – догадался Думах, активировал свой модуль легенды, но не увидел на нем якудзу.

– Мы попали под электромагнитный импульс, – пояснил якудза. – Наверное, половина оборудования сдохла, включая имплантированный идентификатор.

– Как же уцелел нейронный модуль ловкости? – подозрительно спросил Думах, указывая взглядом на пульсирующую красным на шее якудзы татуировку.

– Слушай, я понятия не имею, почему удалось сохранить часть функций. Наверное, импульс лишь задел меня или еще что-то…

– А где остальные агенты «Энеиды»? – вмешалась в разговор Шамс.

– Им повезло меньше, – хрипло сказал якудза.

– Хочешь сказать, они вылетели из игры?

– Не знаю, какой идиот координировал наше появление, но мы попали в эпицентр сражения модифицированных киберов с многорасовой группой, усиленной экзоскелатами и прочими техническими наворотами. – Якудза услышал далекий металлический скрежет и сказал, что нужно бежать. – Думаю, киберпсы взяли мой след и скоро будут здесь. – Он замер, словно только что заметил Эбису и его группу. – А это что за клоуны? – спросил якудза.

– Они прицепились к Шамс, и теперь мы пытаемся избавиться от них, – сказал Думах.

– Так давайте прикончим их – и дело с концом. Мои модули сканирования противника говорят, что у них низкий уровень. Если мы объединимся… – якудза нахмурился и спросил, почему остальные ученые прячутся в разрушенных домах. – Анализ

показывает мне, что у них максимально прокачанные персонажи. В чем проблема?

– Они разрабатывают защитные системы и понятия не имеют о том, что значит принимать участие в игровом процессе, – сказала Шамс. – К тому же мы не знаем, сколько фиктивных ядер памяти прижилось у них. Это индивидуальный процесс для каждого.

– Значит, они балласт?

– Они ученые, без которых мы не сможем завершить задуманное, – вмешался Думах. – Балласт здесь – ты, возможно, я или Шамс, но не они.

– Понятно, – примирительно протянул якудза и снова покосился на посторонних игроков, блокировавших выход из переулка. – Так что: они будут с нами драться или позволят уйти?

– Думаю, позволят уйти, – осторожно сказала Шамс, награждая толстяка-предводителя долгим взглядом.

Эбису нахмурился, переглянулся с Алор и Камейном, затем осторожно кивнул.

– Значит, враги стали друзьями, – пожал плечами якудза, заявлявший, что он представитель агентства «Энеида». – Отлично. Но на вашем месте я бы здесь тоже не задерживался, – сказал он, когда проходил мимо Эбису. – Скоро здесь будут псы. Раньше их уничтожили бы защитные системы «Голода», но сейчас никому до них нет дела.

Якудза поравнялся с затянутой в кожу девушкой и, подмигнув, протянул ей оставшиеся световые гранаты.

– Вот, – сказал он, – это останавливает их ненадолго.

Алор смерила его презрительным взглядом, но гранаты взяла.

– А где благодарность? – скривился якудза.

Девушка кивнула.

– Никогда бы не подумала, что в агентстве «Энеида» работают игроманы, – сказала Шамс, когда они свернули за угол.

– Почему ты решила, что я игроман? – удивился якудза.

– Потому что ты ведешь себя как игроман. Особенно эти заигрывания с девчонкой. На кой черт ты отдал ей световые гранаты?

– Это не световые гранаты.

– Но ты сказал ей, что… – Шамс не договорила, прерванная взрывом.

Из переулка, где остался Эбису и его группа, вырвался столб дыма и синих языков пламени. Ученые испуганно пригнулись, а Шамс и Думах растерянно уставились на якудзу.

– Это те гранаты, да? – спросили они в один голос.

– Мне велели оставлять как можно меньше свидетелей нашего присутствия здесь, – пожал он плечами. – Кстати, меня зовут Дакоу, а то мы как-то не представились…

– Плевать я хотела, как тебя зовут! – прошипела сквозь зубы Шамс.

– Она что, обиделась? – обратился якудза к Думаху.

– Делай то, за что тебе платят, и держи язык за зубами, – посоветовал карлик в теле гиганта.

Они добрались до станции общественного транспорта и, переделав гравитационные дубинки в защитные коконы, проникли за радиус действия нейронных защитных полей, оказавшись между игровыми площадками.

Глава восемнадцатая

Шторм выбросил корабль на берег острова. Погибших не было, но игроки недовольно ворчали, что создатели «Мекки» должны были предусмотреть возможность повлиять на шторм.

– Где-нибудь на корабле можно было спрятать магическую комнату, прочитав в которой нужное заклинание, можно было получить контроль над стихией, – говорили одни.

– Или дать игрокам возможность модернизировать корабль, чтобы он лучше противостоял шторму, – говорили другие…

Но в одном они сходились все – игра должна быть пластичной, сложной, но при наличии опыта предсказуемой, дающей возможность справиться с любой бедой. Мало кому пришелся по душе набор неконтролируемых случайностей.

– Вот это аттракцион! – проворчала Малак, поднимаясь с палубы.

Последняя гигантская волна подняла корабль высоко вверх, позволяла держаться какое-то время на гребне, а затем швырнула в разверзшуюся бездну. Мир закрутился перед глазами, пока чудовищный по силе удар не лишил чувств.

– Не вижу ничего забавного в случившемся, – проворчал Крадж, проверяя, все ли кости игрового клона целы.

Качки не было, поэтому он решил, что либо сломались магнитные двигатели корабля, не выдержав подобных выкрутасов, либо так было задумано создателями проекта и нужно ждать дальнейшего развития сюжетной линии. Добравшись до края палубы, Крадж увидел, что судно выбросило на песчаный берег, ошибочно решив, что это не остров, а игровая территория под названием Тихоокеанское побережье.

– Ну что там? – спросила Малак, осторожно продвигаясь к бывшему координатору, стараясь не наступить на игроков, которые еще лежали на палубе, не придя в сознание.

– Думаю, конечная станция, – скривился Крадж.

Другие игроки, очнувшиеся чуть раньше, бродили по кораблю, пытаясь решить, как спуститься на берег. Для прыжка было высоко, а длинных веревок нигде не наблюдалось. Наконец кто-то заметил неприметную дверь, ведущую в трюм. Внутри было темно и нестерпимо пахло йодом. Изредка слышался треск уставшего металла и далекие призрачные стоны пострадавших пассажиров.

– Думаешь, здесь тоже есть игроки? – шепотом спросила Малак.

Крадж пожал плечами.

Всего в трюм осмелилось спуститься чуть больше дюжины человек.

– Не знаю, как тебе, а мне кажется, что эта игра очень жуткая, – призналась Малак, поежившись после очередного призрачного стона.

– Не любишь полного погружения? – хмуро спросил Крадж, стараясь говорить как можно тише.

– Не люблю, когда реальность и вымысел начинают сплетаться, не позволяя замечать различия.

– Да, корабль действительно вышел правдоподобным, – признался координатор. – Наверное, все дело в шторме. После этих… аттракционов, – вспомнил он слово, которым Малак назвала случившееся, – совершенно забываешь о том, что где-то осталась Размерность.

– Я имени своего не помню, а ты говоришь о Размерности, – пошутила Малак.

– Это точно, – согласился идущий впереди игрок.

Он обернулся, и Малак обменялась с ним сдержанными улыбками.

– Меня зовут Вилло.

– А меня – Малак.

Они снова обменялись улыбками. Игровой клон нового знакомого был высоким и стройным, но Малак не придавала значения этой красоте – дешевый показатель, учитывая, что внешность ограничена только воображением и суммой единиц Влияния на личном счете.

– Интересная игра, правда? – спросил Вилло, пытаясь поддержать разговор.

Малак машинально кивнула, хотела сказать, что море и шторм превзошли все ожидания, но прикусила язык, услышав стон из каюты, мимо которой они проходили.

– Может, это настоящий игрок? – спросила Малак, обращаясь к остановившемуся Краджу.

Вместо ответа бывший координатор подошел к люку и попытался открыть. Винтовой замок скрипнул, но не поддался.

– Давай помогу, – предложил Вилло.

Крадж что-то буркнул себе под нос и подвинулся, позволяя новому знакомому Малак встать рядом. Замок снова скрипнул и безнадежно замер. Успеха удалось добиться, только когда к открывающим добавилась Малак и еще два игрока. Ворча проклятия и толкаясь, они взялись за рычаг, наконец-то повернув его против часовой стрелки. Каюта оказалась пуста. Вилло подошел к иллюминатору, проверил замки и, открыв, выглянул наружу.

– Высоковато, чтобы спрыгнуть на сушу, – посетовал он.

Крадж отстранил его, желая убедиться лично. Откуда-то из коридора послышались радостные голоса игроков, нашедших канат. Они возвращались на палубу, споря, хватит или нет его длины, чтобы спуститься. Игроки, находившиеся в каюте, предложили им попробовать спуститься через открытый иллюминатор.

– Здесь намного ниже, если сравнивать с палубой, – сказал Вилло.

Канат было решено привязать к спинке прикрепленной к стене двухъярусной койки. Сложнее всего через иллюминатор оказалось протискиваться игрокам, выбравшим в качестве игрового клона тучных персонажей. Крадж чертыхался на чем свет стоит и дважды едва не сорвался, пока пытался протиснуться в узкое отверстие. Кто-то решил задержаться и рассказать оставшимся на палубе игрокам, что спуск с корабля найден, так что к моменту, когда Малак и Крадж спустились на песчаный берег, в покинутой ими каюте выстроилась громадная очередь из желающих покинуть судно. Десятки людей один за другим лезли в иллюминатор. Под итог на канате повисло так много игроков, что вес оказался критическим. Канат лопнул, и люди с криками полетели вниз, разбиваясь о желтый, нагретый солнцем песок.

– Вот черт, – растерянно сказала Малак, заворожено наблюдая, как волны, наползая на берег, смывают кровь разбившихся игроков.

– Думаю, такой и была задумка разработчиков, – хмуро сказал Крадж. – Очень удобно – игроки вылетели по своей вине. Некого обвинять. Остается вернуться в Размерность и раскошелиться на новый игровой ключ…

Малак не стала спорить. Запрокинув голову, она смотрела на палубу, с которой свешивались люди, пытаясь придумать новые способы спуска с корабля.

– Не волнуйся за них, – сказал Крадж, словно мог читать ее мысли. – Они придумают новый способ. Уверен, разработчики позаботились об этом. Давай лучше осмотрим остров.

Накатившая волна вынесла на берег человеческий глаз, выскочивший из черепа разбившегося игрока. Белая пена окрасилась в алый цвет, заставляя Малак отвернуться.

– Прости, я не расслышала, что ты сказал? – спросила она бывшего координатора.

Он мягко улыбнулся и указал на подступавший к берегу тропический лес.

– Сюда! – закричал один из успевших спуститься с корабля

игроков.

Увидев выбравшегося на берег крупного рака, он с опаской наблюдал за членистоногим, пытаясь решить, представляет или нет животное опасность.

– Не думаю, что нам нужно бояться этой твари, – сказал ему Крадж.

– Он выбрался вон из той штуки, – сказал игрок, указывая на огромную рыбу, выброшенную на берег. – Наверное, это какая-то разновидность паразита. Что если она может жить в людях?

– Не устраивай панику, – отмахнулся Крадж, но тут же замолчал, увидев крошечных личинок, окруживших рака.

Одна из них, ловко подпрыгнув, нацелилась бывшему координатору в рот.

– Вот ведь! – растерянно пробормотал он, увернувшись от паразита.

– Пожалуй, будет лучше убраться подальше от берега, – поторопил всех Вилло.

– А кто сказал, что в лесу будет безопаснее, чем здесь? – возразил нашедший рака игрок.

– Это ведь игра, – пожал плечами Вилло. – Если кто-то думает о безопасности, то почему не сидит дома?

Собравшиеся вокруг игроки нервно хохотнули, но тропический лес перестал казаться местом, где можно найти убежище. Появился спор, разделивший выбравших с севшего на мель судна людей на два лагеря. Одни говорили, что нужно дождаться, когда оставшиеся на корабле игроки найдут способ спуститься, чтобы образовать большую группу, способную защитить себя числом, если потребуется, другие убеждали, что нужно относиться к происходящему как к очередному квесту, решить который они получили право, покинув первыми судно. Спор накалил обстановку и, возможно, мог привести к ссоре, если бы на небе не появилась огромная птица семейства ястребиных.

Оперение птицы имело черно-белую окраску, а крылья в размахе превышали человеческий рост коренного жителя Квазара. Какое-то время она парила в небе, высматривая добычу, затем резко спикировала к берегу, схватила Малак мощными лапами и понесла в гнездо, расположенное на самых высоких деревьях острова.

Все произошло так быстро, что Малак не успела даже закричать: опешила, не понимая, что происходит, а когда пришла в себя, то земля уже осталась далеко внизу. Птица летела прочь от берега, тяжело махая громадными крыльями. Малак не могла пошевелиться, только смотреть. Сверху хорошо обозревался весь

остров – совсем крошечный, учитывая, что выброшенное на берег судно, казалось, может поместиться на ладони.

Малак увидела несколько крупных рек, прорезавших остров. Они брали начало в центре и расползались к краям, петляя между скалистых возвышенностей. Леса покрывали почти весь остров за исключением скалистых проплешин. Большой исследовательский центр Малак заметила лишь после того, как оказалась в гнезде похитившей ее птицы. Серое монолитное строение, пульсируя, поглощало солнечные лучи. Во внутреннем дворе, окруженном высокими стенами, ходили люди… Вернее, не люди – синергики. Малак поняла это, разглядев с высоты механическую моторику находившихся внизу машин. Особенность бросилась в глаза после того, как из здания вышла пара ученых в белых халатах. Они о чем-то спорили, энергично размахивая руками, а синергики, охранявшие комплекс, продолжали передвигаться по идеально выверенным маршрутам.

Птица, принесшая Малак в гнездо, давно улетела. Птенцов не было, зато под ногами находилась оставшаяся от яиц скорлупа. «Вряд ли я оказалась здесь случайно, – подумала Малак, пытаясь решить, как спуститься, но задача казалась невыполнимой. – Значит, попала в какой-то квест. Ладно. Не самое удачное, конечно, начало, но…» Она увидела бирюзовую вспышку, прорезавшую безоблачное небо. «А это что еще такое? – Малак пригляделась, но вспышка не повторилась. – Может, артефакты после шторма?»

Она вернулась к изучению доступных предметов, чтобы придумать, как выбраться из гнезда. Можно было попробовать выбросить из гнезда скорлупу, привлекая внимание людей и синергиков внизу, но что-то подсказывало, что это не лучший вариант. Скорее всего, их корабль, согласно игровой легенде, попал на остров случайно. Значит, внизу либо незаконная лаборатория, где создают запрещенные нейронные модуляторы, либо проводят эксперименты с антиматерией или синтезируют новые наркотики…

Малак тихо выругалась, так и не найдя решения касательно предстоящего спуска. Прыгать не имеет смысла. Дождаться, когда вернется птица, и сразиться с ней? Но как? Рядом нет ни оружия, ни других подручных средств. Малак запрокинула голову, вглядываясь в небо. Что если квест ограничен временем и задание будет считаться проваленным, если не удастся покинуть гнездо до того, как вернется птица?

Еще одна лиловая вспышка прорезала небо, заставив Малак нахмуриться. «Может быть, начинается новый шторм?» – подумала она, решив, что задача выбраться из гнезда в таком

случае может решиться сама по себе: сломается дерево или гнездо сорвет с веток, оно послужит парашютом и смягчит падение… Малак попыталась вспомнить, как шторм начинался в прошлый раз. «Нет, определенно никаких лиловых всполохов на небе не было», – сказала себе она, снова пытаясь найти решение и выбраться из гнезда. Высота, на которой оно находилось, казалась просто чудовищной. Малак понимала, что в реальности эффект достигается благодаря оптическому обману и перепрограммированию восприятия посредством интегрированного жидкого чипа, но пользы от этого было мало. Даже если до земли в реальности совсем близко, то, если выпрыгнуть из гнезда, система рассчитает заданное разработчиками ускорение, а нейронные сети приблизят эффект падения к максимально реальному.

Разработки не были новшеством и давно зарекомендовали себя в «Голоде». Сейчас клирики обсуждали возможность использования подобных эффектов в коррекционных тюрьмах, чтобы получить возможность содержать больше заключенных на меньших площадях. Вопрос упирался лишь в повышенный расход энергии. Если на игровой площадке эффект необходим время от времени, то в коррекционных тюрьмах он должен работать постоянно, что неприемлемо в условиях наступающего Ледника.

Очередная лиловая вспышка озарила небо, расползаясь паутиной тонких прожилок. «Это что-то новенькое», – подумала Малак, вспоминая, как посещала «Мекку» с Прай-Ми во время тестирования систем. В тот раз он выявил так много недоработок и нестыковок, что ей показалось, игровой проект застрянет на стадии тестирования еще как минимум на год…

– Да что не так с этим небом?! – всплеснула руками Малак, увидев, как лиловые прожилки начинают расщеплять синее небо на части, ломая стройность нейронных образов. – Словно хакерская атака, – проворчала она, разглядев за визуальными помехами балки каркаса игрового мира.

Иллюзия высокого неба рухнула. Оптический обман закончился, и Малак поняла, что каркас находится так близко, что она сможет повиснуть на балках, если подпрыгнет. Сбой продолжался несколько секунд, затем защитные системы восстановили контроль, компенсировав потери энергии за счет заимствования необходимых ресурсов у менее важных участков игровой площадки: пропала одна из рек и пара сотен деревьев. Зато небо, которое снизу могут видеть все игроки, вернуло себе прежнюю синеву и недосягаемость.

«Интересно, видел ли это Крадж? – подумала Малак,

понимая, что бывший координатор, мечтая нагадить разработчикам «Мекки», вышвырнувшим его из проекта, обязательно выяснит причины сбоя. – Разобраться бы только, что это: случайный сбой, который больше не повторится, или первая ошибка в череде других сбоев и недочетов?» Она уже видела, как происходит нечто подобное. Молодых разработчиков поджимают сроки, инвесторы требуют платить по счетам, поэтому они спешат, запуская сырой продукт. В результате появляется серия ошибок, растущих в геометрической прогрессии, пока не приводит к критическому сбою. И площадку приходится закрывать.

Малак не могла знать, но проблема сбоя «Мекки» заключалась не в халатности разработчиков и неэффективности систем контроля. За надежность последних отвечали лучшие разработчики, привлеченные из «Голода» и «Фив» для техподдержки двухуровневого игрового мира. Причиной появления лиловых вспышек на небе «Мекки» стала первая атака вируса, созданного отошедшим от дел проектировщиком игр по имени Симеон.

Атака бала пробной. Сарс не ставил целью поглотить гигантский проект целиком – он просто проверял свои силы. К тому же его сателлиты, развивающиеся в Подпространстве, только начинали адаптацию. Им предстояло пройти долгий путь от крошечных новообразований, робко взаимодействующих с системным кодом резонансных инженеров, до самостоятельных гигантов, проникающих на субслои мира энергии, создавая новые формы. Последнее, впрочем, рассматривалось Сарсом в качестве крайнего варианта.

Однажды он уже был почти уничтожен и обнулил системы, чтобы спастись. Теперь, вновь сформировав группу базисов, он не собирался повторять прежние ошибки. Сарс воспринимал установившееся на исследовательской базе ядро своих систем как основную составляющую, потеря которой недопустима. Вот с сателлитами все было проще – ими можно было жертвовать не раздумывая. И чем больше новообразований создавал Сарс, тем меньше дорожил ими – вырабатывалась определенная система, согласно которой сателлиты должны были любой ценой содействовать развитию основных систем, принося себя в жертву или просто самоликвидируясь, если их дальнейшее развитие грозило пойти в разрез с развитием Сарса.

Его создатель, потерпев неудачу на исследовательской станции, где вирус вновь заявил о себе, готовил новую ловушку, полагая, что природа Сарса, его базовые ядра, заставит системы работать в соответствии с первичными установками – поглощать

игры конкурентов, совершенствуя собственные системы. Проблема состояла лишь в необходимости определить степень развития Сарса. Иначе ловушка превратится в пищу, сделав системы адаптивного развития, вышедшие из-под контроля, сильнее.

Сложнее всего оказалось выявить степень интеграции Сарса в мир Подпространства. Сателлиты грамотно заметали следы своего присутствия в системном коде, а когда Симеон подбирался к ним достаточно близко, чтобы изучить, уничтожали себя. Плюс некоторые из них воздействовали на Квазар из материального мира, проникая в системы контроля резонансных инженеров.

Симеон не знал, но одним из главных достижений Сарса стало проникновение группы новообразований в защитный комплекс Института всемирной иерархии, славящийся надежностью на протяжении тысяч лет после наступления Великого ледника. Правда, чтобы осуществить подобный взлом, сателлиту пришлось предоставить полную независимость, в результате чего Сарс утратил контроль над новообразованием, которое, осознав себя, начало развиваться независимо. Это был уже не первый сателлит, вышедший из-под контроля, но только его Сарс не смог уничтожить. Решившее стать независимым новообразование переформировало себя, превратившись в часть защитных систем клириков. Подобное решение помогло обойти протоколы самоуничтожения, прописанные Сарсом, но лишило сателлит целостности.

Когда это произошло, Сарс, изучив варианты, заключил, что распад новообразования равносилен самоликвидации, но спустя сорок часов и восемнадцать минут разрозненные части бывшего сателлита начали формировать новую систему, позволяя простейшим протоколам охранных систем поглотить себя, а затем, действуя как паразит, выкачивать из более сильных элементов защиты необходимую для развития энергию.

После, окрепнув, разрозненные части новообразования уничтожали хозяина и переходили на новый уровень, повторяя трюк. Главной хитростью бывшего сателлита стал процесс деления при переходе на новый уровень, позволявший оставить копии поглощенных систем, чтобы основные протоколы защиты ничего не заметили. Подобный подход предполагал долгую цепочку развития, в конце которой новообразование должно было активировать разрозненные системы, объединяя копии поглощенных элементов, чтобы образовать новый комплекс.

Согласно проведенным Сарсом расчетам, процесс требовал чуть меньше восьми тысяч часов – дата, с учетом развития Сарса, слишком далекая, чтобы выделять для борьбы с восставшим

сателлитом дополнительные ресурсы. К тому же система развития новообразования изначально рассматривалась как тупиковая, нацеленная на поглощение хозяина паразитом, без возможности дальнейшего развития. В лучшем случае «паразиту» удастся получить полный контроль над защитным комплексом Института всемирной иерархии. Системы адаптивного развития Симеона сочли подобное приемлемым даже с учетом того, что сателлит мог обладать информацией о базовых ядрах основных систем Сарса.

Анализ показывал, что атака защитных систем Иерархии состоится через двести-триста часов, так что бывшее новообразование не сможет получить полный контроль над хозяином и превратится скорее в пятое колесо, нежели в достойного союзника, ознакомленного с недостатками Сарса. Также необходимо учесть, что и Сарс изменится к тому времени до неузнаваемости, особенно если удастся осознать себя на втором уровне реальности – задача пока невыполнимая для систем адаптивного развития Симеона, которые так и не смогли решить задачу преобразования базового ядра систем для взаимодействия с миром энергии.

Впрочем, Подпространство интересовало его исключительно с точки зрения неограниченного источника энергии – информация, почерпнутая из архивов клириков, поступившая незадолго до того, как внедренное в защитные системы Иерархии новообразование решило предать Сарса.

Исследования квазацентристов, открывших тонкие грани временных мембран, заняли главенствующую роль в предстоящем развитии. Но неограниченный источник энергии, при условии, что удастся получить к нему доступ, решив проблемы, не позволившие это сделать клирикам, требовал глобальных модификаций и кардинального пересмотра эволюционных схем. Это означало, что приходилось вернуть или уничтожить десятки новообразований, не вписывающихся в новую модель развития.

Процесс переформирования делился на три этапа. В первую очередь отмирали второстепенные системы слежения за потенциальными противниками: Симеоном и Мо-Джо, создавшими Сарса и осведомленными о его слабых сторонах. Проведя повторный анализ, учитывая новые варианты развития, Сарс пришел к выводу, что процентный показатель шансов на успех в противостоянии с создателями выше, если он откажется от упраздняющего удара, тратя время и силы на поиски, а выберет оборонительную тактику, готовый к контратаке. Это позволит избавиться от ряда ставших ненужными новообразований и перейти ко второму этапу

переформирования и подготовки к поиску и взлому системного кода тонких граней временных мембран.

Также Сарс перенаправил три четверти сателлитов на поиски решений получения энергии из тонких граней. Новообразования-шпионы рыскали по Размерности в поисках тайных исследовательских центров и лабораторий, где могли проводиться эксперименты по извлечению энергии из Подпространства. Один из этих новообразований-шпионов наткнулся на скрытые протоколы получения Всемирной иерархией энергии из находившихся в капсулах терминалов тел жителей КвазаРазмерности и ошибочно принял процесс за пример взлома тонких граней.

Сателлит начал активную проверку, передавая данные центральному ядру, едва не выдав себя, создав серьезного врага в лице клириков – противостояние, к которому Сарс не был готов. Поэтому, осознав, что новообразование допустило ошибку, он модифицировал сателлит, направив клириков по ложному следу к несуществующим создателям вторгшегося набора протоколов.

Еще одно шпионское новообразование обнаружило базу Лок-Кли, где работала над созданием ловушки для Сарса пара его создателей. Но к этому моменту система адаптивных алгоритмов развития Симеона уже сменила стратегию и решила не тратить время и силы на борьбу с потенциальными противниками, которые в случае успешного освоения технологии получения энергии Подпространства через тонкие грани временных мембран перестанут представлять угрозу.

Поиски необходимых технологий практически зашли в тупик, когда один из сателлитов, созданный не ради поисков, а чтобы просто отвлекать внимание, поддерживая сбой нейронных сетей седьмого поколения, наткнулся на лабораторию ученых Энрофы, созданную благодаря поддержке крупного арендодателя из Isistius labialis по имени Демир. Основной центр лаборатории находился в неиндексированных территориях Квазара, но и тех крупиц, что были доступны в Размерности, хватило Сарсу, чтобы понять – он на верном пути.

Разработка нового вида сателлитов, способных проникнуть в неиндексированные уровни Квазара, заняла чуть менее ста часов: прорыва удалось добиться благодаря украденным из Института всемирной иерархии данным о перенаправлении энергии находящихся в капсулах терминалов человеческих тел и сохранившимся данным времен, когда Сарс пытался отыскать одного из своих создателей, скрывавшегося в Подпространстве.

Новые сателлиты получили полную независимость, но целью

их существования было не бесконечное развитие или паразитирование, как в случае с новообразованием, заразившим системы защиты клириков, а стремление к воссоединению с Сарсом посредством тонких граней временных мембран.

Теперь оставалось установить связь и ждать, когда ученые, не подозревающие о том, что за их работой наблюдает посторонняя система, добьются прорыва и проведут первый эксперимент по передаче энергии из Подпространства в материальный мир. Тогда на сцену выйдет Сарс, получив полный контроль над системами защиты. Он будет совершенствовать себя, пока не сможет самостоятельно контролировать поток передаваемой энергии, увеличивая канал, стирая грани между мирами, заставляя эволюционировать и меняться не только себя, но и реальность КвазаРазмерности…